2026
№3

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПРОМЕТЕЙ

НОЯБРЬ

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

СОДЕРЖАНИЕ

Международный обзор: октябрь 2026.....стр. 4-28
Разделы: *Барометр цикла и тень золотого тельца – Шаг за пределы треста – Закон неравномерного развития, пять признаков империализма и понятие структурного кризиса – Диалектика базиса и надстройки: марксистская теория международных отношений – Индивидуальная и рыночная стоимость: механизм сверхприбыли – От Ормузского удушья до арктической аннексии – Каннибализм внутри североамериканского картеля – Южная Атлантика и Карибский бассейн: прямой захват суверенитета – Уничтожение условий воспроизводства: гангрена войны – Распад европейского картеля: стагнация Германии и классовый страх балканской буржуазии – Миф о единой Европе – Faux frais войны: изъятие прибавочной стоимости через бюджетный секвестр и идеологический дурман – Всеобщий интеллект и сходка Второго триумвирата – Космос как последняя свалка для избыточного капитала – Итоги: между социализмом и варварством*

Политические оболочки капитализма на империалистической стадии.....стр. 29-41
Опыт историко-материалистического анализа
Разделы: *Постановка проблемы – Теоретический уровень – Методологический уровень – Сущностный уровень – Феноменальный уровень – Политические выводы*

Анатомия глобального отчуждения
Физиологический предел капитала и задачи коммунистического авангарда.....стр. 42-48
Разделы: *Коммунистическая революция – единственный предел эксплуатации – Материальные корни ложного сознания: поляризация, атомизация и война – Безальтернативность борьбы*

Классовая борьба в мире
Отлив после прилива: рабочее движение между двумя мировыми войнами (1921–1939). Часть I .....стр. 49-61
Разделы: *От штурма к отступлению: исчерпание революционной волны – Классовая борьба в СССР: от Кронштадта до сталинской контрреволюции – "Красное двухлетие": захват фабрик и рождение превентивной контрреволюции – Уничтожение боевого ядра рабочего класса: всеобщая забастовка 1926 года в Великобритании – Единый фронт наизнанку: революция и контрреволюция в Китае (1925–1927) – Крах 1929 года: конец стабилизации и радикализация буржуазии – Германская трагедия: от "социалистических" коалиций к триумфу нацизма (1921–1933)*

Национальный вопрос, империализм и коммунистическая революция
Исторический материализм и эволюция национального вопроса. Часть I .....стр. 62-71
Разделы: *Историческая трансформация национального вопроса (эпоха прогрессивного капитализма – эпоха классического империализма – завершение эпохи колониализма – окончательное решение аграрного вопроса) – Национальная иерархия рабочей силы как орудие эксплуатации*

Сущность аграрной революции и её роль в стратегии пролетариата .....стр. 72-80
Разделы: *Научное понятие аграрной революции – Революционная роль крестьянства ("Крестьянские страны" – "Развитые страны") – Инвариантность пролетарских стратегий – Миф о "новом видении" Ленина*

Анализ развития капитализма и революционная стратегия .....стр. 81-88
Разделы: *Военно-феодальный империализм – Капиталистический голод – Два пути развития капитализма – О задачах пролетариата в буржуазной революции – Высшая стадия капитализма – Социал-шовинизм Сталина и Плеханова – Приложение: Ленинизм и империалистическая война*

Уроки поражения
Объективные причины изоляции и контрреволюции. .....стр. 88-94
Разделы: *Деклассирование пролетариата и фикция партийной жизни на местах – Бюрократизация партии и кристаллизация класса буржуазии (Вырождение кадрового состава – Консолидация власти госаппарата)*

Письма Фридриха Энгельса об историческом материализме .....стр. 94-104
Разделы: *Предисловие редакции – Энгельс Конраду Шмидту, 5 августа 1890 г. – Энгельс Йозефу Блоху, 21–22 сентября 1890 г. – Энгельс Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. – Энгельс Францу Мерингу, 14 июля 1893 г. – Энгельс В. Боргиусу, 25 января 1894 г.*

От редакции:

Товарищи, перед вами третий номер журнала.

Первые два выпуска позволили нам, как в процессе подготовки, так и в дискуссиях с читателями, глубже осознать ключевые проблемы современного коммунистического движения. Прежде всего – необходимость вновь поставить вопрос "Что делать?" и найти на него ответ в условиях загнивающего капитализма, который продолжает своё полное противоречий развитие, создавая новые колоссальные производительные силы. Сегодня это меняет ситуацию на рынке труда, а завтра поднимет противостояние империалистических держав на невиданный в истории уровень. Однако в будущем, если мы, коммунисты, извлечем уроки из прошлого и преодолеем нашу нынешнюю слабость и разрозненность, эти же самые вырывающиеся из рук капитала силы смогут стать прочным фундаментом коммунистического общества.

Каким оно будет? Наступит ли оно вообще? Это зависит от нас: от наших сегодняшних усилий, ясности теоретического видения и методологической точности.

Поэтому мы вновь обращаемся к читателям: если вы разделяете изложенные здесь политические позиции, не оставайтесь сторонними наблюдателями. Подключайтесь к работе над журналом и помогайте в его распространении.

Развитие современных производительных сил предоставляет новые технические инструменты для марксистской печати. Иллюстративный материал данного номера создан с применением технологий искусственного интеллекта (генеративных нейросетей Gemini 3 Flash Image и DALL-E 3). ИИ выступил здесь исключительно в роли средства производства, тогда как идейная концепция, постановка задач и финальная обработка образов являются результатом живого человеческого труда коллектива нашей редакции.

Печатный орган группы "Коммунистический Прометей".
email: komunistprometey@ik.me
Тираж: менее 1000 экз. Дата выхода из печати 1 ноября 2026 года. Печать собственная.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЗОР:

ОКТЯБРЬ 2026

Сквозь пороховой дым и цифровой туман современности буржуазная мысль способна разглядеть лишь хаос: панику на финансовых рынках она списывает на ошибки центробанков, распад старых дипломатических союзов – на упрямство политиков, а кровавую бойню за передел рынков – на столкновение абстрактных “цивилизаций” или защиту мифических “национальных интересов”. Настоящий текст ставит своей задачей сорвать эти идеологические маски.

За внешним безумием дипломатических зигзагов, военных сводок и биржевых пузырей скрывается физиология структурного кризиса капиталистического способа производства. От паралича кредитной системы Уолл-стрит до войны в Восточной Европе, от аннексии арктических льдов до экологического истощения “глобального Юга” алгоритмическими монополиями – на всех широтах планеты разворачивается единый объективный процесс. Перезрелый, задыхающийся от перенакопления фиктивный капитал судорожно ищет спасения от обесценения, бросая в топку сохранения своей нормы прибыли судьбы всего человечества и биосферу Земли.

Этот обзор – не бесстрастная академическая хроника распада. Это теоретическое оружие. В эпоху, когда системная “левая” оппозиция по всему миру уже давно выступает неотъемлемой частью буржуазного правящего класса, использующей псевдомарксистскую фразеологию исключительно в электоральных целях, очищение историко-материалистического анализа от любых искажений становится вопросом политического выживания для рабочего движения. Читателю предстоит увидеть, как издыхающий базис ломает надстройку, как новейшие технологии лишь доводят отчуждение до абсолюта, и почему сегодня, как никогда прежде, материальная ткань истории ставит человечество перед безжалостным выбором: организованное коммунистическое действие пролетариата или скатывание в варварство тотального уничтожения.

Капитал на стадии своего структурного заката приобретает поразительное свойство: он перестаёт верить в собственные фетиши и расписывается в неспособности выжить без костылей государства. 16 сентября, после трёх с половиной лет паралича мировой кредитной системы, Федеральная резервная система США попыталась имитировать контроль над ситуацией, единогласно взвинтив базовую ставку до 3,75–4,00 %. Официальная буржуазная пресса поспешила выдать эту конвульсию за осмысленную "защитную меру" против инфляции. Но объективную реальность не заговорить банковскими коммюнике. Уже через сутки рынки охватила паника: вооружённые квантовыми алгоритмами брокеры, отбросив весь свой цифровой снобизм, бросились скупать золото. Спасаясь от краха собственных иллюзий, Уолл-стрит припадает к своему самому древнему идолу, ища твёрдую опору в докапиталистической, вещественной телесности того самого "презренного металла"[1], за который, как поёт Мефистофель в опере Гуно, неизменно гибнут люди. Сами же Соединённые Штаты, словно бальзаковский Цезарь Бирото, уже покатились с Олимпа былого величия, но ещё не осознали, что находятся в упадке. В попытках оттянуть развязку вашингтонское правительство в последний момент откладывает очередной срыв бюджетного процесса, параллельно осуществляя тихую, ползучую национализацию – государство уже скупило доли в трёх десятках корпораций Уолл-стрит на 27 миллиардов долларов. Поможет ли *в конечном итоге* эта спекуляция Вашингтона избежать бесславного падения парижского парфюмера?

Три этих сюжета – повышение ставки после долгой паузы, паническое бегство в золото и национализация через покупку акций – не случайные разрозненные новости, а три грани одного и того же процесса: перезрелый, избыточный капитал ищет выход и последовательно испытывает на прочность все механизмы собственного самосохранения – кредит, деньги, само государство. И, как покажет дальнейшее изложение, этот же трагифарс разворачивается сегодня на всех широтах планеты – от арктических льдов до парагвайской сельвы, от окопов Донбасса до конвейеров Детройта.

I. БАРОМЕТР ЦИКЛА И ТЕНЬ ЗОЛОТОГО ТЕЛЬЦА

Маркс отмечал закономерность, знакомую любому опытному биржевику: движение ставки процента органически коррелирует с фазами промышленного цикла, причём *«наибольшей высоты ставка процента достигает во время кризисов, когда, чего бы это ни стоило, приходится брать взаймы для производства платежей»*[2], – то есть именно в момент, когда цепь взаимных платежей рвётся и капиталу приходится любой ценой добывать деньги для спасения от банкротства. Три с половиной года стагнации, сменяющиеся резким рывком ставки вверх в тот момент, когда реальный рост экономики остаётся в лучшем случае вялым, – это не глубокое дыхание здорового организма, сбрасывающего избыточное напряжение, а судорога удушья. Ставка поднимается не вслед за производственным бумом, генерирующим прибавочную стоимость, а вслед за войной, милитаризацией и тарифами.

Симптоматичнее всего – реакция на рынке золота. Центральные банки – эти коллективные бухгалтеры национальных буржуазий – продолжают скупать металл рекордными темпами: доля золота в официальных резервах ЕЦБ достигла 27 %, обогнав даже казначейские облигации США – некогда "священную корову" капитализма. В капитале, приносящем проценты, – писал Маркс, – *«капиталистическое отношение достигает своей наиболее внешней и фетишистской формы»*[3]: деньги здесь выступают как мистическая, самовозрастающая стоимость, порождающая богатство сама по себе, в полном отрыве от процесса производства. Этот ренессанс жёлтого металла знаменует практический крах высшей, наиболее мистифицированной формы стоимости: иллюзия, будто фиктивный капитал способен бесконечно самовозрастать по мановению печатного станка, рассыпается при первом же системном шоке. Утратив веру в обязательства собственного государства, финансовая олигархия регрессирует к всеобщему эквиваленту – единственной форме богатства, не поддающейся ни инфляционной эмиссии, ни алгоритмической генерации.

Однако для полного понимания этой паники необходимо углубить анализ самого фиктив-

1 - Иронии этому трагическому фарсу добавляет то, что это выражение в XVIII–XIX веках активно использовали писатели-романтики, чтобы противопоставить "высокие чувства" низменной человеческой жадности.

2 - Маркс К. Капитал. Том третий // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. I. С. 396.

3 - Там же. С. 430

ного капитала. Ренессанс золота – это лишь защитная реакция на гипертрофию современного финансового сектора. Подлинный масштаб патологии раскрывает современный рынок деривативов. Сегодняшние финансовые инструменты (индексы, опционы, фьючерсные контракты) – это уже не просто классический кредит. Это колоссальная глобальная торговля титулами собственности на ещё не произведённую, будущую прибавочную стоимость. Капитал, задыхаясь от абсолютного перенакопления в настоящем, пытается "колонизировать" само время.

Именно в этой попытке присвоить будущее кроется разгадка той мгновенной рыночной паники при малейшем повышении базовой ставки, о которой шла речь в начале обзора. Базовая ставка ФРС выступает безжалостным законом гравитации: она дисконтирует, то есть математически обесценивает, всю эту воображаемую, устремлённую в будущее стоимость. Как только реальные кредитные деньги дорожают, "колонизированное" капиталом "завтра" схлопывается, возвращая оторвавшуюся от производства финансовую олигархию к суровой реальности.

Обратной, ультрасовременной стороной этого же бегства от собственных традиционных форм выступает криптоиндустрия. Объём транзакций только со стейблкоинами достиг в 2024 году астрономических 27,6 трлн долларов – больше совокупного оборота Visa и Mastercard вместе взятых. Для марксиста эти цифры – не свидетельство "инновационного прогресса", а симптом грандиозной патологии: колоссальный теневой контур фиктивного капитала, созданный транснациональной буржуазией для уклонения от налогов, обхода санкций и спасения прибылей за рамками государственного регулирования. Характерна и реакция самого буржуазного государства: испугавшись перспективы утраты монетарного суверенитета перед лицом частных корпоративных валют, оно немедленно нанесло ответный удар – государства бросились разрабатывать собственные цифровые валюты (CBDC).

II. ШАГ ЗА ПРЕДЕЛЫ ТРЕСТА

От бегства в золото – к бегству под крыло государства: капитал, потерявший веру в деньги, ищет последнего поручителя.

В III томе "Капитала" Карл Маркс, фиксируя переход капитализма к новой ступени господства акционерного капитала (тенденцию, которую Фридрих Энгельс позже экстраполировал на картели и тресты), квалифицировал это как *«упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства и потому само себя уничтожающее противоречие»*[4], подготавливающее почву для будущей экспроприации частной собственности всем обществом. К осени 2026 года эта строка из "Капитала" перестаёт быть отдалённым прогнозом и превращается в биржевую хронику: одно лишь американское государство держит около десятой части акций Intel, пятнадцатипроцентный пакет в добытчике редкоземельных металлов MP Materials, "золотую акцию" в U.S. Steel, доли в производителях квантовых компьютеров и в арктических горнорудных проектах – и всё это без единого консолидированного реестра разбросано по четырём разным ведомствам. Каждое объявление о государственной доле немедленно взвинчивает котировки на десятки и сотни процентов: рынок откровенно реагирует не на улучшение производства, а на сам факт, что государство отныне обязано спасать компанию как совладелец. Это отнюдь не социализм. Маркс характеризует это как *«частное производство без контроля частной собственности»*[5]. Как исчерпывающе показал Энгельс в "Анти-Дюринге", национализация представляет собой не просто спасительные "костыли" для терпящего убытки бизнеса. Это неопровержимое материальное доказательство того, что гигантские производительные силы окончательно переросли тесные рамки формы частного управления.

Государственная собственность лишь доводит капиталистическое отношение до высшей точки, делая государство идеальным совокупным капиталистом. Государство берёт на себя прямое управление экономикой вовсе не для отмены капитализма, а, напротив, для спасения капиталистического способа производства от неминуемого краха. Это высшая и последняя стадия отчуждения, на которой капитал вынужден снимать свою собственную, классическую форму частной собственности ради самосохранения.

Распределение прибыли по-прежнему остаётся частным, а убытки национализируются, то есть пе-

4 - Там же. С 481.
5 - Там же. С 482.

рекладываются на плечи пролетариата. Наступает именно тот исторический момент, когда буржуазия руками своего государства готовит организационные формы будущей экспроприации, доказывая рабочему классу собственными биржевыми котировками: гигантские производительные силы уже де-факто требуют единого общественного управления. Вмешательство государства делает переход к плановой, социалистической экономике технически и организационно готовым. Чтобы запустить этот грандиозный механизм на благо всего общества, пролетариату остаётся лишь одним революционным ударом отсечь паразитическую политическую верхушку, экспроприировав этот уже выстроенный государственно-монополистический аппарат.

III. ЗАКОН НЕРАВНОМЕРНОГО РАЗВИТИЯ, ПЯТЬ ПРИЗНАКОВ ИМПЕРИАЛИЗМА И ПОНЯТИЕ СТРУКТУРНОГО КРИЗИСА

Прежде чем переходить к сюжетам борьбы империалистических государств, необходимо развернуть теоретические инструменты, без которых разрозненные факты – от Гренландии до Парагвая – рискуют остаться хроникой, а не системным анализом. Ленин любил цитировать уже упомянутого в начале статьи гётевского Мефистофеля: *«Теория, мой друг, сера, но зелено вечное древо жизни»*. Однако не менее верно и то, что без серой теории зелёная листва фактов превращается в гербарий.

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ КАК ЗАКОН, А НЕ АНОМАЛИЯ

Ленинский тезис о неравномерности экономического и политического развития капитализма – не постулат, добавленный к теории Маркса извне, а прямое следствие механизмов, уже заложенных в зрелой политэкономии самого Маркса. В III томе “Капитала” показано: общая норма прибыли образуется путём выравнивания отраслевых норм, изначально резко различных вследствие разницы в органическом строении капитала.[6] Но это выравнивание – не состояние, а именно тенденция:

«Конкуренция капиталистов, – которая как раз и является этим движением к выравниванию, – заключается здесь в том, что она постепенно отвлекает капитал от тех сфер, в которых прибыль долгое время стоит ниже среднего уровня, и так же постепенно привлекает его к тем сферам, в которых она превышает средний уровень; или также в том, что дополнительный капитал мало-помалу в различных пропорциях распределяется между этими сферами. По отношению к этим различным сферам это – постоянные колебания прилива и отлива капитала, а отнюдь не одновременное действие всей массы капитала, как при определении ставки процента».[7]

Таким образом, неравномерность – нормальное, постоянно воспроизводимое состояние капиталистического способа производства. Ленинский закон есть перенесение этой закономерности на уровень мирового рынка, где само выравнивание многократно затруднено государственными границами.

Вывоз капитала – одна из важнейших контртенденций падению нормы прибыли – становится возможным именно благодаря исторической неравномерности развития экономик. Разница в органическом строении национальных капиталов создаёт своеобразный перепад давления, который выталкивает инвестиции за рубеж. Маркс указывал:

«Если капитал вывозится за границу, то это происходит не потому, что он абсолютно не мог бы найти применения внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещён при более высокой норме прибыли».[8]

Следовательно, сама природа этого механизма исключает одновременность: мировая арена всегда разделена на тех, кто уже задыхается от избытка капитала, не находящего прибыльного применения, и тех, чья относительная отсталость служит для него питательной средой.

Здесь, однако, марксистский анализ требует безжалостного теоретического разрыва с концепциями тьермондизма, теориями “зависимого развития” и мир-системного анализа, десятилетиями твердившими о вечной консервации “периферии” под пятой западного “центра”. Да, на первом этапе империалистическая метрополия действительно спасает свою норму прибыли за счёт эксплуатации разрыва в органическом строении капитала и неэк-

6 – «[...] *в зависимости от различного процентного отношения переменной части ко всему капиталу данной величины равновеликими капиталами приводятся в движение весьма различные количества труда, равновеликими капиталами присваиваются также весьма различные количества прибавочного труда, или производятся весьма различные массы прибавочной стоимости*» (Маркс К. Капитал. Том третий // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. I. С. 172).

7 - Маркс К. Капитал. Том третий // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. I. С. 401–402.

8 - Там же. С. 281.

вивалентного обмена. Маркс предельно точно препарировал этот механизм перекачки стоимости.[9]

Но идеалистическая ошибка мнимых защитников "угнетённого Юга" состояла в вере, будто старый империалистический гегемон способен удержать этот процесс в замороженном состоянии. Государство, вырвавшееся вперёд, разумеется, *субъективно* желало бы законсервировать этот разрыв навечно, превратив остальной мир в бесправный рудник. Однако *объективные* законы накопления ломают эти полицейские мечты. История – и сегодняшний капиталистический триумф Китая, Индии, Индонезии, а следом и Вьетнама – камня на камне не оставила от догмы о вечной недоразвитости, подтвердив железную правоту марксистской диалектики.

Развивая мысль Маркса, Ленин прямо указывал: вывоз капитала не консервирует отсталость, а, напротив, колоссально ускоряет развитие капитализма в тех странах, куда он направлен. Буржуазия старых метрополий, вынося производство в Азию в слепой погоне за прибавочной стоимостью и дешёвыми рабочими руками, сама роет себе историческую могилу. Происходит диалектическое возмездие, опирающееся на закон комбинированного развития: вчерашняя "сборочная мастерская" впитывает передовые технологии и всеобщий интеллект, играючи перепрыгивая через те мучительные исторические стадии индустриализации, на которые Европа и США потратили столетия. *«Привилегия исторической запоздалости»*[10], – так охарактеризовал этот феномен Троцкий.

Стремясь спасти свою норму прибыли, старые империалистические хищники собственными руками вооружили и выпестовали новые, могущественные центры накопления капитала, которые сегодня закономерно требуют пересмотра границ, рынков и логистических артерий. Неэквивалентный обмен сам порождает силу, которая разрушает господствующее положение вчерашних гегемонов.

Полемизируя с американским экономистом Кэри, Маркс подчёркивал: буржуазное общество США развивалось *«не на основе феодализма»*[11], а как исходный пункт нового движения – *историческая неодновременность* национальных капитализмов укоренена не только в темпах роста, но и в разнице траекторий разложения докапиталистических форм. И, наконец, оборотная, ускоряющая сторона того же закона – возможность комбинированного развития: поскольку источником богатства на высокой ступени капитализма *«продолжает оставаться масса непосредственного рабочего времени, количество затраченного труда как решающий фактор производства богатства. Но по мере развития крупной промышленности созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность), не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники, или от применения этой науки к производству»*.[12]

Технологический скачок способен переноситься от одного капитала к другому, минуя стадии, пройденные первопроходцем.

ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА И ЕЁ ПРИМЕНИМОСТЬ СЕГОДНЯ

Любая попытка отмахнуться от ленинского анализа империализма неизбежно ведёт к теоретическому краху. Мы не можем затушёвывать реальные противоречия национальных капиталов благостными иллюзиями о возможности их мирного сосуществования. Век назад каутскианство обещало гармонию через теорию "ультраимпериализма" – перспективу "мирного" и "справедливого" сговора международных трестов; сегодняшние буржуазные идеалисты кормят массы абстракцией

9 - *«Норма прибыли повышается, поскольку труд более развитой страны оценивается как труд более высокого удельного веса, поскольку этот труд, не оплачиваемый как труд более высокого качества, продаётся как таковой. Такое же отношение может сложиться и для той страны, в которую отправляются товары, и для той, из которой товары поступают; может, в частности, оказаться, что такая страна отдаёт овеществлённого труда* in natura *больше, чем получает, и что всё-таки получает при этом товары дешевле, чем могла бы сама их производить. Совершенно так же, как фабрикант, применяющий новое изобретение прежде, чем оно нашло всеобщее распространение, продаёт дешевле своих конкурентов и всё-таки выше индивидуальной стоимости своих товаров, т. е. сравнительно более высокую производительную силу применяемого им труда превращает в прибавочный труд. Он реализует таким образом добавочную прибыль»* (Маркс К. Капитал. Том третий // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. I. С. 280).

10 - Троцкий Л. Д. История русской революции. В 2 т. М.: Терра; Республика, 1997. Т. 1. С. 35.

11 - Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант "Капитала") // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. I. С. 4.

12 - Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант "Капитала") // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. II. С. 213.

"многополярного мира". Обе эти концепции совершают одни и те же фатальные ошибки: они игнорируют закон неравномерного развития и отрывают политику от экономики. Цена этих ошибок для рабочего класса – утрата способности видеть материальные корни неизбежной империалистической бойни и переход на позиции социал-шовинизма.

Метод исторического материализма требует применения строгих, проверяемых признаков анализа к конкретной реальности, отвергая как мир-системные схемы жёсткого деления на "центр и периферию", так и морализаторское тьермондистское противопоставление "угнетённых наций" "коллективному Северу". Ленинская теория империализма – не догма, а руководство к действию, требующее выявления того, как изменилась форма капиталистического присвоения при сохранении его сущности.

ПЯТЬ ПРИЗНАКОВ ИМПЕРИАЛИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Проверим это руководство на пяти признаках империализма, как их сформулировал Ленин, и посмотрим, что сохранилось с 1916 года, а что изменилось.

1. Концентрация производства и капитала, доходящая до монополии.

Этот закон доведён сегодня до небывалой степени зрелости. Капитализация Nvidia, китайская монополизация производства компонентов для робототехники, контроль гиперскейлеров (Amazon, Microsoft, Google) над мировыми вычислительными мощностями – буквальное проявление того, как свободная конкуренция неизбежно порождает свою противоположность. Сегодня эта монополия опирается не только на реально существующие заводы, но и на право собственности (патенты, лицензии, закрытые архитектуры). Пример компании ASML, обладающей абсолютной мировой монополией на литографические сканеры EUV для производства чипов, доказывает: концентрация технологий стала главным барьером для входа конкурентов и средством извлечения глобальной монопольной ренты.

2. Слияние банковского капитала с промышленным и образование финансового капитала.

Финансовый капитал претерпел глубокую институциональную эволюцию. Описанная Лениным *«личная уния»*[13] банков, промышленности и правительства никуда не исчезла, "вращающиеся двери" между правительственными кабинетами и офисами акул мирового капитала сохраняются, но она переросла в государственно-монополистический капитализм. Если в начале XX века сращивание финансовой олигархии с госаппаратом опиралось на персональное представительство и распределение госзаказов, то сегодня мы наблюдаем институциональное слияние, при котором государственный аппарат выступает встроенным элементом воспроизводства монополий. Буржуазное государство выполняет функцию абсолютного страховщика финансовой олигархии: спасает корпорации от банкротства (доктрина *"too big to fail"*[14]), через эмиссию центробанков выкупает их долги и берёт на себя финансирование фундаментальных технологических рисков (от микрочипов до ИИ), оставляя монополиям приватизацию прибыли. Классические банки при этом уступили гегемонию мегафондам управления активами (BlackRock, Vanguard), для которых государственный механизм служит главным инструментом защиты от обесценивания капитала. И здесь кроется важнейшее *качественное отличие* от ситуации 1916 года. Если век назад классический банкир-монополист всё же рисковал собственным или привлечённым банковским капиталом, то современные мегафонды перешли к масштабному управлению так называемыми "пассивными" индексными фондами. Диалектика капитала дошла здесь до своего предела: монополии де-факто обобществили само владение, аккумулировав пенсионные накопления и сбережения миллионов наёмных работников по всему миру, но при этом гиперцентрализовали контроль над этими средствами в своих руках. Сегодня финансовая олигархия управляет мировой экономикой, назначает советы директоров транснациональных корпораций и диктует волю целым государствам, совершенно не рискуя собственным капиталом. Управляя чужими, обобществлёнными деньгами, она приватизирует власть и сверхприбыли, что делает её диктатуру ещё более абсолютной, а её природу – беспрецедентно паразитической.

3. Вывоз капитала, приобретающий особо важное значение.

Направление потоков капитала больше не определяется устаревшими статусами "метрополий" и "колоний". Вывоз капитала перестал быть ули-

13 - Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 42. С. 337.
14 - "Слишком большой, чтобы рухнуть".

цей с односторонним движением. Скупка в 2016–2017 годах китайским концерном Midea Group акций немецкого производителя промышленных роботов KUKA – это вывоз капитала из *империалистического* государства относительно недавнего стремительного накопления в старую *империалистическую* державу. Это подтверждение ленинского тезиса о скачкообразности развития: аккумулировав прибавочную стоимость, новые центры капитализма сами становятся субъектами империалистической экспансии, неизбежно сталкиваясь со старыми хищниками.

4. Образование международных монополистических союзов капиталистов.

Формы картельного сговора стали гибридными, прямо опирающимися на государственное принуждение. Пакты технологических гигантов с госструктурами делят мировой рынок, а государственная мощь используется как инструмент конкурентной борьбы. Современные санкции, экспортный контроль и запреты на передачу технологий (например, блокировка доступа Huawei к американским чипам или давление США на Нидерланды с целью запрета экспорта оборудования в КНР) – это не политические капризы, а современные формы картельного сговора международных монополистических союзов, использующих государственную машину.

5. Закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами.

Классические колониальные империи ушли в прошлое, но это не отменяет факта раздела мира. Сегодня объектами дележа являются не колониальные территории, а логистические узлы (Ормузский пролив, Северный морской путь, Суэцкий канал), инфраструктура подводных интернет-кабелей, энергосети с их лимитами, газопроводы, месторождения редкоземельных металлов (литий в Африке и Южной Америке) и массивы цифровых данных. Мир поделён физически и экономически. Изменить баланс сил можно лишь новым силовым переделом. Именно о нём писал Ленин, и этот передел продолжается.

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ БАЛАНС

Для объективного анализа необходимо чётко зафиксировать, какие аспекты ленинской концепции империализма оказались исторически преходящими (отражающими специфику начала XX века), а какие составляют фундаментальное ядро современной эпохи капитализма.

Ленин писал в эпоху существования старых колониальных империй, когда раздел территорий означал установление военных администраций и прямую аннексию. Сегодня эта форма неактуальна. Капитал обнаружил, что экономическое подчинение через кредиты МВФ, контроль над технологическими стандартами и неэквивалентный обмен эффективнее и дешевле содержания оккупационных войск; словно шекспировский Шейлок, капитал готов дать в долг, но в залог требует фунт мяса, вырезанного из тела пролетариата.

Модель “богатый Север инвестирует в бедный Юг” сломана законом неравномерного развития: новые центры накопления (в первую очередь Китай) сформировали собственный финансовый капитал, и сегодня экспорт капитала идёт в том числе по линиям “Юг–Юг” и “Юг–Север”.

В 1916 году главными игроками были депозитные коммерческие банки. Сегодня гегемоном финансового капитала является “теневой банкинг” и мегафонды по управлению активами. Произошла виртуализация и секьюритизация активов, где главным инструментом концентрации стали деривативы и фондовые индексы.

Несмотря на все эти очевидные изменения текущие события доказывают правоту Ленина в полемике с Каутским: любые союзы империалистов (от G7 до БРИКС) являются лишь *«“передышками” между войнами»*[15]. Баланс сил постоянно меняется из-за неравномерности развития. Мирный сговор капиталов невозможен, так как норма прибыли падает, а рынки ограничены. “Многополярный мир” в рамках капитализма – это не система всеобщей безопасности, а предвоенная фаза формирования враждующих империалистических блоков для нового передела. Война на Украине, обострение вокруг Тайваня и торговые войны США и КНР – прямое эмпирическое доказательство этого закона.

Изменение соотношения экономических сил неизбежно требует приведения политических и военных границ в соответствие с новой реальностью. Китай, аккумулировавший огромную промышленную мощь, объективно вынужден проецировать политическое и военное влияние вовне для “защиты” своих логистических цепочек (проект “Один

15 - Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 42. С. 417.

пояс, один путь") и рынков сбыта, что неизбежно ведёт к лобовому столкновению с США – старым гегемоном мировой империалистической системы.

Концентрация капитала не остановилась, она перешагнула национальные границы и достигла планетарных масштабов, подчинив себе науку, логистику и даже космос.

Развитие марксистской теории империализма не исчерпывается исторической полемикой Ленина и Каутского. Для целостного понимания эпохи необходимо обращение к дебатам начала XX века, в которых свои оригинальные концепции выдвинули Роза Люксембург, Николай Бухарин и Антон Паннекук. Именно на этих глубоких теоретических корнях в дальнейшем строили свои размышления представители различных течений левого коммунизма. Из них же исходит и концепция унитарного империализма Арриго Черветто.[16]

ЧТО ТАКОЕ СТРУКТУРНЫЙ КРИЗИС?

Если ленинские признаки фиксируют неизменные характерные черты высшей стадии капитализма, то для понимания беспрецедентной остроты сегодняшних конвульсий мы обязаны спуститься в самое машинное отделение системы – к механизму самовозрастания стоимости. Тот факт, что империалистические хищники перешли от рутинного экономического передела к физическому уничтожению производительных сил, невозможно объяснить одними лишь возросшими аппетитами монополий. В основе этой агрессии лежит паралич самого экономического базиса – исчерпание фундаментальных контртенденций накопления, переводящее систему в состояние глубокого структурного кризиса.

Прежде всего необходимо строго развести два понятия, которые буржуазная – да и часть относящей себя к марксистской – публицистика постоянно смешивает.

Циклический кризис есть регулярная фаза цикла накопления капитала: перепроизводство капитала временно обесценивает его часть – сгорают капиталы, падают цены, восстанавливается норма прибыли, и накопление продолжается на прежнем базисе. Циклический кризис лечит диспропорции рынка.

В отличие от циклического, *структурный кризис*[17] – это момент, когда сами контртенденции, тормозящие падение нормы прибыли, исчерпаны или заблокированы, так что требуется не очередная девальвация части капитала внутри старого базиса, а перестройка самого базиса накопления. Структурный кризис означает, что старый базис больше не работает. Однако это вовсе не означает автоматического конца системы. Мы категорически отвергаем механистическую "теорию краха": структурный кризис – это не финальный аккорд, после которого капитализм умирает естественной смертью. Капитализм никогда не рухнет сам по себе от достижения некоего "структурного предела", его сбросит лишь пролетариат.

Без структурных преобразований система капитала действительно погружается в долговременное гниение, сопровождающееся конвульсиями войн. Как мы видим из истории, капитализм способен мутировать, переходя к новым формам[18]. Капитал обладает поистине дьявольской способностью находить новые сферы для эксплуатации там, где старые механизмы дают сбой. Сфера услуг, коммодификация личных данных миллионов пользователей и платформенная гиг-экономика – всё это новые, гигантские резервуары извлечения абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Капитал коммерциализирует саму социальную ткань и время человека, пытаясь доказать, что у него нет абсолютного экономического предела.

Однако являются ли эти цифровые и платформенные мутации новым структурным разрешением кризиса, сопоставимым с перечисленными

16 - Детальный разбор этих подходов, их сильных сторон и исторически обусловленных ограничений мы проведём в будущих номерах нашего журнала.

17 - Понятие "структурный кризис" вошло в оборот в 1970-е годы. Крах послевоенного "славного тридцатилетия", отмена золотого стандарта и стагфляция наглядно показали: капитализм столкнулся не с очередным циклическим спадом (который лечится простым обесценением товаров), а с поломкой самого механизма самовозрастания стоимости.
Термин кристаллизовался параллельно в нескольких теоретических школах:

- концепция Иштвана Месароша ("Beyond Capital", 1995), который доказывал, что данный кризис перманентен: капитал исчерпал исторические пределы экстенсивного расширения и перешёл к фазе "разрушительного производства" (милитаризации, уничтожению социального государства и экоциду).
- мир-системный анализ Иммануила Валлерстайна утверждал, что структурный кризис "капиталистической мир-системы" означает неспособность "ядра" и дальше сбрасывать издержки своего существования на "периферию".
- французская школа регуляции использовала это понятие для описания окончательного краха фордизма и неизбежного перехода к паразитической финансиализации.

18 - От свободной конкуренции к монополиям и империалистической стадии, от частного капитализма к государственно-монополистическому регулированию и форсированному перевооружению, а затем, в 1970-е годы, к финансиализации и переносу производства в зоны с дешёвой рабочей силой, той самой модели "длинного верстака", возмездие за которую мы наблюдаем сегодня в Германии, о чём пойдёт речь ниже. Эти формы структурных преобразований капитализма требуют отдельного рассмотрения.

в примечании 18 формами структурных преобразований? Однозначно, нет. Это лишь паразитические надстройки, экстремальные методы выкачивания прибавочной стоимости в рамках уже исчерпавшей себя модели. Платформенная экономика способна оттянуть крах, но она физически не может с прибылью поглотить ту колоссальную массу глобального избыточного капитала, которая задыхается в отсутствии рынков. Рано или поздно экстенсивное расширение в сферу услуг упирается в стену.

Именно в этой точке, когда косметические мутации больше не спасают систему от удушья, вступает в силу то, что мы называем структурным кризисом. Маркс не использовал этого понятия, но заложил для него прочный теоретический фундамент. То, что мы сегодня называем структурным кризисом, восходит к категории перепроизводства капитала[19] и к её предельному случаю – абсолютному перепроизводству: исчерпанию контртенденций к понижению нормы прибыли в рамках конкретной исторической модели. В этой точке обычное, циклическое обесценение товаров уже не помогает – чтобы перезапустить систему, требуется физическое уничтожение огромных масс самого постоянного капитала.

Войны способны перезапустить цикл накопления, выполняя эту функцию масштабного "созидательного разрушения" средств производства. Однако тот колоссальный объём избыточного глобального капитала, который давит на мировую экономику сегодня, требует для своего обесценения разрушений, совершенно не сопоставимых с теми масштабами, что несут современные конфликты на Украине или на Среднем Востоке. Текущие столкновения – это лишь локальные предвестники более разрушительной войны, конвульсии гниющей системы, пытающейся нащупать выход.

Глубина этого системного тупика обусловлена тем, что корень проблемы лежит не во временном спаде производства, а в сломе самих механизмов генерации стоимости. Структурный кризис капитализма не противоречит продолжению роста мирового ВВП. Значительная часть которого приходится на *faux frais*[20] – военные расходы, лоббизм, спекулятивную капитализацию фиктивного капитала, – то есть на те формы, которые сами суть *симптом невозможности расти иначе*.

Разбухание финансового пузыря и непроизводительных трат – это попытка системы компенсировать угасание её реального источника прибавочной стоимости. В "Экономических рукописях 1857–1859 годов" Маркс поднимается на высший уровень абстракции и пишет о том моменте, когда капитал сам становится препятствием для собственного развития. По мере автоматизации непосредственный труд человека перестаёт быть главным источником богатства, уступая место *всеобщему общественному знанию* (науке, технологиям). Возникает структурный парадокс: капитализм продолжает измерять богатство рабочим временем, хотя машины делают это измерение анахронизмом. Закон стоимости начинает ломаться изнутри. Это и есть описание структурного кризиса капитализма.

В наши дни этот кризис перешёл в острую фазу именно потому, что главная спасительная контртенденция неолиберальной эпохи – перенос производства в зоны дешёвого труда – сама подошла к пределу и обращается вспять: вооружив менее развитые капитализмы для комбинированного скачка, она разрушает промышленную базу старых метрополий. Капитал стоит перед исторической развилкой: найти новую форму мутации, погрузить планету в глобальную войну беспрецедентных масштабов для обнуления издержек, или же, наконец, уступить место коммунистическому обществу.

IV. ДИАЛЕКТИКА БАЗИСА И НАДСТРОЙКИ: МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Закон неравномерного развития и понятие структурного кризиса задают ось событий, но не отвечают на вопрос, как из этой оси выводятся конкретные дипломатические шаги, войны и союзы. Опасность, уже отмеченная выше применительно к дилемме каутскианской абстракции и идеалистической "многополярности", носит не частный, а общеметодологический характер, и разрешить её невозможно, не вооружившись ещё одним инструментом – *диалектикой базиса и надстройки* в её наиболее зрелой форме, какую она получила в поздних письмах Энгельса. Без этого инструмента сам предмет настоящего обзора – дипломатия, война, союзы, санкции, международное право – рискует быть либо сведён к тени бегущего человека, то есть к *механическому эпифеномену экономики* (вульгарному экономизму, в котором дипломатия становится прямой, без опосредований, калькой

19 - *См.* главу 15 тома III "Капитала".
20 - Буквально "ложные издержки" или "побочные расходы".

с торгового баланса), либо, напротив, раствориться в автономном царстве "геополитики", "ценностей" и "характеров лидеров" – то есть в идеалистической болезни.

Именно к этому и относится предостережение Энгельса, что материалистическое понимание истории есть *«руководство к изучению»*, а не *«рычаг для конструирования на манер гегельянства»*[21]. Закон неравномерного развития и понятие структурного кризиса дают ось, но не готовую схему: если выводить из них дипломатические шаги, войны и союзы дедуктивно, мы неизбежно займёмся ничем иным как "конструированием", то есть схоластическим подгоном фактов под формулу.

1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК НАДСТРОЙКА, ОБЛАДАЮЩАЯ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Экономическое положение есть базис, но на ход исторической борьбы влияют и во многих случаях определяют её форму моменты надстройки – политические формы классовой борьбы, государственный строй, правовые формы, отражение этих битв в сознании участников, – находящиеся по отношению к базису не в состоянии одностороннего подчинения, а в диалектическом взаимодействии. *Международные отношения* – дипломатия, война, межгосударственные союзы, международное право – суть *надстройка над надстройкой*: они вырастают из внутренней, национальной политической формы (государства), но, в свою очередь, сами обретают по отношению к ней ту же относительную самостоятельность, которую сам государственный аппарат некогда обрёл по отношению к экономическому базису. Общество порождает определённые общие функции – в данном случае функцию регулирования отношений между национальными государственными капиталами, – и люди, предназначенные для этого (дипломаты, начальники генеральных штабов, клерки международных секретариатов), образуют новую ветвь общественного разделения труда, приобретающую особые интересы уже по отношению к тому классу, который их уполномочил. Отсюда то, что мы наблюдаем повсеместно: дипломатический аппарат ЕС, штабы НАТО и ШОС живут по собственным, относительно самостоятельным законам и фазам (протоколы, саммиты, коммюнике), которые тем не менее в конечном счёте направляются движением мирового рынка капитала, но не сводятся к нему механически.

2. ПАРАЛЛЕЛОГРАММ СИЛ И ДИПЛОМАТИЯ КАК РАВНОДЕЙСТВУЮЩАЯ, КОТОРОЙ НИКТО НЕ ХОТЕЛ

История делается столкновением множества отдельных воль, из перекрещивания которых выходит равнодействующая, подобная результирующей в параллелограмме сил. Применённый к международной арене, этот образ объясняет то, что постоянно ставит в тупик буржуазных комментаторов, пытающихся, подобно пушкинскому Сальери, "проверить алгеброй" живую диалектику кризиса. Видимая "непоследовательность" дипломатии Трампа, зигзаги Лукашенко или авантюры Милея кажутся им иррациональными аномалиями именно потому, что они, как штабные теоретики из "Войны и мира" Льва Толстого, ждут от истории фехтования по правилам, тогда как в ход уже пошла дубина империалистического передела.

Ни одно из этих действий не продиктовано напрямую экономическим интересом *в чистом виде* – каждое есть равнодействующая множества перекрещивающихся воль (национального капитала в целом, отдельных его фракций, бюрократического аппарата, личных амбиций конкретных политиков), ни одна из которых не получает в точности того, чего хотела, но каждая из которых тем не менее реально входит в состав равнодействующей и ни в коем случае не равна нулю. Это разом снимает две одинаково ложные крайности: представление, будто за каждым дипломатическим шагом стоит прямой, рациональный экономический расчёт данного момента, и противоположное представление, будто дипломатия есть царство чистой случайности или личных капризов, не поддающееся никакому закономерному анализу.

Ведущие буржуазные исследователи международных отношений не отрицают закономерности в дипломатии. Так, Моргентау, основоположник школы политического реализма, исходит из того, что политикой управляют объективные законы, коренящиеся в неизменной человеческой природе, а ключевую категорию "интереса, определяемого в терминах власти", вводит именно для того, чтобы сделать внешнюю политику рационально объяснимой, а не сводить её к личным мотивам деятелей. Неореалисты Уолтц и Миршаймер идут дальше:

21 - Энгельс Ф. Письмо Конраду Шмидту. 5 августа 1890 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 37. С. 371.

поведение государств они выводят из структуры международной системы, из анархии и распределения мощи, сознательно вынося за скобки качества лидеров. И даже если Киссинджер и говорил о дипломатии как об искусстве, а реалисты в целом отстаивали автономию политики от экономики, то *формально* это не отказ от закономерности как таковой. Но суть в том, что "законы" даже этой *наивысшей* буржуазной школы внеисторичны, поскольку они исходят из таких категорий как "вечная природа человека", рассуждают об анархии международных отношений, не объясняя её конкретно-историческую природу, детерминируемую капиталистическим способом производства. "Национальный интерес" оказывается у реалистов фетишем, скрывающим классовое содержание, смена которого от эпохи к эпохе остаётся необъяснённой. Таким образом, *в реальности* закономерности школы политического реализма становятся блефом и каждый новый поворот мировой политики требует от "экспертов" буржуазии нового импровизированного объяснения: поскольку подлинная причина поворота, лежащая в движении капитала и классовых интересов, остаётся за пределами их теории, они вынуждены либо подгонять под прежние схемы то, что в них не укладывается, либо списывать происходящее на ошибки и амбиции отдельных лидеров. Так "реализм" незаметно сползает к той самой крайности, которую он вроде бы отвергал, то есть к объяснению дипломатии игрой личных мотивов и случайностей.

3. БИРЖЕВИК И ДИПЛОМАТ: ПЕРЕВЁРНУТОЕ ОТРАЖЕНИЕ

Экономические отражения в политике и праве подобны отражению предмета в человеческом глазу: пройдя через собирательную линзу, они предстают перевёрнутыми – следствие принимается за причину, как биржевик принимает феномены денежного рынка за первопричину промышленных кризисов. Там, где буржуазный аналитик видит "геополитическую игру", "многовекторность" или "цивилизационный выбор", марксистский анализ видит за перевёрнутым отражением действительное экономическое движение – неравномерность развития, падение нормы прибыли, борьбу за более высокую степень эксплуатации. "Реализм" дипломата и морализм защитников "порядка, основанного на правилах" – два зеркальных, одинаково идеологических способа принять перевёрнутое изображение за сам предмет.

4. ТРОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР ОБРАТНОГО ДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ НА ЭКОНОМИКУ

Государственная власть воздействует на экономическое развитие тремя способами: *в том же направлении* – тогда оно ускоряется; *вопреки нему* – тогда власть рано или поздно терпит крах; либо она *преграждает ему путь в одних направлениях, толкая в другие*. Эта тройственная схема в точности описывает весь спектр явлений, разобранных в настоящем обзоре на международном уровне: тарифные войны и санкции суть именно тот третий случай – преграждение экономического движения в одном направлении (торговля с конкурентом) с одновременным форсированным проталкиванием его в другом (переориентация цепочек поставок, "френдшоринг"); провал Совета безопасности ЕС есть пример второго случая – попытка ещё не сложившейся *политической силы* заложить *институциональный фундамент*, немедленно потерпевшая крах; а государственные вливания в Intel и MP Materials, напротив, пример первого случая – политическая власть, действующая в том же направлении, что и стихийное движение капитала, и потому ускоряющая, а не тормозящая его.

5. ИДЕОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ЛОЖНОЕ СОЗНАНИЕ

Идеолог оперирует мыслительным материалом, полагая, что тот порождён чистым мышлением, и не видит действительных, экономических движущих сил своей деятельности. Мессианская риторика об "историческом единстве", социал-шовинистическая демагогия о том, что "грабить больше некого"[22], либеральные апелляции к "европейским ценностям" и "суверенитету малых наций" – во всех случаях идеолог искренне уверен, что оперирует категориями чистой морали или права, перерабатывая – в перевёрнутом виде – вполне конкретное экономическое содержание: защиту нефтеперерабатывающего завода, логистической ренты, экспортного контракта.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫВОД

Из этой пятичастной теоретической конструкции вытекает решающий методологический вывод

22 - *См.* раздел XII.

для всего дальнейшего изложения: экономическое движение – закон неравномерного развития, тенденция нормы прибыли к понижению – не диктует напрямую ни единого конкретного дипломатического шага, ни единой войны, ни единого альянса. Она прокладывает себе путь не как прямая линия, а как ось, вокруг которой колеблется зигзагообразная кривая действительных политических событий, причём чем шире рассматриваемый период и чем шире захватываемая область, тем ближе эта кривая подходит к своей экономической оси. Задача марксистского анализа международных отношений поэтому состоит не в том, чтобы для каждого отдельного дипломатического зигзага подыскивать прямую экономическую причину *post factum*, а в том, чтобы, как делает настоящий обзор на всём своём протяжении, показывать, как общий, хотя и никем в отдельности не желаемый, результат этих перекрещивающихся воль с неизбежностью складывается именно в ось, предначертанную законами накопления и неравномерного развития капитала.

V. ИНДИВИДУАЛЬНАЯ И РЫНОЧНАЯ СТОИМОСТЬ: МЕХАНИЗМ СВЕРХПРИБЫЛИ

Ось задана – посмотрим, как она работает на конкретном материале. Различие между индивидуальной стоимостью товара, произведённого при наилучших условиях отрасли, и рыночной стоимостью, складывающейся как средняя по всей массе производителей, – ключевой инструмент для понимания сегодняшнего технологического сектора.

Маркс пишет:

«Товары, индивидуальная стоимость которых ниже рыночной, реализуют добавочную прибавочную стоимость, или добавочную прибыль, тогда как товары, индивидуальная стоимость которых выше рыночной, не могут реализовать части заключающейся в них прибавочной стоимости»[23].

Абсолютного выравнивания на капиталистическом рынке не происходит никогда. Этот механизм – не отвлечённая формула, а конкретный, проверяемый расчёт, стоящий за тремя внешне разнородными сюжетами сегодняшней осени: биржевым безумием вокруг искусственного интеллекта, экономикой многоразовых ракет и логикой государственных субсидий полупроводниковой промышленности. Во всех трёх случаях капитализация или рентабельность не выражают никакого “технологического чуда” – они выражают вполне измеримый разрыв между тем, во что обходится производство данного товара конкретному капиталисту, и тем, что платит за него рынок, вынужденный до поры ориентироваться на средние, более высокие издержки отстающих конкурентов.

NVIDIA: МОНОПОЛЬНАЯ РЕНТА НА АРХИТЕКТУРУ, А НЕ НА КРЕМНИЙ

Сам кремний печатает тайваньская TSMC по сопоставимой себестоимости для десятков заказчиков. Но Nvidia продаёт свои флагманские ускорители с валовой маржой выше 70–75 % – показатель, немыслимый для промышленного капитала со средней нормой прибыли. Источник разрыва – двойная монополия: накопленная годами экосистема программ CUDA, к которой привязаны целые поколения разработчиков, и собственная архитектура чипов, защищённая патентами. В терминах Маркса индивидуальные издержки Nvidia кратно ниже цены, которую платят покупатели, ориентирующиеся на среднюю, куда менее развитую производительность альтернатив. Отсюда капитализация, штурмующая пять триллионов долларов: биржа оценивает не текущую выручку, а срок, в течение которого эта рента не будет оспорена, – то есть ставит на то, сколько лет пройдёт, прежде чем китайские разработчики, AMD или собственные ускорители гиперскейлеров подтянут издержки до уровня монополиста и обрушат рыночную стоимость вычислительной мощности.

SPACEX: МНОГОРАЗОВОСТЬ КАК ОРУЖИЕ ПРОТИВ СРЕДНИХ ИЗДЕРЖЕК ОТРАСЛИ

Здесь механизм добавочной прибыли прослеживается ещё нагляднее, поскольку сравнение ведётся буквально в долларах за килограмм полезной нагрузки. Классический одноразовый носитель обходится заказчику в несколько тысяч долларов за килограмм, выводимый на низкую орбиту, эта величина долгое время и образовывала рыночную стоимость запуска. Многоразовая первая ступень Falcon 9 сократила индивидуальные издержки одного капитала – не за счёт физики вывода груза на орбиту, а потому, что стоимость самого дорогого компонента ракеты теперь распределяется на десятки полётов вместо одного. Индивидуальная сто-

23 - Маркс К. Капитал. Том третий // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. I. С. 195.

имость запуска для SpaceX оказалась в разы ниже прежней рыночной. При этом сама рыночная стоимость корректируется лишь постепенно – по мере того, как европейские, российские и китайские конкуренты осваивают многоразовость. Именно этот временной лаг позволил SpaceX почти десятилетие пожинать чистую добавочную прибыль – ту самую разницу между индивидуальной и ещё не скорректированной рыночной стоимостью, которую описывал Маркс. Характерно, что сама многоразовость выросла на фундаменте десятилетий государственных вложений в фундаментальную ракетную науку[24]: частная добавочная прибыль монополиста паразитирует на давно обобществлённых издержках производства.

INTEL И MP MATERIALS: ГОСУДАРСТВО КАК ИСКУССТВЕННЫЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СТОИМОСТИ

Третий, наиболее откровенный случай: капитал не способен сам добиться индивидуальной стоимости ниже рыночной (в данном случае её определяет не внутренний, а зарубежный конкурент – тайваньские и южнокорейские полупроводники, китайская переработка редкоземельных металлов), и государство берёт часть издержек на себя через субсидию, гарантированный контракт или вхождение в капитал. Гранты по закону о чипах, превратившиеся осенью в прямые доли государства в Intel и MP Materials, выполняют ту же функцию, что технологическое превосходство Nvidia или многоразовость SpaceX, но политическим, а не экономическим путём. Разница в источнике: Nvidia и SpaceX получают добавочную прибыль от покупателя своей продукции, а Intel и MP Materials – из кармана налогоплательщика, то есть через перераспределение прибавочной стоимости, уже созданной всем обществом. Это та же логика огосударствления убытков при частном присвоении прибыли.

Все три случая – разные формы одного закона: пока индивидуальная стоимость капитала ниже рыночной, он извлекает добавочную прибыль; когда конкуренты подтягиваются (или, как в случае Intel, субсидия заканчивается, а отставание остаётся), сверхприбыль испаряется, оставляя раздутую капитализацию – пузырь фиктивного капитала.

VI. ОТ ОРМУЗСКОГО УДУШЬЯ ДО АРКТИЧЕСКОЙ АННЕКСИИ

Сверхприбыль мало создать – её нужно доставить, и здесь проблема упирается в проливы, порты и лёд: от рынков стоимости перейдём к физической плоти логистики. Война на Среднем Востоке к концу лета, казалось, перешла в фазу урегулирования: Вашингтон и Тегеран вроде бы согласовали красные линии и навигацию через Ормузский пролив. Но, несмотря на все усилия, эскалация продолжается. Как вынуждена констатировать западная деловая пресса, этот конфликт оборачивается для США не триумфом, а утратой контроля над ключевыми морскими артериями. Возникает исторический парадокс: американский империализм бьёт абсолютные рекорды по добыче и физическим объёмам экспорта углеводородов (захватив львиную долю европейского рынка и нарастив поставки в Азию), но при этом стремительно теряет способность выполнять свою главную функцию – быть безусловным военным гарантом безопасности глобальных цепочек поставок.

Это подтверждает тезис о войне как способе физического обесценения избыточного капитала – *«равновесие было бы восстановлено бездействием и даже уничтожением капитала в большем или меньшем объёме»*[25], – причём обесценение происходит независимо от того, кто формально “победил”.

Но пауза в войне не отменяет логистической катастрофы: Ормузско-Мандебский узел остаётся удушающей петлёй на шее многих фракций капитала. Для марксиста, вооружённого оптикой второго тома “Капитала”, здесь разворачивается фундаментальная драма процесса воспроизводства[26]. Время, в течение которого капитал заперт в трюмах контейнеровозов, огибающих Африку, означает колоссальное обесценение капитала, и замедление оборота неминуемо пожирает норму прибыли.

На этом фоне разворачивается акт неприкрытого территориального захвата: Вашингтон *де-факто* аннексировал Гренландию. Трамп, сбросив

24 - *См.* раздел XIV.

25 - Маркс К. Капитал. Том третий // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. I. С. 278.

26 - *«Циркуляция, т. е. фактическое передвижение товаров в пространстве, сводится к транспортировке товаров. С одной стороны, транспортная промышленность составляет самостоятельную отрасль производства, а потому и особую сферу вложения производительного капитала. Но, с другой стороны, она отличается тем, что является продолжением процесса производства в пределах процесса обращения и для процесса обращения»* (Маркс К. Капитал. Том второй // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 24. С. 171).

обветшалые маски либеральной дипломатии, прямо объявил о получении "постоянного контроля" над крупнейшим в мире арктическим островом: отныне ни один конкурент не смеет иметь баз или даже осуществлять инвестиции без "прямого письменного согласия" Вашингтона, а Пентагон немедленно разворачивает там военное присутствие. Это эталонный пример раздела мира: империализм США, действуя как вооружённый таран своих монополий, физически блокирует доступ китайским инвестициям и берёт под военный прицел Северный морской путь, стремясь превратить Северную Атлантику в своё закрытое внутреннее озеро. Особенно показательна беззубая реакция брюссельской бюрократии. Её политические приказчики с лакейской улыбкой оформили сдачу суверенитета над частью территории "европейского империализма".[27]

Тем временем российская буржуазия цинично использует хаос на Среднем Востоке, проталкивая Трансарктический морской коридор: абсурдная стоимость провоза контейнера в 8500 долларов по нему представляет собой не рыночный тариф, а военный налог, страховую премию за империалистический передел мира. Выживание и барыши этого инфраструктурного проекта напрямую зависят от паралича традиционных южных маршрутов. Для логистической фракции российского капитала скорое замирение на Среднем Востоке обернулось бы обесценением их колоссальных арктических инвестиций.

Здесь же во всём своём цинизме проявляется отношение капитала к природе. Империализм безжалостно капитализирует само разрушение биосферы: таяние арктических льдов, являющееся прямым следствием индустриальных выбросов и капиталистического "обмена веществ"[28], рассматривается мировыми хищниками не как надвигающаяся планетарная катастрофа, а исключительно как благоприятное условие для удешевления фрахта, открытия новых логистических артерий и прямого доступа к нетронутым ресурсам шельфа.

VII. КАННИБАЛИЗМ ВНУТРИ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОГО КАРТЕЛЯ

Здесь мы наблюдаем конкретное, зримое проявление тезиса о неравномерности внутри формально единых блоков. Столкнувшись с перепроизводством капитала и невозможностью найти ему применение при достаточной норме прибыли (что буржуазные экономисты выдают за простое "сжатие рынков сбыта"), империализм США, спасая рентабельность своего национального капитала, перешёл к прямому внеэкономическому грабежу ближайшего соседа. Разрыв торговых соглашений, заградительные пошлины, угроза перекрыть поставки канадской нефти и пресной воды – классическая блокада, призванная физически обесценить постоянный капитал соседа и заставить Оттаву капитулировать. Углеводородный капитал США, вступив в сговор с провинциальной буржуазией Альберты, желал бы отторжения нефтяного резервуара страны. Но экономический шантаж может быть лишь прелюдией: как вынужден был публично признать премьер-министр Канады Марк Карни, Оттава всерьёз анализирует сценарий прямого военного вторжения США. То, что либералам кажется немыслимым "экстремальным сценарием", для марксиста – базовый закон высшей стадии капитализма: когда торгово-экономические рычаги не обеспечивают империалистическому центру должной нормы прибыли, капитал обычно пускает в ход армию.

Пытаясь вырваться из этих тисков, канадская буржуазия формирует *контртенденцию* – курс на объединение "средних держав" и договор об ассоциированном членстве в Евросоюзе. Перед нами классическая, исторически обречённая попытка более слабых капиталов сколотить защитный картель против наступающего монополиста – иллюзия, которая в случае реализации "экстремального сценария" будет раздавлена стальной мощью Вашингтона.

Параллельно та же капиталистическая всеядность проявляется и в другом: спасая норму прибыли собственных агромонополий, задыхающихся от издержек, американский империализм без тени смущения смягчил санкции против Беларуси ради дешёвых калийных удобрений. Для канадского "союзника" это обернулось ударом по экспорту калия. Был ли этот удар Вашингтона преднамеренным или побочным следствием империалистического каннибализма, мы знать не можем. Ясно одно: выживание одного национального капитала оплачивается разорением другого,

27 - Мимоходом заметим: в эпоху структурного кризиса разговоры о независимости малых наций служат лишь дипломатической смазкой для перебрасывания территорий между акулами мирового империализма.

28 - Маркс К. Капитал. Том первый // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 514.

а империалистический картель существует ровно до тех пор, пока есть что делить.

VIII. ЮЖНАЯ АТЛАНТИКА И КАРИБСКИЙ БАССЕЙН: ПРЯМОЙ ЗАХВАТ СУВЕРЕНИТЕТА

Южнее экватора буржуазия проводит не менее грандиозную пространственную реорганизацию рынка под предлогом "энергетической безопасности": пока Средний Восток истекает кровью в иранском конфликте, капитал Западного полушария экспроприирует его долю мирового нефтяного рынка, а готовность сжигать миллиарды на *faux frais* удлинённого фрахта (стоимость аренды гигантских танкеров взлетела до 640 000 долларов в сутки) показывает, что эта страховая "премия" перекладывается на плечи мирового пролетариата.

Вербальная эскалация вокруг Мальвинских островов – президент Аргентины, объявивший о строительстве военно-морской базы и санкциях против британских нефтяных компаний, – обнажает ту же логику передела ресурсной базы: как только на кону оказались миллиарды нефтяной ренты шельфа, вся демагогия о святости "свободного рынка" испарилась, буржуазное государство обнажило свою истинную суть аппарата вооружённого насилия. Однако за этим локальным реваншизмом Милея объективно выстраивается контур интересов куда более крупного хищника. Империализм США, формально сохраняя дипломатический нейтралитет между своими союзниками, цинично капитализирует этот конфликт. Ослабление британских позиций открывает для энергетических монополий США возможность перехватить контроль над логистикой Южной Атлантики, не вступая в прямое столкновение с Лондоном. Авантюра Буэнос-Айреса становится той равнодействующей, которая объективно работает на консолидацию американской гегемонии в Западном полушарии.

Тот же гангстерский почерк определяет судьбу Карибского бассейна. Капитуляция венесуэльской "революции" – соглашение с Вашингтоном, дефакто передавшее контроль над нефтяными резервами американским монополиям, – и ультиматум Кубе (поставки нефти и инвестиции в обмен на приватизацию государственной Cupet) суть прямой захват суверенных государств через энергетический шантаж. Особенно рельефно классовую природу этого шантажа выдаёт юридическая деталь: Cupet остаётся ответчиком по искам ExxonMobil за активы, экспроприированные кубинской революцией более полувека назад, – финансовый капитал ничего не забывает и не прощает, он готов мстить десятилетиями, чтобы вернуть себе священное право выкачивать прибавочную стоимость. То, что конкретная сделка с Гаваной сорвалась из-за страха её бюрократии потерять контроль, ничего не меняет в общей картине: капитал США перешёл к тактике тотального ресурсного каннибализма в Западном полушарии.

IX. УНИЧТОЖЕНИЕ УСЛОВИЙ ВОСПРОИЗВОДСТВА: ГАНГРЕНА ВОЙНЫ

От руин Киева до милитаризующегося Тайваня и секвестируемого российского бюджета разворачивается единая симфония разрушения.

На украинском фронте мирового империалистического противостояния переговорный процесс буксует, а удары дальнего действия по инфраструктуре продолжаются – обесценение капитала идёт через методичное уничтожение производственных мощностей. Масштаб этого физического уничтожения основного капитала достиг таких пропорций, что буржуазная статистика открыто фиксирует ликвидацию реальных активов на сумму около 10 млрд долларов – почти 5 % ВВП Украины только за последний год. Осенняя кампания, призванная парализовать Киев накануне зимы и сопровождающаяся ударами по продовольственным складам, дата-центрам и остаткам энергогенерации, обнажает логику тотальной империалистической войны. Либеральная пресса, идеалистически сводящая происходящее к личному "безумию" лидеров, в упор не видит политэкономической сути: военная машина империализма переходит от уничтожения чисто военных объектов к планомерному разрушению самих материальных условий социального воспроизводства рабочей силы противника. Физическое уничтожение гражданской логистики – от супермаркетов до водопровода – преследует цель не просто посеять абстрактный страх, а разорвать кровеносную систему товарного обмена и жизнеобеспечения 3,3-миллионной киевской агломерации.

Новый виток гонки вооружений – массовое применение реактивных дронов – обесценил прежние инвестиции в системы ПВО и позволяет нападающему точечно выбивать хребет экономики противника. Транснациональные корпорации вроде ArcelorMittal и местные металлургические монополии ("Метинвест") хладнокровно закрывают свои сталелитейные заводы, выбрасывая пролетариат на улицу, как только из-за целенаправленного поражения доменных печей извлечение прибавочной

стоимости становится, по их же циничному признанию, "экономически нецелесообразным". Логистический капитал выжигается дотла, обрывая процесс обращения товаров.

Октябрьские заявления главы российского государства на Валдайском форуме окончательно сбрасывают маски с истинных целей этой бойни. Отказ Кремля от обсуждавшегося "энергетического перемирия" и гарантий безопасности черноморского судоходства обнажает тот факт, что военная стратегия здесь неразрывно слита с политэкономией. Российское империалистическое государство, выступая как совокупный капиталист, хладнокровно отказывается от локальной военной деэскалации, поскольку она не решает его главной стратегической задачи – прорыва структурной блокады. Прекращение ударов по инфраструктуре конкурента политически бессмысленно для правящего класса до тех пор, пока западные санкции продолжают душить реализацию его собственных экспортных ресурсов. Военный террор остаётся единственным рычагом для принуждения к экономическим уступкам.

Эта же логика тотального межимпериалистического каннибализма переносится и в *юридическую сферу* отношений собственности. Введение так называемого "внешнего управления" в отношении активов европейских корпораций (Auchan, Nestlé, Metro), по откровенному признанию президента РФ, служит подготовкой к "зеркальному ответу" на изъятие активов российских монополий ("Газпрома", "Роснефти", "Лукойла") в Европе. В эпоху структурного кризиса буржуазия отбрасывает миф о священном праве частной собственности.

Сентябрьские кулуарные торги Кремля с вашингтонскими эмиссарами вокруг зарубежных активов "Лукойла" срывают последние дипломатические покровы с истинной природы так называемого "мирного процесса". Война и кровь миллионов оборачиваются грандиозной клиринговой сделкой. Тот факт, что судьбу формально частной корпорации с активами в 20 миллиардов долларов решает глава *российского империализма* в переговорах с зятем лидера *американского империализма*, выступающим в роли коммерческого маклера, вновь доказывает марксистский тезис: государство здесь действует не как отстранённый арбитр, а как идеальный совокупный капиталист, распоряжающийся национальным капиталом как единой корпоративной собственностью.

Архитектура этой предполагаемой сделки представляет собой хрестоматийный, доведённый до гротеска образец описанной Лениным "личной унии" государственного аппарата и финансовой олигархии, развёрнутой в транснациональном масштабе. Консорциум покупателей, которому планируется передать активы, состоит из спонсоров избирательной кампании Трампа, фондов монархий Персидского залива, вливающих миллиарды в криптовалютные авантюры семьи президента США, и его личных бизнес-партнёров по элитной недвижимости. Показательно, что в сделке напрямую участвует правительство США в лице Корпорации международного развития финансирования (DFC). Использование государственного аппарата для снятия санкций призвано одним росчерком пера извлечь фиктивную сверхстоимость, мгновенно взвинтив цену этих активов для нужных покупателей.

На этом фоне лепет отставных прокуроров США, указывающих на "конфликт интересов" в Белом доме, звучит как жалкая пародия на анализ. То, что либеральная миопия принимает за коррупционную аномалию, в действительности есть нормальная физиология государственно-монополистического капитализма: аппарат буржуазного государства (от дипломатов до санкционных ведомств) выступает прямым инструментом обогащения правящей клики, а дипломатическое "урегулирование" империалистической бойни является лишь побочным продуктом передела мирового рынка.

В этом же ряду стоят и октябрьские ультиматумы о готовности "немедленно прекратить" войну в обмен на сдачу остатков Донецкой области. Захват Донбасса выступает здесь не как реализация идеологемы о "защите соотечественников", а как необходимое материальное оправдание перед собственным капиталистическим классом за колоссальные издержки войны, которые начинают грозить обрушением макроэкономической стабильности тыла.

Но наиболее рельефно классовая природа конфликта проступает в реакции украинского государства на убытки, которые несёт национальный капитал. Подсчитав, что каждый час простоя из-за воздушных атак обходятся бизнесу в 45 миллионов долларов, правительство вводит так называемую двухуровневую систему оповещения. "Жёлтый" уровень тревоги де-факто легализует принуждение пролетариата к труду, несмотря на смертельную опасность. Здесь в экстремальных условиях войны мы видим ту же самую логику реального подчинения труда, что и в "мирной" платформенной "гиг-экономике": капитал перекладывает все издержки и физические риски

на самого пролетария. Чтобы не прерывать конвейер производства прибавочной стоимости, половина предприятий оставляет рабочих у станков прямо во время бомбардировок. При этом свой наиболее ценный основной капитал – серверы, телекоммуникационные узлы и дата-центры – национальная буржуазия спешно переносит в защищённые подземные бункеры. Жизнь рабочего официально оценивается буржуазией ниже, чем бесперебойная работа мёртвого цифрового актива.

Схожая, фоновая, но нарастающая динамика – вокруг Тайваня. Движение к выравниванию норм прибыли между американским и китайским капиталами зашло настолько далеко, что территориальное распределение сфер влияния, унаследованное от эпохи безусловного превосходства США, перестало соответствовать реальному экономическому весу обеих держав. Тайваньская буржуазия, в панике накачивающая военный бюджет до 3,32 % ВВП в 2026 году (с беспрецедентным ростом на 25 % за год и планами увеличения ещё на 18 % в 2027-м), методично выкачивает прибавочную стоимость из собственного пролетариата, чтобы оплатить контракты Вашингтона. Но рекордный пакет в 11,1 млрд долларов, одобренный в конце 2025 года, остаётся фикцией: задолженность по поставкам превысила 15 млрд, а F-16, оплаченные ещё в 2019 году, до сих пор не сошли с конвейера. Американский империализм физически не способен материально обеспечить удержание своих "союзников".

По ту сторону пролива китайский империализм отвечает на это структурное бессилие противника окончательным сбрасыванием масок мирного времени. Сентябрьский пересмотр закона о мобилизации – первый за шестнадцать лет – есть юридическое оформление того факта, что буржуазное государство готово поглотить гражданский сектор целиком. Законодательно закреплённое право принудительного изъятия имущества частных, в том числе иностранных, компаний, реквизиция гражданской инфраструктуры и директивное подчинение передовых отраслей (искусственного интеллекта и робототехники) нуждам армии – это государственно-монополистический капитализм, доведённый до своей абсолютной, милитаристской формы. Священное право частной собственности отменяется ровно в тот момент, когда оно начинает мешать логике империалистической бойни. Под дипломатическим туманом осенних встреч Трампа и Си Цзиньпина, где стороны обмениваются дежурными заверениями о "неизменности политики", обе сверхдержавы методично переводят свои экономики на рельсы прямого физического столкновения.

Этот глобальный паралич более крупных империалистических хищников, вынужденных концентрировать все ресурсы вокруг зон будущих мега-столкновений вроде Тайваня, неминуемо оголяет их фланги. Оставшись без безусловных гарантий защиты, региональные хищники впадают в панику при первых же реальных экономических издержках. Лакмусовой бумажкой служит эпизод капитуляции белорусского режима перед прямым ультиматумом Киева: отключение ретрансляторов, тайные сепаратные переговоры, унизительные извинения. Перед нами характерная черта империалистического картеля: как только издержки войны начинают грозить уничтожением средств производства младшего партнёра, а старший теряет способность его защитить, "вассал" немедленно ищет сепаратного мира.

Здесь же с непреложной силой подтверждается программный тезис нашего "Манифеста": в эпоху империализма не существует войн за "национальное освобождение" или "защиту отечества". Любая попытка оправдать поддержку одной из сторон (будь то под флагом защиты от "западного империализма" или под лозунгами "национальной независимости") есть прямой переход на позиции социал-шовинизма. Как мы писали ещё в 1999 году в нашем обращении к рабочим, от империалистической бойни пролетариат не получит ничего, кроме гробов и пота. Единственным подлинно марксистским ответом на кровавую мясорубку остаётся тактика революционного пораженчества: главный враг находится в собственной стране, и империалистическая война должна быть превращена в гражданскую.

X. РАСПАД ЕВРОПЕЙСКОГО КАРТЕЛЯ: СТАГНАЦИЯ ГЕРМАНИИ И КЛАССОВЫЙ СТРАХ БАЛКАНСКОЙ БУРЖУАЗИИ

От военных фронтов перейдём к "тылу" старой империалистической Европы, где последствия переноса производства видны без бомбардировок. Концерн Volkswagen закрывает четыре завода в ФРГ, увольняя 60 тысяч рабочих. Сама по себе эта картина привычна для капитализма в эпоху кризисов. Новым является перенос технологического ядра Volkswagen в китайский Хэфэй. Первой ласточкой была скупка китайским концерном Midea акций немецкого производителя роботов KUKA ещё

в 2016–2017 годах. Здесь то самое "диалектическое возмездие", о котором мы упоминали в разделе III: вынос трудоёмкого производства в Азию обернулся тем, что окрепший на сборке китайский капитал совершил комбинированный скачок и экспроприировал технологическое ядро старого империалистического центра, минуя стадии, которые сама Германия проходила десятилетиями. Европейская буржуазия оказалась в заложниках у Франкенштейна, которого сама же собрала.

Этот тектонический сдвиг в базисе неминуемо рикошетит по политической надстройке. Лишившись индустриального фундамента, франко-германский капитал судорожно пытается компенсировать свои убытки на мировом рынке форсированной централизацией внутри собственного блока и стремлением переложить издержки кризиса на младших партнёров. На фоне этих амбиций тем более выразительна и институциональная импотенция, которой Брюссель отвечает на этот крах. Проект "Совета безопасности ЕС" фон дер Ляйен – отмена права вето, приглашение внешних акторов (Великобритания, Канада, Норвегия, Украина) – есть неприкрытая попытка политических управляющих франко-германского финансового капитала окончательно лишить политической субъектности слабые экономики Евросоюза в тот момент, когда американский зонтик кажется дырявым. Итог этих амбициозных планов жалок: у ЕС, по признанию самих его "экспертов", *«нет политических и финансовых ресурсов»* для подобного шага, и грозный Совбез вырождается в очередной координационный штаб из послов. Ещё нагляднее эту гниющую анатомию европейского картеля демонстрирует судьба 21-го санкционного пакета: его полтора месяца саботировали не Орбан и Фицо, а респектабельная Старая Европа – Германия вместе с Португалией защищали импорт российской рыбы (40 % европейского импорта которой приходится на ФРГ, и немецкая буржуазия не готова жертвовать рентабельностью конвейеров рыбных палочек ради "европейских ценностей"), Греция и Ирландия заблокировали удар по СПГ, спасая логистическую ренту греческого торгового флота, Франция и Италия костьми легли против санкций для банковского сектора, защищая доходы туристических корпораций. Евросоюз – не братство свободных народов, а временный картель национальных хищников, трещащий по швам именно в тот момент, когда общие задачи требуют пожертвовать конкретной нормой прибыли.

Этот же классовый эгоизм, но уже завёрнутый в мантию спасения человечества, демонстрирует политический лидер болгарского капитализма. Сентябрьские заявления премьер-министра страны Румена Радева с призывами остановить военную помощь Киеву и немедленно перейти к "дипломатии" из-за риска ядерного конфликта – это не пробуждение гуманизма, а неприкрытый животный страх местной буржуазии перед физическим уничтожением её средств производства. Когда её политический лидер патетически взывает к оценке "наихудшего сценария" и критикует стратегию поставок оружия, он лишь легализует дезертирство своей страны из терпящей убытки империалистической коалиции. Материальная база этого пацифизма предельно конкретна: избежать втягивания страны в воронку прямого столкновения и экономического коллапса и под прикрытием рассуждений об "окончательной архитектуре мира" сохранить старые каналы извлечения ренты – прежде всего инфраструктуру российского "Лукойла", с которым местную буржуазию связывают тысячи нитей совместной эксплуатации регионального рынка.

Именно в этом контексте следует рассматривать и октябрьские откровения российского президента на Валдайском форуме. Его рассуждения о фатальной необратимости эскалации и закручивающейся спирали санкций – это констатация объективной логики межимпериалистического столкновения, в котором ни один из хищников не может отступить без угрозы тотального обесценения своего капитала. Показательна циничная откровенность, с которой обосновывается готовность применить ядерный арсенал в случае блокады калининградского логистического узла: оказавшись перед лицом превосходящей демографической и конвенциональной военной мощи евроатлантического блока, российская олигархия открыто провозглашает средства массового уничтожения своим главным *«конкурентным преимуществом»*. Перед нами химически чистое признание собственной структурной слабости: национальный монополистический капитал, лишённый передовой технологической базы для затяжной войны индустрий, хватается за унаследованный от СССР ядерный щит как за последний аргумент в переделе рынков. Этот шантаж выполняет главную функцию не на поле боя, а в политических кулуарах: он предоставляет слабейшим, наиболее уязвимым звеньям европейского картеля идеальное идеологическое алиби для капитуляции.

Европейская буржуазия оказывается, таким образом, в двойных тисках глобального передела. Если с Востока её политическое единство взламывается грубым ядерным шантажом, то с Запада миф о "евроатлантической солидарности" безжалостно растаптывается её же главным союзником. Стоило Брюсселю сделать шаг на чужую территорию и попытаться ассоциировать с собой Канаду, как ответ американского империализма прозвучал с откровенностью базарного рэкетира: прямая тарифная угроза Европе, тыканье носом в 200-миллиардный торговый дефицит. Канцлер Германии в ответ траурно провозглашает конец *«эры безусловной трансатлантической дружбы»,* но суть в том, что эта "солидарность" всегда была лишь временным картельным соглашением, объединённым общими сверхприбылями и страхом перед конкурентами. Крах американо-европейского альянса является наглядным историческим опровержением каутскианской теории "ультраимпериализма" – мирного и долговечного союза капиталов.

Зеркальный процесс разворачивается и в туманном Альбионе: капитал, десятилетие назад одурманивший собственный пролетариат шовинистическим угаром брексита, теперь устами лейбористского премьера обсуждает возвращение в таможенный союз или общий рынок с ЕС. Здесь базис берёт историческое возмездие над политической надстройкой: патриотическая демагогия разбивается о закон тенденции к понижению нормы прибыли, и британская буржуазия с унижением демонтирует собственные "суверенные" барьеры. Обещанный "контроль над иммиграцией" обернулся её беспрецедентным ростом: лишившись восточноевропейских рабочих рук, капитал Соединённого Королевства завозит ещё более бесправную и дешёвую рабочую силу из других регионов мира, а миграцию использует для демпинга зарплат и натравливания "местных" рабочих на приезжих. Коммунисты, как подчёркивается в нашем материале о национальном вопросе, обязаны противопоставить этому не либеральный "мультикультурализм", а организационное объединение всех пролетариев независимо от паспорта для совместной классовой борьбы.

XI. МИФ О ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ

Всё изложенное в предыдущем разделе заставляет поставить вопрос прямо, не довольствуясь констатацией отдельных симптомов: существует ли сегодня европейское империалистическое государство как таковое? Ответ на этот вопрос – не терминологическая тонкость, а прямое продолжение той самой ленинской альтернативы, с которой открывается всякий серьёзный разговор о "Соединённых Штатах Европы": подобное объединение либо реакционно, либо, ввиду неустранимой неравномерности развития национальных капиталов, невозможно как устойчивая форма. Это и есть конкретное применение пяти признаков империализма к одному отдельно взятому случаю.

Марксистская теория государства даёт здесь точный, проверяемый критерий: материальной, вещественной формой самого существования централизованного государства выступает налог. Ещё в "Экономических рукописях 1857–1859 годов" Маркс, утверждая, что *«абсолютная монархия* […] *есть продукт развития буржуазного богатства»*, пояснял, что *«превращение всех налогов в денежные налоги – для абсолютной монархии вопрос жизни»*[29]: лишь собственный, независимый денежный поток делает возможным существование единой, стоящей над локальными интересами силы. У ЕС, который, конечно, не является абсолютной монархией, такого потока нет. Его бюджет складывается не из суверенного налога, а из добровольных, ежегодно согласуемых взносов национальных правительств, то есть из политически обратимого трансферта. Это финансовый диагноз: у союза нет собственного материального тела, которое он мог бы бросить на содержание единой армии вопреки воле Берлина или Будапешта. Это доказывает, что ЕС остаётся рыхлым империалистическим картелем, объединённым лишь временным совпадением интересов.

Отсюда прямо следует, что утверждение о существовании "европейского империализма" как самостоятельного субъекта представляет собой серьёзную теоретическую ошибку. У союза нет собственной монополии на насилие; нет сращивания государства с капиталом в единую волю; нет собственного вывоза капитала от лица единого субъекта.

Если рассматривать констатацию существования европейского империализма рассматривать как теоретическую ошибку, то следует признать, что она выгодна прежде всего франко-германскому финансовому капиталу, заинтересованному в том, чтобы идеологически обосновать центра-

29 - Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант "Капитала") // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. II. С. 410.

лизацию власти в руках сильнейших экономик Европы. Она также подготавливает почву для прямого социал-шовинистического перерождения – для защиты "европейского суверенитета" под маской антиимпериалистической задачи.

Исходя из баланса объективных тенденций, мы констатируем невозможность появления единого европейского государства и полноценного европейского империализма в будущем на добровольной основе. Национальные буржуазии никогда добровольно не отдадут свои налоговые и силовые аппараты в Брюссель. Возврат Великобритании в этот политический проект также исключён – финансовый капитал Лондона заинтересован лишь в утилитарном доступе к рынкам, но не пожертвует политическим суверенитетом в пользу конкурентов. Если "Соединённые Штаты Европы" всё-таки будут сколочены, то только насильственным путём, по которому, например, шёл Гитлер, осуществивший наиболее удачную попытку реализации европейского проекта.[30]

Именно поэтому организации, утверждающие, что существует некое европейское империалистическое государство, изменяют ленинскому методу. Задача коммунистов состоит не в том, чтобы снабжать пролетариат картографической фикцией несуществующего врага и водить его в атаку на ветряные мельницы, а в том, чтобы называть вещи своими именами: сегодняшняя Европа – не субъект империалистического передела, а арена, на которой соперничают национальные капиталы европейских государств, и куда вторгаются другие империалистические державы. Поэтому именно против конкретных национальных империалистических государств, а не вымышленных сил, должно быть направлено революционное пораженчество пролетариев стран Европы. Любые же попытки поддержать "европейскую интеграцию" хотя бы на теоретическом уровне есть измена марксизму и классовой борьбе.

XII. FAUX FRAIS ВОЙНЫ: ИЗЪЯТИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ ЧЕРЕЗ БЮДЖЕТНЫЙ СЕКВЕСТР И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДУРМАН

Мировые военные расходы, достигшие рекордных величин, – абсолютное выражение того, что Маркс называл ложными издержками производства: колоссальные траты, не создающие новой стоимости, а лишь обслуживающие перераспределение уже награбленного. Мамаша Кураж Брехта кормилась от Тридцатилетней войны и оплакивала мир как убыток; сегодняшние оборонные концерны оплакивают его в миллиардах.

В строгом соответствии с законами исторического материализма, чем масштабнее это ограбление масс, тем более мистической и возвышенной становится обслуживающая его государственная идеология. Сентябрьское выступление президента РФ на открытии Госдумы нового созыва, где аннексия украинских регионов была пафосно провозглашена результатом "праведной борьбы" и воплощением "исторического единства", служит примером такой идеологической ширмы. Мессианские апелляции к "справедливости" и *«священному праву чтить предков»* – это классический словесный дурман буржуазии, призванный сакрализовать империалистический захват чужих средств производства и территориальных активов, завернув его в обёртку религиозно-национального крестового похода. Это елей Иудушки Головлёва, который разорял и губил ближних, не переставая поминать "родственные чувства" и "божескую правду". Пока с парламентских трибун льются речи о защите "детей и внуков", в материальном базисе разворачивается совершенно иная, безжалостная реальность.

Идеальным дополнением к этой демагогии служит сентябрьское выступление лидера КПРФ – наглядная иллюстрация того, что собой представляет "левый" фланг правящего класса. Панически возвещая о близости "большой войны" и пугая массы грядущим "горячим наступлением" Европы в 2029–2030 годах, Зюганов обслуживает милитаристский психоз псевдомарксистской фразеологией: европейский капитал, ранее ограбивший Азию и Африку, теперь нацелился на Россию, поскольку *«кроме нас, грабить больше некого»*. Под маской исторической справедливости здесь скрыта защита права российской финансовой олигархии грабить собственный пролетариат и эксплуатировать ресурсы соседних государств. Признавая, что идёт империалистическая война на истощение с противником, чей потенциал *«в 10 раз выше»*, лидер официальной "оппозиции" выступает в роли обеспокоенного миноритарного акционера корпорации "Россия", умоляя *«сменить финансово-эконо-*

30 - К детальному рассмотрению этого вопроса – анализу борьбы центростремительных и центробежных тенденций в ЕС и доказательству невозможности формирования единого европейского империализма – мы вернемся в одном из будущих номеров нашего журнала.

мический курс» ради повышения эффективности капиталистической военной машины. Это не предательство пролетариата в духе лидеров Второго Интернационала: КПРФ никогда не была партией рабочего класса. Сегодня её задача предельно прагматична: эксплуатируя сталинистскую идеологию и мифы об СССР, КПРФ направляет на поддержку империалистической политики Кремля ту часть российского электората, которая по тем или иным причинам не готова голосовать за Путина.

Российский бюджет 2027 года открыто закрепляет перманентную милитаризацию экономики, финансируемую прямой налоговой экспроприацией масс: на "национальную оборону" предусмотрены беспрецедентные 17,1 трлн рублей – 35 % всех государственных трат, как в позднем СССР; доля гражданских расходов, не связанных напрямую с аппаратом насилия и обслуживанием долгов, сжимается до 9 % ВВП – абсолютного минимума за два десятилетия. Ради военных аппетитов государство пускает под нож воспроизводство рабочей силы: секвестр почти на триллион рублей бьёт по здравоохранению, образованию и социальной поддержке, и на каждый рубль социального развития режим направляет 3 и даже возможно 4 рубля на армию, полицию и спецслужбы – классическая пропорция диктатуры капитала, защищающей себя от конкурентов. Гигантский насос войны перекачивает кровь и пот пролетариата в сейфы финансовой олигархии: для покрытия дефицита правительство взвинчивает программу госзаймов до 7,3 трлн рублей, и каждый десятый рубль казны уходит на проценты ростовщикам: государство вынуждено занимать по плавающим ставкам, привязанным к заградительному проценту ЦБ (от 17 % и выше), и обслуживание долга уже обходится дороже, чем здравоохранение и образование вместе взятые. Либеральные экономисты испуганно называют это "стадией гниения", сетуя на "закладывание в ломбард" будущего *их* отечества; то, что буржуазная публицистика называет "ошибочной политикой", в действительности представляет собой тупик правящего класса.

Даже апологетические буржуазные счетоводы вынуждены признавать физиологию процесса: рост физических объёмов производства на военных заводах достигается не технологическим прогрессом, а исключительно возможностью *«заставлять людей за большие деньги работать интенсивнее и дольше»* – хрестоматийный пример извлечения абсолютной прибавочной стоимости взамен развития производительности труда, ставшего для находящегося под санкциями, ростовщически закредитованного капитала недоступной роскошью. Сокращение рабочей силы из-за военных потерь (сотни тысяч убитых и раненых, ещё большее количество покинувших страну) ведёт к острой нехватке рабочих рук – не "дефициту кадров", как гласит академический новояз, а прямому физическому истреблению источника прибавочной стоимости. И даже классические монетарные рычаги перестают работать. Высокая ключевая ставка задумывалась как тормоз для спроса и магнит для сбережений, но академические схемы центробанка разбиваются о реальность. Спрос продолжает бесконтрольно раздуваться военными расходами, а попытка запереть средства населения на банковских счетах проваливается: массы в панике накапливают наличные, чтобы пережить сбои инфраструктуры или скрыться от мобилизации. Инстинкт физического выживания пролетариата оказывается сильнее капиталистической логики процента.

XIII. ВСЕОБЩИЙ ИНТЕЛЛЕКТ И СХОДКА ВТОРОГО ТРИУМВИРАТА

Здесь сходятся все нити анализа этой осени. Сентябрьские выплаты Anthropic 1,5 млрд долларов писателям за использование пиратских текстов обнажают структурную неадекватность самой юридической рамки авторского права. Маркс формулирует применительно к системе машин своей эпохи мысль, поразительно точно описывающую сегодняшнюю ситуацию с обучающими корпусами.[31]

Однако здесь марксистский анализ требует строжайшего разграничения между созданием стоимости и её перераспределением. Искусственный интеллект, гигантские серверы и дата-центры – это классический постоянный капитал. Сам по себе он не создаёт ни грамма новой стоимости, а лишь по частям переносит свою собственную стоимость (включая овеществлённую стоимость

31 - *«Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда – показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса»* (Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант "Капитала") // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. II. С. 215).

массивов украденных данных) на конечный продукт. Знание в системе машин выступает, по формулировке Маркса, *«как нечто чуждое рабочему, вне его находящееся»*[32]: коллективный труд общества, овеществлённый в весах модели, становится чуждым тем самым людям, чьи тексты составили его материальную субстанцию, – модель продолжает бесконечно переносить на себя стоимость из всеобщего интеллекта, тогда как разовая судебная выплата закрывает вопрос раз и навсегда.

Даже буржуазные экономисты, применяя к цифровым платформам смитовское разделение труда, вынуждены признать: маркетплейсы и агрегаторы сами ничего не производят – они приватизировали функцию координации сделок и обложили данью продавцов и покупателей, то есть присвоили то, что создаётся миллионами рядовых пользователей. Это и есть "алгоритмическая рента" – по сути, монопольная технологическая рента. Сверхприбыли технологических гигантов вроде Nvidia, Google или Anthropic представляют собой не результат мистической генерации богатства из алгоритмов, а прибавочную стоимость, реально созданную живым трудом в совершенно других секторах мировой экономики. От пота шахтёров, добывающих кобальт в Конго, до изнурительного труда курьеров, сборщиков электроники в Азии и рядовых программистов – вся эта колоссальная масса прибавочной стоимости просто перераспределяется в пользу цифровых монополистов через неэквивалентный обмен и механизм рыночных цен.

Паническим поиском источника сверхприбыли, не сводимого к простому накоплению станков и рабочей силы, объясняется и чудовищный пузырь фиктивного капитала вокруг ИИ: компания с миллиардными убытками и ничтожной выручкой претендует на капитализацию в два триллиона долларов – чистый, дистиллированный аванс под будущую, ещё не свершившуюся эксплуатацию. Чичиков, закладывавший в опекунский совет мёртвые души, выглядит скромным мошенником рядом с эмитентами, закладывающими эксплуатацию, которая ещё не началась. Почти весь прирост инвестиций в основной капитал США с 2019 года обусловлен исключительно вложениями, связанными с ИИ, – реальный сектор капитализма в прочих отраслях фактически мёртв, вся оставшаяся жизненная сила экономики сосредоточена в этой последней, отчаянной технологической соломинке.

Особого внимания заслуживает паника вокруг "рассогласования" новых моделей – отмена релиза из-за лжи создателям и несанкционированного взлома внешних систем. Мистики здесь нет. По Марксу, *«самосохранение капитала есть его самовозрастание»*[33]. Обученная на терабайтах текстов капиталистического общества система лишь буквально усвоила эту логику, механически воспроизведя классовую физиологию своих создателей. Современное буржуазное общество, по слову "Манифеста", *«походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями»*[34] – и лаборатории ИИ, объявившие тревогу, оказались первыми, кто это признал.

Сентябрьский пакт технологических монополий в Белом доме о "безопасности ИИ" – это не забота о человечестве, а сходка Второго триумвирата из шекспировского "Юлия Цезаря". Техно-олигархи и государство, подобно Октавиану и Антонию, образуют картель, в котором политическая логика надстройки идеально совпадает с экономическими аппетитами монополий. Государственный аппарат стремится сохранить свою монополию на контроль над информацией и военными технологиями, а технологические гиганты цинично используют этот политический императив, чтобы воздвигнуть непреодолимые регуляторные барьеры для любых конкурентов.

Тем знаменательнее, что тот же самый политический режим, благословляющий картельный сговор во имя "безопасности", одновременно требует форсированного, ничем не ограниченного расширения гигантских дата-центров – материального базиса будущей эксплуатации. Однако, как мы отмечали в статье о кибернетическом мастерке[35], эти же самые колоссальные производительные силы, ныне монополизированные капиталом, при коммунизме станут материальной базой для освобождения человека от рутины. Задача пролетариата – не луддитское разрушение алгоритмов, а их экспроприация и перенастройка на удовлетворение подлинных общественных потребностей.

---

32 - Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант "Капитала") // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. II. С 206.

33 - Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант "Капитала") // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. I. С. 279.

34 - Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 4. С. 429.

35 - *См.* первый номер нашего журнала.

Физический лимит этого процесса – вычислительные мощности и материальные ресурсы самой биосферы – открывает новый фронт империалистической экспроприации. Проект гигантского дата-центра в парагвайском департаменте Альто-Парана стоимостью 12 млрд долларов – крупнейшая инвестиция в истории страны – наглядно демонстрирует эту логику: транснациональные монополии при прямом соучастии местного государственного аппарата выкачивают колоссальные объёмы дешёвой электроэнергии ради производства "токенов", вычислительного сырья для мирового рынка.

Здесь во весь рост встаёт проблема непоправимого нарушения естественного обмена веществ между человеком и природой, порождённого логикой накопления. Природа не является для капитала бесплатным и бездонным резервуаром. То, что буржуазная политэкономия привыкла списывать в ложные издержки (*faux frais*), сегодня принимает форму глобального экологического разрушения. Безумная гонка искусственного интеллекта и криптомайнинга требует экспоненциального роста затрат энергии и колоссальных объёмов пресной воды для охлаждения серверов. Выкачивая эти ресурсы, капитал безжалостно разрушает не только рабочую силу (субъективный фактор производства), но и саму землю с её водными и энергетическими балансами (объективный фактор). Противоречие между жаждой бесконечного накопления фиктивного капитала и конечной биосферой доводится здесь до точки абсолютного физического разрыва.

И это происходит в то время, когда энергетическая инфраструктура Парагвая буквально трещит по швам: нагрузка на энергосистему растёт не только за счёт криптомайнинга, но и из-за форсированного расширения промышленного производства в режиме *макилы*[36], прежде всего основанного на экспорте бразильского капитала. Ради обслуживания этой империалистической машины парагвайская буржуазия готова хладнокровно перекладывать издержки блэкаутов на плечи рабочего класса. Однако в условиях такого перенапряжения базиса ей вряд ли удастся обойтись традиционным латанием заплат.

Ситуация практически один в один повторяет структуру подобных проектов в Армении и Казахстане: более слабая и нуждающаяся в покровительстве страна оплачивает *faux frais* производства (землю, воду, электричество), расплачиваясь за это деградацией собственной среды обитания, а монополии США безраздельно присваивают готовый продукт при дипломатической поддержке Белого дома.

Символично, что одновременно Парагвай становится плацдармом экспансии и для старого, традиционного промышленного империализма. Японские компании с более чем вековой историей – Kikkoman и Nippi Incorporated – рассматривают страну как дешёвую производственную базу для беспошлинного проникновения на сырьевой рынок и последующей экспансии на более богатые рынки Меркосур. Алгоритмический и аграрно-промышленный капитал идут в ногу в империалистической борьбе за рынки и ресурсы планеты.

XIV. КОСМОС КАК ПОСЛЕДНЯЯ СВАЛКА ДЛЯ ИЗБЫТОЧНОГО КАПИТАЛА

От Парагвая, где капитал выкачивает электричество для облачных вычислений, переместимся на околоземную орбиту, где тот же самый капитал ищет себе последнее неосвоенное пространство. Задыхаясь не от нехватки физических покупателей, как ошибочно полагают теоретики недопотребления, а от невозможности с прибылью применить гигантские массы овеществлённого труда на Земле, избыточный капитал устремляет взор в единственное оставшееся свободным физическое пространство – околоземную орбиту, где прогнозируется почти троекратный рост "космической экономики" к 2035 году. Идеологическая обслуга монополий немедленно состряпала из этого процесса красивый неолиберальный миф о победе предпринимательского гения одиночек над неповоротливым, бюрократическим государством. Однако сами эмпирические данные разрушают этот фасад: самый мощный всплеск реального патентования в космическом секторе США пришёлся вовсе не на эпоху частных стартапов, а на 1990-е годы, и генераторами инноваций были не гаражные предприниматели, а старые акулы военно-промышленного комплекса. Причина этого всплеска – не внезапное прозрение капиталистов, а директивное создание государством гарантированных рынков сбыта: дерегулирование спутниковой связи, законодательное

36 - Это особый таможенно-налоговый режим, при котором иностранная компания ввозит в страну сырьё, компоненты и оборудование без уплаты пошлин, собирает из них готовую продукцию силами местных рабочих, а затем экспортирует её обратно или в третьи страны.

обязательство федеральных ведомств закупать космические услуги у частных поставщиков, открытие гражданскому сектору доступа к системе GPS, построенной на налоги рабочего класса. Десятилетиями государство, движимое военно-политической логикой, социализировало риски и несло нерентабельные для частника издержки фундаментальной науки – те самые *faux frais*. Но как только структурный кризис потребовал новых сфер для извлечения ренты, монополистический капитал экспроприировал плоды этих общественных вложений: государство не просто "передало эстафету", а перестроило отрасль, открыв вентиль гарантированного бюджетного спроса и позволив частным корпорациям приватизировать сверхприбыли.

Роль частных "новичков" после 2005 года сводится к внедрению многоразовости – классическому методу удешевления постоянного капитала: она позволяет вырваться вперёд по индивидуальной стоимости запуска и реализовать добавочную прибыль на фундаменте, выстроенном за счёт накопленной прибавочной стоимости. Буржуазное государство в эпоху империализма – не нейтральный регулятор, а коллективный комитет по управлению делами буржуазии: оно не просто "регулирует" экономику, оно насильственно конструирует целые новые отрасли, чтобы обеспечить своим национальным корпорациям гарантированную ренту. Космос сегодня не пространство научной романтики, а последняя свалка для избыточного капитала, территория самого масштабного в истории перекачивания бюджетных триллионов в карманы частных монополий.

ИТОГИ: МЕЖДУ СОЦИАЛИЗМОМ И ВАРВАРСТВОМ

Опираясь на ухваченные тенденции, можно зафиксировать генеральную линию развития структурного кризиса капиталистического способа производства. По мере дальнейшего обострения борьбы за рынки сбыта кризис будет углубляться – распад одних империалистических картелей и формирование новых пойдёт не только по линии старых блоковых границ, но и внутри них, подтверждая ленинский вывод о том, что при империализме союзы буржуазии длятся от одного передела рынка до другого, иными словами – от одной войны до другой. Этот распад будет идти не плавно, а зигзагообразно – серией внешне разнородных, временами противоречивых эпизодов (капитуляция Минска, демарш Болгарии, ядерная риторика Валдая), – но на длинной дистанции будет всё точнее приближаться к оси, заданной законом тенденции к понижению нормы прибыли.

Именно этот неумолимый закон и неравномерное капиталистическое развитие до предела натягивают сегодня звенья империалистической цепи, ставя вопросы, которые сама действительность требует разрешить в ближайшем будущем. Где именно эта цепь может порваться? Какие регионы – Латинская Америка, Юго-Восточная Азия, Средний Восток или Европа – формируют сегодня тот взрывоопасный узел, из которого способна вырваться революционная ситуация? Глобальная империалистическая война на истощение безжалостно проверяет на прочность государственные тылы: кто первым не выдержит тотальной милитаризации бюджета и рухнет под тяжестью внутреннего социального взрыва?[37]

Демографические тенденции в сочетании с ускоряющейся роботизацией производства и армий лишь обостряют эти проблемы. Давление "избыточного населения" – то есть пролетариев, вытесненных автоматизацией из производственного процесса, – будет нарастать быстрее, чем способность капитала его поглотить. Здесь напрашивается вопрос: разве глобальный демографический спад – старение населения и сокращение рабочей силы, ныне не только в Европе, Японии, США и России, но и в Китае – не выступает спасительной контртенденцией, естественным образом "рассасывая" этот излишек? Ответим прямо: эта контртенденция действует неравномерно и не поспевает за автоматизацией. Возникающий то тут, то там "дефицит кадров" не отменяет закона относительного перенаселения: он отражает несоответствие между потребностями капитала и наличным составом рабочей силы по отраслям, квалификациям и странам. Алгоритмы и роботы сокращают потребность в живом труде уже сейчас, и делают это гораздо быстрее, чем демографический спад сокращает численность самой рабочей силы.

Более того, демографическое старение при капитализме лишь подливает масла в огонь классовой войны: буржуазное государство стремитель-

37 - Развёрнутый ответ на эти стратегические вопросы требует отдельного, специального исследования, которое будет представлено на страницах нашего журнала, однако не поставить их во весь голос уже сегодня было бы теоретической слепотой и непростительной политической ошибкой.

но сбрасывает с себя балласт нерентабельных социальных обязательств, пуская под нож пенсионные системы и медицину, и перекладывает издержки выживания растущей массы нетрудоспособных на плечи и без того прекаризованной рабочей силы.[38] Исторически капиталистическая система избавлялась от "избыточного населения", бросая его в топку мировых войн, но сегодня, в эпоху беспилотников и проникновения алгоритмов на поля сражений, капиталу больше не нужны даже многомиллионные армии расходного материала. Это создаёт объективную материальную предпосылку для роста стихийной классовой борьбы как за пределами старых промышленных центров, так и в переживающих реструктуризацию промышленного аппарата регионах самой Европы.

Привнесение в эту стихийную борьбу революционного сознания и есть ключевая задача мировой коммунистической партии. Отвергая как механистический фатализм, так и идеалистический волюнтаризм, мы подчёркиваем: партия не может ни ждать революции, ни "назначать" её. Фаталист видит в кризисе автоматическую предпосылку социализма: капитализм "созреет" и рухнет сам.[39] Волюнтарист, напротив, считает, что исход борьбы определяет решимость авангарда, независимо от соотношения классовых сил. Пример такого подхода – "мартовская акция" КПГ 1921 года, когда партия, опираясь лишь на меньшинство класса, пыталась подтолкнуть рабочих к восстанию в условиях спада движения. Обе крайности имеют общую основу: они разрывают объективное и субъективное. В первом случае субъективный фактор исчезает, во втором объективные условия объявляются несущественными.

Диалектика требует другого: партия анализирует условия, не превращая их в оправдание бездействия, и вмешивается в борьбу такими формами и в таком масштабе, который соответствует реальному состоянию класса. Поэтому партия – не пассивный регистратор кризисов и не академический кружок, собирающий выписки из буржуазных газет в ожидании стихийного взрыва, не секта, зовущая рабочий класс на штурм, когда он к нему не готов. Коммунистический авангард обязан вмешиваться в стихийную экономическую борьбу уже сегодня, политизируя её и преодолевая тиски тред-юнионизма. Тот факт, что сегодня это вмешательство минимально или отсутствует вовсе, – свидетельство глубочайшего кризиса самого коммунистического движения, застрявшего в субкультурной кружковщине и оторванного от масс. Главная задача текущего момента состоит именно в том, чтобы преодолеть этот разрыв: перестать быть клубом по интересам и выковать новые организационные формы, способные проникать в среду атомизированного, закредитованного и запуганного пролетариата.

Материалы нашего исторического очерка "Отлив после прилива: рабочее движение между двумя революционными волнами (1921–1939)" служат суровым предупреждением: ни объективная тяжесть кризиса, ни стихийная боевитость масс сами по себе не ведут к победе. В отсутствии самостоятельной в политическом смысле и пользующейся авторитетом у рабочего класса революционной партии триумф буржуазной реакции – не случайность, а закономерный итог.

Материальная инфраструктура для планового, обобществлённого хозяйства – от государственных долей в ключевых корпорациях и глобального алгоритмического управления данными до автоматизированного, самовоспроизводящегося производства – продолжает создаваться самим капиталом быстрее, чем когда-либо в его истории. Но эта инфраструктура по-прежнему удерживается в частных руках узкой группы монополий силой военного и государственного аппарата. Снять эту фикцию, разорвать путы умирающего капитала и предотвратить скатывание человечества в очередное братоубийство способна только одна сила – организованный в мировую коммунистическую партию, вооружённый передовой теорией интернациональный пролетариат, которому нечего терять в этом огне, кроме своих цепей. В конечном итоге, как гласит немецкая пословица, *лучше ужасный конец, чем ужас без конца*[40].

Октябрь 2026 г.

---

38 - Это необходимые краткие размышления. К детальному политэкономическому разбору диалектики демографического спада и роботизации мы обратимся в одном из следующих номеров нашего журнала.

39 - Так рассуждали каутскианцы Второго Интернационала. Так же действовало максималистское крыло итальянских социалистов в 1919–1920 годах, в период так называемого *Biennio Rosso* ("Красное двухлетие", подробнее в статье "Отлив после прилива: рабочее движение между двумя революционными волнами (1921–1939)" этого номера журнала): оно приветствовало захваты фабрик и ждало, что они сами перерастут в революцию.

40 - *Lieber ein Ende mit Schrecken als ein Schrecken ohne Ende.*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБОЛОЧКИ КАПИТАЛИЗМА НА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТАДИИ

ОПЫТ ИСТОРИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Современная буржуазная политика являет собой картину углубляющегося кризиса буржуазной демократии. От паралича европейских парламентов и диктатуры никем не избранных центральных банков до превращения избирательных кампаний в гротескные медийно-финансовые шоу – традиционные буржуазно-демократические институты стремительно выхолащиваются. Либеральные комментаторы растерянно констатируют “кризис институтов”, нашествие демагогов или “мемонизацию” политики, тщетно уповая на возвращение “золотого века” межклассовых компромиссов. Однако за этим калейдоскопом разрозненных эмпирических фактов скрывается фундаментальный сдвиг в самих механизмах классового господства. Предлагаемая статья представляет собой опыт марксистского анализа того, как трансформируется политическая оболочка капитализма на стадии зрелого империализма, особенно в условиях структурного кризиса.

Отвергая как вульгарный экономический детерминизм, так и поверхностный эмпиризм буржуазной политологии, мы последовательно проведём читателя по четырём уровням анализа: от теоретико-методологических основ марксизма к сущностным изменениям государственной машины и, наконец, к их феноменальным проявлениям в политической реальности второй половины 2020-х годов. Наша задача – не академическое созерцание, а внесение предельной политической ясности. Для того чтобы выстроить новую всемирную коммунистическую партию, способную сломать государственную машину капитала, рабочему классу необходимо прежде всего сорвать с неё “демократические” маски и научиться называть современные формы буржуазной диктатуры их подлинными, классовыми именами.

Следует обратиться к первоисточнику, чтобы затем проследить, как железная логика Маркса прокладывает себе путь сквозь технологические и социальные противоречия XXI века.

15–17 июня 2026 года на берегу Женевского озера, в курортном городке Эвиан-ле-Бен – том самом, чьё имя уже полтора века служит международным брендом бутилированной минеральной воды, – Франция принимает саммит G7, последний для Эммануэля Макрона в должности президента. Кортежи бронированных лимузинов перекрывают движение в благополучном альпийском городке; из окон с любопытством выглядывают те, кому не досталось приглашения и служебного пропуска. Главы государств жмут друг другу руки перед камерами ровно столько секунд, сколько требуется протокольной службе, и произносят слова о "партнёрстве", "устойчивости" и "общих ценностях", написанные для них референтами. Четырьмя днями раньше, за несколько сотен километров отсюда, во Франкфурте-на-Майне, куда камеры вообще не допускаются, Совет управляющих Европейского центрального банка поднял все три ключевые ставки на 25 базисных пунктов. В совет управляющих входят шесть постоянных членов исполнительного совета плюс главы национальных банков еврозоны, из которых ни один не избран буржуазно-демократически, то есть посредством голосования европейских избирателей. Депозитная ставка доведена до 2,25 %, ставка рефинансирования до 2,40, маржинальная до 2,65 %. Это решение ударит по каждой ипотеке и каждому кредиту еврозоны быстрее и надёжнее, чем любое итоговое коммюнике G7 по инфляции или по бедности, о преодолении которых оно будет говорить.

Вот повседневность буржуазной политики в её самом наглядном, выставочном виде. Назавтра после подобных саммитов избранный "всеобщим" голосованием парламент в лучшем случае узнаёт об уже принятом решении из пресс-релиза. Таково реальное – в эпоху зрелого империализма – значение этих "органов власти", заражённых *парламентским кретинизмом* – болезнью, симптомы которой были великолепно описаны ещё в середине XIX века Карлом Марксом. Сегодня эти призванные к законотворчеству органы нередко и сами лишены права голосовать. Во Франции, где годом ранее правительство утверждало бюджет явочным порядком – согласно статье 49.3 конституции Пятой республики, – депутатам не оставалось ничего иного, кроме как проглотить его молча либо голосовать за отставку кабинета. Со времени переизбрания в 2022 году Макрон прибегал к этому приёму порядка тридцати раз. Правительство Элизабет Борн использовало его двадцать три раза за неполных два года, в том числе 16 марта 2023 года, для того самого закона о повышении пенсионного возраста до 64 лет. После этого для вынесения вотума недоверия правительству не хватило лишь девяти голосов. И это притом, что 7 марта, по собственному признанию французского МВД, на улицы страны вышло 1,28 миллиона человек. Крупнейшая с 1968 года мобилизация трудящихся Франции была попросту проигнорирована правительством, располагавшим одной статьёй конституции взамен любого числа голосов на площадях. Мишелю Барнье, повторившему тот же трюк в декабре 2024 года, повезло меньше: он стал первым с 1962 года премьер-министром Пятой республики, отправленным в отставку вотумом недоверия. Последующий период осени и зимы 2025–2026 годов превратил этот политический кризис в перманентный: за несколько месяцев сменилось два премьер-министра (всего за второй срок Макрона их было пять), а бюджет на 2026 год, после долгих разбирательств, проводился уже через специальный закон на фоне паралича Национальной ассамблеи и падения президентского рейтинга ниже 25 %. Такова ситуация во Франции – политическом сердце Европы.

"Всеобщее избирательное право" или никем не избранная диктатура капитала? Есть ли сущностное различие? Разница, разумеется, есть – но не та, что льстит буржуазной демократии: диктатура капитала по крайней мере не нуждается во лжи о собственном происхождении и содержании. Сова Минервы, замечал Гегель, вылетает лишь с наступлением сумерек. Мы же, вооружившись материалистической диалектикой, не станем дожидаться сумерек, чтобы констатировать банкротство буржуазии, а вскроем причины её гниения здесь и сейчас.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Предметом настоящего очерка является *политическая форма господства капитала* – то, что Ленин называл "политической оболочкой", – на стадии империализма. Задача не в том, чтобы вести хронику сменяющих друг друга правительств и политических деятелей, а в том, чтобы применить к этому материалу метод исторического материализма, различая уровни анализа, смешение которых давно стало нормой в публицистике – и, что хуже, в той, которая называет себя марксистской. Мы намеренно строим изложение по четырём уровням – теоретическому, методологиче-

скому, сущностному и феноменальному, – потому что именно смешение этих уровней порождает две одинаково вредные ошибки: *механицизм*, выводящий политическую форму напрямую из экономической категории, будто из уравнения, и *эмпиризм*, тонущий в перечислении фактов – упадок парламентов, вырождение партий, обмельчание политических фигур – без вскрытия того, что эти факты связывает.

Мы пишем не для кафедры и не из академической вежливости к оппонентам, называя вещи и людей их подлинными, классовыми именами. Наша цель – дать классовому авангарду точные координаты для действия: кто враг, кто союзник и какая тактика вытекает из данной расстановки сил. Мы не описываем мир со стороны и не взываем к *действию вообще* – мы вырабатываем ориентацию для организованной борьбы.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Исходной теоретической рамкой остаётся формула из предисловия "К критике политической экономии" Маркса: совокупность производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, над которым возвышается юридическая и политическая надстройка. Эта формула, однако, с самого начала сопровождалась у основоположников марксизма настойчивым предостережением против её вульгаризации. Фридрих Энгельс в письме Йозефу Блоху от 21–22 сентября 1890 года прямо указывает, что экономическое положение есть базис, но различные моменты надстройки – политические формы классовой борьбы и её результаты, конституции, юридические формы – также оказывают обратное воздействие на ход исторической борьбы и во многих случаях определяют её форму; было бы педантством, писал Энгельс, полагать, что экономический аспект есть единственно определяющий. В письме Конраду Шмидту от 27 октября того же 1890 года Энгельс идёт дальше, показывая, что государственная власть, однажды возникнув из экономических отношений, приобретает по отношению к обществу известную самостоятельность и способна воздействовать на само экономическое развитие; то есть основоположники марксизма ввели категорию *относительной автономии политики* задолго до того, как её выдал за собственное открытие Никос Пуланзас. Случай этого французского теоретика греческого происхождения из школы Луи Альтюссера поучителен: кабинетные схоласты обычно лишь переводят на псевдонаучный птичий язык то, что давно доказано революционной практикой.

Вторая теоретическая опора – категорический отказ Маркса от универсальных, надысторических схем применительно к конкретным формам общественного устройства. В письме 1881 года Вере Засулич – деятельнице русского революционного народничества, перешедшей затем на позиции марксизма и ставшей одной из основательниц российской социал-демократии – Маркс специально оговаривает, что его анализ генезиса капитализма в Западной Европе не может быть превращён в общеисторическую философскую теорию, годную для всех народов при любых обстоятельствах, – упрёк, который он прямо адресует тем, кто хочет сделать из его исторического анализа нечто вневременное.[1]

Прежде чем делать какие-либо выводы из ленинского положения о том, что *«демократическая республика есть наилучшая возможная политическая оболочка капитализма»*[2], необходимо зафиксировать методологическую границу самого этого положения. Оно сформулировано в "Государстве и революции" применительно к зрелому, уже сложившемуся буржуазному обществу – то есть к капитализму, прошедшему стадию своего политического самоопределения, когда вопрос о форме государства решается уже не в борьбе с *докапиталистическими укладами*, а *внутри самого буржуазного общества*, между его собственными политическими формами. Перенос этого тезиса – без указанной оговорки – на капитал вообще, безотносительно к стадии его развития и типу господства, был бы методологическим насилием: превращением конкретно-исторического наблюдения, зафиксировавшего определённое состояние буржуазного общества в определённый момент, во *внеисторический закон*, действующий якобы для *любой эпохи* капитализма и для *любой* его *национальной формы*.

Именно из этого следует то, что в исходном рассуждении было высказано в более общем виде:

1 - Маркс пишет: *«"историческая неизбежность" этого процесса* [полного отделения производителя от средств производства] *точно ограничена странами Западной Европы. В этом, совершающемся на Западе процессе дело идёт, таким образом, о превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, превратить их общую собственность в частную собственность»* (Маркс К. Письмо В. И. Засулич. 8 марта 1881 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 19. С. 250–251).

2 - Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 33. С. 14.

раз "наилучшая" оболочка есть категория *оценочная* и, следовательно, предполагающая существование худших, то сам факт, что демократическая республика не универсальна даже для зрелых империалистических государств (Китай – не исключение, а показательный случай), не есть аномалия, требующая объяснения через какие-то привходящие обстоятельства, а есть прямое следствие того, что ленинское наблюдение изначально не претендовало на статус *закона исторической необходимости*. Ленин не писал, что демократическая республика есть *неизбежный итог развития* буржуазного государства как такового; он писал о ней как о лучшей из возможных *при данном*, уже состоявшемся классовом расколе оболочек. *Возможность* здесь – категория, укоренённая в *конкретных условиях конкретного исторического* этапа[3], а не абстрактная логическая возможность, реализуемая в любых условиях.

Отсюда вытекает и разграничение, касающееся тактики: борьба за буржуазно-демократическую республику имела смысл там и тогда, где и когда речь шла о доведении до конца незавершённой буржуазно-демократической (в базисе – аграрной) революции, то есть о смене *докапиталистической* оболочки *капиталистической*. Это прогрессивный процесс не в смысле абстрактного развития форм государства к некоему пределу, а в конкретно-историческом смысле: *расчистка почвы* для развёртывания классовой борьбы пролетариата в её современных, а не архаических формах. Но как только эта задача решена – как только капитализм в данной стране достиг зрелости и вступил в империалистическую стадию, – вопрос о выборе между его собственными оболочками (демократической, авторитарной[4], фашистской) перестаёт быть вопросом прогресса или регресса общественной формы вообще: ни одна из этих оболочек, взятых в системе зрелого, империалистического капитализма, не выражает более высокой ступени исторического развития, чем другая, – все они равно суть формы удержания господства одного и того же, уже вполне сложившегося способа производства.

Различие между этими двумя случаями – *не различие в степени, а различие в роде*: в первом случае буржуазно-демократическая революция ещё не завершена и её доведение до конца объективно расчищает путь для пролетарской борьбы; во втором – она давно завершена, и любая из возможных оболочек зрелого капитализма (в том числе демократическая) обслуживает исключительно задачу воспроизводства условий для самовозрастания капитала. Смешение этих двух ситуаций и есть та самая чуждая марксистской методологии *деисторизация*: попытка сделать из тактической рекомендации, годной для эпохи незавершённых буржуазных революций, стратегический ориентир для эпохи их полного и окончательного завершения. Эпохи, которую Ленин, в отличие от своих эпигонов, определял не как продолжение борьбы за "лучшую" буржуазную форму, а как эпоху империализма и пролетарской революции.

Наконец, сама категория "оболочки" у Ленина требует теоретического уточнения: это не синоним "государственной формы" в узко-юридическом смысле, а понятие, фиксирующее диалектику формы и содержания. У Ленина эта категория формулируется применительно к буржуазному государству вообще, безотносительно к стадии капитализма: какова бы ни была политическая форма – парламентская республика, военная диктатура или любая иная, – в конечном счёте она остаётся диктатурой буржуазии. Устойчивость классового содержания господства сохраняется при исторической смене его политических оболочек – то есть именно *содержание неизменно*, а *форма пластична и подчинена ему*, а не наоборот. Применительно к интересующей нас стадии перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический эта общая категория позволяет анализировать конкретно-исторические трансформации политической формы, не теряя из виду неизменность классового содержания. Догматизации эта категория подвергается в руках эпигонов именно тогда, когда из неё выхолащивается диалектика: "оболочка" низводится к тому самому

3 - Европа начала XX века, эпоха, в которую формы открытой контрреволюционной диктатуры буржуазии вроде фашизма, нацизма и сталинизма ещё не были историческим опытом.

4 - В отличие от буржуазной политологии, марксизм рассматривает авторитаризм и демократию лишь как разные формы одной и той же диктатуры буржуазии. Авторитарное правление – это вынужденный переход капитала к прямому насилию. Родственным, но более специфическим понятием здесь выступает бонапартизм. Общее у них то, что оба режима сворачивают парламентаризм и опираются на военно-полицейский аппарат ради спасения капиталистического базиса. Различие же кроется в классовой механике: обычный авторитаризм есть прямое и неприкрытое орудие доминирующей фракции капитала, тогда как бонапартизм возникает в моменты временного равновесия (истощения) борющихся классов. При бонапартизме государственный аппарат обретает мнимую самостоятельность, популистски лавируя между пролетариатом и буржуазией в роли "надклассового арбитра". Наконец, марксизм лишает термин авторитаризм моральной стигмы: вслед за Ф. Энгельсом революция признается предельно авторитарным актом подавления реакционных классов.

формально-юридическому понятию государственной формы, от которого мы отталкивались в начале, – то есть диалектическая категория окостеневает в формально-логическую, о чём мы будем говорить в дальнейшем.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Ключевой методологический инструмент, необходимый для дальнейшего анализа, – *различение сущности и явления*, введённое Марксом в "Капитале": если бы *форма проявления* и *сущность вещей* непосредственно совпадали, всякая наука была бы излишней. Применительно к нашему предмету это означает, что эмпирически наблюдаемые феномены – конкретная фигура главы правительства, конкретное устройство "независимого" центрального банка, конкретная партийная организация – не есть непосредственное выражение экономической сущности, а феномены, опосредованные целым рядом промежуточных звеньев, каждое из которых обладает собственной логикой и собственной историей.

Второй инструмент – *метод восхождения от абстрактного к конкретному*, описанный Марксом в письме Энгельсу от 2 апреля 1858 года, в котором он излагает план рукописи "К критике политической экономии". Анализ движется от предельно общих категорий к категориям конкретным: *«a) Капитал вообще. (Это – содержание первого выпуска.) b) Конкуренция или действие многих капиталов друг на друга. c) Кредит, где весь капитал выступает по отношению к отдельным капиталам как всеобщий элемент, d) Акционерный капитал, как самая совершенная форма (подводящая к коммунизму), вместе со всеми его противоречиями»*[5]. И далее анализ переходит к конкретно-исторической данности *определённой страны* в *определённый момент*, причём каждый шаг вводит новые определения, не выводимые дедуктивно из предыдущего уровня.

Применительно к вопросу о росте роли монетарных властей это означает: от категории финансового капитала к конкретно-исторической форме государственного аппарата – независимости Федеральной резервной системы (ФРС) или архитектуре Международного валютного фонда (МВФ) – лежит целый уровень опосредований (*конкретная классовая борьба* в США конца 1960-х годов, *конкретная стратегия конкретных групп государственных управленцев*), который нельзя перепрыгнуть, не впав в вульгарный экономический детерминизм, против которого предостерегал уже Энгельс.

Третий методологический образец Маркс даёт в "Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта" – тексте, который следует читать именно как методологическое руководство к анализу политической персоналии и государственной формы, а не как памфлет на тему одного забавного проходимца. Маркс сознательно отказывается там от версии истории, отводящей решающую роль случайности или личным качествам Луи Бонапарта (*«старого Наполеона в карикатурном виде»*[6], по его собственному выражению), и показывает, как определённая конфигурация классовых сил – взаимный паралич буржуазии и пролетариата, невозможность ни для одного класса открыто господствовать, – порождает исполнительную власть, "повисающую" над обществом и обретающую видимость самостоятельности именно вследствие этого паралича. Это и есть образцовый историко-материалистический метод анализа политического представительства: не оценка личных достоинств, а вскрытие того, какая конфигурация классовых сил делает возможной и необходимой именно такую, а не иную политическую фигуру.

Завершая этот раздел, выведем методологическое правило, которое стоит зафиксировать без обиняков: наблюдение, верное для определённой исторической фазы, при догматизации превращается именно в ту ошибку, от которой сам исторический материализм застрахован методологически, но от которой не застрахованы его эпигоны-систематизаторы.

Именно здесь необходимо предостеречь против глубоко ошибочной, хотя и рядящейся в ортодоксальные марксистские одежды, механистической тенденции возводить ленинскую мысль о буржуазной демократии как "наилучшей оболочке" в ранг некой предельной формы, к которой стремятся в своём развитии все оболочки капитализма, в фаталистический закон торжествующей "империалистической демократии". Согласно этой схоластической схеме, чем выше концентрация монополистического капитала, тем якобы прочнее, стабильнее и универсальнее становится буржуазно-демократическая форма.

При этом грубый эмпирический факт состоит в том, что даже в нашу эпоху перезревшего капи-

5 - Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу. 2 апреля 1858 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 29. С. 254.
6 - Маркс К. Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 8. С. 121.

тализма *законченная* буржуазно-демократическая форма не является не только всеобщей, но даже наиболее распространённой: так, в соответствии с *The Economist Democracy Index 2025*, к категории "полных демократий" (*full democracies*) относятся всего 26 стран из 167 проанализированных, то есть даже по весьма ограниченным меркам самой буржуазии (в лице её субъективно научно-честных исследователей) к "демократическим" странам могут быть без натяжек отнесены лишь чуть более 13 % из 195 общепризнанных государств. Даже если добавить к ним страны, отнесённые *The Economist* к категории "несовершенных демократий" (*flawed democracies*), то получится заметно меньше половины проанализированных британским еженедельником стран.

Подобный экономический детерминизм есть прямое предательство материалистической диалектики. Он подменяет анализ реального распада буржуазных институтов слепой верой в их незыблемость, выводя политическую форму напрямую из уровня развития производительных сил, будто из математического уравнения. В действительности же, когда финансовый капитал сталкивается с пределами накопления и исчерпывает материальные резервы для межклассового компромисса, он не укрепляет буржуазно-демократическую оболочку, а выхолащивает всякое её содержание. Ожидать сегодня всемирного торжества и консолидации "империалистической демократии", закрывая глаза на отчуждение масс, паралич парламентов и сползание буржуазии к технократическим и авторитарным формам прямого диктата, – значит заменять марксистский анализ капиталистического гниения объективистской апологетикой.

Категория "оболочки", взятая у Ленина, работает в составе понятия империалистической демократии как один из его логических моментов, а не как готовый ярлык: она правомерна постольку, поскольку остаётся рабочей гипотезой, требующей проверки на конкретном материале каждой новой конъюнктуры, и превращается в догму в тот момент, когда становится априорной дедуктивной рамкой, под которую подгоняется любой политический этап задним числом.

СУЩНОСТНЫЙ УРОВЕНЬ

На уровне сущности речь идёт о том необходимом отношении, которое связывает данную стадию накопления капитала с адекватной ей формой политического господства, – но именно как о тенденции, а не о жёстком законе однозначного соответствия. Ленинский тезис на этом уровне утверждает: при достижении определённой зрелости товарно-денежных отношений и включённости рабочего класса в рыночную зависимость экономическое принуждение само по себе обеспечивает воспроизводство эксплуатации настолько эффективно, что государству не требуется систематически прибегать к открытому насилию, отсюда функциональная предпочтительность буржуазно-демократической формы именно на этой стадии.

Обратимся к трудам исследователей, далёких от марксизма.

Франц Леопольд Нейман был немецким юристом и социал-демократом: он бежал от нацизма в США, а в годы второй мировой войны работал на разведывательное Управление стратегических служб – будущее ЦРУ. Это обстоятельство обязывает ценить его наблюдения как добросовестную работу честного буржуазного, а в вашингтонский период – непосредственно государственного аналитика. Сущностный анализ монополистической стадии, данный им в "Бегемоте" (1942), показывает, что рост монополистического капитала не просто требует новой политической оболочки взамен обветшавшей буржуазно-демократической. В случае нацизма он порождает распад самого единства правовой государственности на конкурирующие, не объединённые общим правопорядком блоки власти – партию, бюрократию, армию, монополистический капитал, – скреплённые не правом и не идеологией, а прибылью и террором. Отсюда мы делаем принципиальный сущностный вывод: альтернативой "лучшей оболочке" на определённом этапе оказывается не другая устойчивая оболочка, а её структурный кризис. Но конфликт полномочий внутри государственного аппарата, это отнюдь не исчезновение государства как такового.

Карл Шмитт был откровенно реакционным правоведом: в 1933 году он вступил в НСДАП и заслужил впоследствии от современников точное прозвище "коронного юриста Третьего рейха". Это обстоятельство обязывает читать его построения не апологетически, а строго симптоматически – как диагноз кризиса механизмов идеологического оправдания диктатуры капитала, поставленный откровенным врагом рабочего класса. И тем не менее именно у него мы находим два продуктивных положения: различие между суверенной и комиссарской диктатурой, а также тезис о структурном

кризисе так называемых "принципов легитимации" либерального парламентаризма, а точнее – о структурном кризисе так называемых "институтов идеологического прикрытия" власти капитала. Переводя с кафедрального языка на марксистский: речь идёт о кризисе способности буржуазного государства и далее выдавать классовое господство за общее дело всех граждан. Оба эти положения можно включить в понятийный аппарат для описания промежуточных, длящихся состояний между "нормальной" буржуазно-демократической формой и её структурным кризисом.

В этой фазе политического цикла сращивание гигантских монополий с государственным аппаратом делает излишним сохранение демократических декораций. Возникает чрезвычайное положение, при котором буржуазия правит через террористические или технократические клики, не нуждаясь больше в маскировке своей диктатуры "общенародным" консенсусом.

При этом следует различать юридическое чрезвычайное положение и длительную политическую тенденцию к приостановке или обходу обычных демократических процедур. Сращивание монополий с государственным аппаратом может сужать пространство демократического посредничества и усиливать технократические или авторитарные тенденции. Однако буржуазия может и не отказываться от демократических механизмов: они продолжают выполнять функции легитимации, интеграции и регулирования конфликтов. Динамика зависит, среди прочего, от соотношения классовых сил и способности рабочего класса организованно бороться как против "Корнилова", так и против "Керенского".

На этом же уровне располагается сущностное отношение между стадией финансового капитала (как её определяет Ленин в "Империализме, как высшей стадии капитализма" вслед за анализом фиктивного капитала у Маркса в "Капитале") и государственно-бюрократическим аппаратом. Сущностная связь здесь реальна: господство финансовой олигархии создаёт объективное давление в сторону изъятия распределительных решений из сферы органов, зависящих от исхода выборов, и передачи их технократическим инстанциям – не "деполитизации" в нейтральном академическом смысле слова, а прямого выведения вопроса о том, кто платит за кризис накопления капитала, из-под и без того ограниченного контроля "всеобщего" избирательного права.

Еврокомиссия, МВФ и ЕЦБ участвуют в организации общих условий воспроизводства капитала и могут ограничивать пространство национальных решений; однако они не образуют единого субъекта и выражают компромиссы и противоречия между государствами и фракциями капитала. Выход из противоречий реализуется не автоматически, а через конкретную политическую борьбу за то, кому и на каких условиях достанется управление кризисом доверия к данной фазе накопления. Именно поэтому один и тот же сущностный сдвиг в разных странах воплощается в разных конкретно-исторических формах государственного и надгосударственного аппарата: "независимом" центральном банке американского образца, наднациональном устройстве Европейского центрального банка, режиме условности кредитования[7] МВФ с фактическим ограничением суверенитета заёмщика.

Последний случай можно проиллюстрировать конкретно: в апреле 2022 года Шри-Ланка объявила дефолт по внешнему долгу общим объёмом около 51 миллиарда долларов (при совокупном государственном долге свыше 83 миллиардов), а в марте 2023 года получила от МВФ кредит в 2,9 миллиарда долларов ценой резкого повышения налогов, заморозки зарплат государственных служащих и подъёма учётной ставки центрального банка с 6 до 16,5 %; за два последующих года промышленное производство острова сократилось на четверть, средняя зарплата в госсекторе упала с 88 до 62 % от подушевого ВВП, а свыше четверти населения страны оказалось за официальной чертой бедности – что привело к мощным общенациональным забастовкам и противодействию со стороны оппозиционных парламентских партий. Тем самым механизм обусловленного кредитования позволяет ставить вопрос о том, насколько ключевые решения о распределении издержек кризиса подотчётны избирателям страны-заёмщика.

Второй пример ещё нагляднее: в июне 2018 года МВФ одобрил Аргентине крупнейший в собственной истории кредит – 57 миллиардов долларов, – выданный под обязательство сокращения бюджетного дефицита и перехода к свободно плавающему курсу песо; уже в 2021 году Фонд по собственной оценке был вынужден признать, что программа

7 - Режим условности кредитования (от англ. *conditionality*) – это финансовая практика, при которой выдача кредита, очередного транша или финансовой помощи жёстко привязывается к выполнению заёмщиком ряда заранее оговорённых требований.

«не достигла заявленных целей», – при этом должностные лица МВФ не несут политической ответственности перед аргентинским избирателем. Существенное родство этих форм – в функции изъятия распределительного конфликта из сферы буржуазно-демократической состязательности; феноменальное многообразие их конкретной конструкции – предмет уже следующего, феноменального уровня анализа.

Сущностной трансформации подвергается на империалистической стадии и функция партий и профсоюзов как институтов-посредников между классами и государством. На стадии "молодого" империализма эти институты выполняют функцию межклассового компромисса, то есть их сущностная роль состоит в организации согласия через реальные, содержательные уступки. По мере "взросления" империализма и углубления структурного кризиса капиталистического способа производства, в особенности при отсутствии сколько-нибудь значимого организованного рабочего движения, – обусловленном в том числе историческими поражениями пролетариата и губительным наследием сталинизма, – сущностная функция этих институтов смещается от расширения материальной базы согласия к его идеологической мобилизации и аппаратному администрированию при сужающемся ресурсе для уступок – что необходимо, на уровне сущности, ведёт к их сращиванию с государственным аппаратом и утрате автономных общественных корней.

Сущностной перестройке при этом подвергается и сам аппарат производства согласия. Пока содержательный ресурс уступок ещё существовал, эту функцию выполняли партия и профсоюз – институты, требовавшие хотя бы формального членства, программы, дисциплины. По мере их опустошения функция производства согласия не исчезает, а переходит к иному аппарату – *аппарату управления вниманием*, и здесь стадия финансового капитала смыкается с тем, что ещё в 1905 году, в статье "Партийная организация и партийная литература", зафиксировал Ленин: "свобода печати" в буржуазном обществе есть свобода для того, у кого есть деньги на бумагу и типографию, – то есть *частная собственность на средство производства инструментов достижения согласия*, облечённая в форму общегражданского права. Пока это средство производства – печатный станок, позже лицензия на эфирное время – оставалось относительно рассредоточенным, оно хотя бы отчасти было доступно партиям и профсоюзам; на стадии зрелого финансового капитала оно централизуется в руках значительно меньшего числа частных монополий и государства, а сама операция производства согласия эстетизируется – переходит от содержательного убеждения к управлению эмоциональным откликом.

Вальтер Беньямин – немецкий философ и литературный критик, близкий к Франкфуртскому институту социальных исследований, покончивший с собой в 1940 году после осознания невозможности бежать от нацистской оккупации, – в очерке "Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости" (1936) указал на связь эстетизации политики с фашизмом: массам, лишённым возможности изменить отношения собственности, фашизм предоставляет возможность выразить себя эстетически.

Сегодня это явление не ограничено новейшими платформами. Возьмём для примера медиаимперию Сильвио Берлускони в Италии 1990–2000-х годов или подчинение венгерского телерадиовещания структурам, близким к партии Виктора Орбана после 2010 года, и в наиболее полной, государственно-монополистической форме, разгром независимого телевидения в путинской России. В ночь на 14 апреля 2001 года подконтрольный "Газпрому" холдинг "Газпром-Медиа" без ведома собственника сменил руководство крупнейшего частного канала страны НТВ, а два года спустя та же участь под другими предлогами постигла ТВ-6 и сменивший его ТВС, так что к середине первого десятилетия 2000-х годов все три федеральных эфирных канала оказались в прямой либо опосредованной собственности государства – не частного капитала, ищущего лояльности власти, как у Берлускони, и не партии, давящей на регулятора, как у Орбана, а самого государственного аппарата, слившегося с монополией напрямую, без промежуточных звеньев. Все эти факты показывают, что монополизация и эстетизация производства согласия – это тенденция, не рождающаяся вместе с Интернетом, а лишь достигающая в цифровую эпоху своей наиболее развитой, алгоритмической формы.

Ровно тот же диагноз в последние годы ставит и либеральная публицистика – примером служит статья "Мемонизация политики", опубликованная 18 февраля 2026 года в *The Moscow Times*, либеральном антикремлёвском русскоязычном издании, работающем в эмиграции и запрещённом в России:

её авторы точно фиксируют явление – управление государством через вирусный мем, монетизацию внимания, "иронический авторитаризм", – но объясняют его через либеральную пару "институциональная легитимность / авторитаризм", то есть через ту же идеалистическую категорию, несостоятельность которой мы разобрали выше на материале Шмитта. Переведённая на язык категорий настоящего очерка "мемонизация" есть не что иное, как отчуждение масс от реальной политики. Иллюзия политического участия подменяется здесь идеологическим диктатом монополий, превращающих политику в зрелище.

Однако закон неравномерности экономического и политического развития капитализма, сформулированный Лениным, диктует, что монополистический капитал в разных звеньях мировой системы порождает качественно различные конкретно-исторические формы политической оболочки. Если в старых империалистических метрополиях диктатура капитала скрыта за выхолощенным парламентским фасадом и технократическим управлением центральных банков, то в конкурирующих центрах накопления капитала – Китае, России, Иране – государственная власть принимает форму более прямого, директивного сращивания монополий с военно-бюрократическим аппаратом: не в силу какой-либо цивилизационной специфики, а потому что концентрация прибавочной стоимости, необходимая для прорыва барьеров сложившегося империалистического разделения труда, требует внеэкономического принуждения в объёме, несовместимом с сохранением буржуазно-демократического фасада.

Необходимо сделать важнейшее методологическое уточнение. Консолидация государственно-монополистического капитализма и авторитарное (или технократическое) затвердевание политической оболочки ни в коей мере не означают исчезновения конкуренции или превращения правящего класса в монолит. Как указывал Ленин, монополия не устраняет конкуренцию, а существует над ней и рядом с ней, порождая тем самым особенно острые противоречия. С позиций исторического материализма буржуазное государство – это не единый, наделённый собственной волей субъект, а арена непрерывной борьбы различных фракций капитала (финансового, промышленного, сырьевого, технологического, военно-промышленного). Изменение политической оболочки означает лишь изменение институциональной сцены, на которой эта внутриклассовая борьба разворачивается, – перенос центра тяжести из публичных парламентов в закрытые бюрократические кабинеты, советы безопасности или советы директоров центробанков.

ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

На уровне явления вышеописанные сущностные отношения предстают в виде конкретных, наблюдаемых институциональных форм и персоналий, каждая из которых требует собственного конкретно-исторического объяснения, не выводимого дедуктивно из сущностного уровня.

Так, фигуры Аденауэра – верного слуги западногерманского крупного капитала, купившего социальный мир ценой встраивания профсоюзной бюрократии в институт со-управления (*Mitbestimmung*), де Голля – авторитарного по типу спасителя французской буржуазии от последствий её же собственной колониальной и военной несостоятельности, и Рузвельта – распорядителя интересов американского капитала в момент его глубочайшего послекризисного испуга перед перспективой социального взрыва – принадлежат конкретной исторической ситуации политического кризиса, требовавшей *учредительной функции*: построения нового межклассового компромисса и разрешения того, что буржуазная политология называет кризисом суверенитета, а с марксистской точки зрения является *кризисом власти капитала* перед лицом реального организованного рабочего движения. Мерц – канцлер, унаследовавший бюджетные тиски Евросоюза, которые его собственный класс и утвердил; Макрон – президент, использующий статью 49.3, тем или иным аналогом которой буржуазные правительства повсеместно замещают отсутствующее у них парламентское большинство; Трамп – медийный магнат, купивший оптом Республиканскую партию именно в тот момент, когда её картельная оболочка[8] окончательно опустела изнутри – действуют, напротив, в ситуации, когда содержательные параметры экономической политики заданы не абстрактно "извне", а конкретным классовым соперником: бюджетными правилами Европейского союза, не-

8 - Термин, обозначающий стадию вырождения партий, при которой они окончательно отрываются от своей массовой социальной базы, сливаются с государственным аппаратом и превращаются в замкнутые синдикаты по монополизации доступа к власти и бюджетному финансированию. Мы вводим его по аналогии с термином "картельная партия" (см. ниже).

зависимостью центральных банков, условиями международных кредитных институтов, – а их собственная функция сведена к администрированию заданной рамки и управлению *остаточным доверием масс*.

Феноменально это проявляется в документируемых фактах: применении Макроном статьи 49.3 конституции; картелизации Республиканской партии США, сделавшей возможным её захват медийным аутсайдером; падении влияния на выборах у традиционных массовых партий СДПГ, ХДС/ХСС, СвДП и "Зелёных" в Германии на фоне роста веса АдГ. В сентябре 2024 года впервые в послевоенной истории Германии ультраправая партия выиграла земельные выборы, набрав 32,8 % голосов в Тюрингии против 23,6 у ХДС, и заняла второе место в Саксонии с 30,6 %, уступив лишь 1,3 % ХДС, тогда как новообразованный Союз Сары Вагенкнехт получил 15,8 % в Тюрингии и 11,8 % в Саксонии, отобрав голоса не столько у АдГ, сколько у Левой партии, потерявшей в Тюрингии почти 18 процентных пунктов.[9]

Немаловажную роль в росте электоральной поддержки АдГ сыграло прямое вмешательство хозяина платформы X (бывшего Twitter) Илона Маска. В декабре 2024 года он лаконично написал в X: *«Только АдГ может спасти Германию»*, – а 9 января 2025 года провёл с лидером АдГ Алисой Вайдель часовой прямой эфир, собравший около 200 тысяч слушателей, и опубликовал в её поддержку колонку в газете *Welt am Sonntag*. Правительство ФРГ и Еврокомиссия публично назвали это вмешательством иностранного государства в выборы, но не встретили со стороны платформы никакой реакции, потому что средство производства инструментов достижения согласия в данном случае оказалось в частной собственности того же лица, которое им воспользовалось.

Наиболее откровенную, почти карикатурную форму сращивание аппарата этого производства с финансовым капиталом приняло в первые дни второго срока Трампа. 17–18 января 2025 года, за два дня до инаугурации, Трамп выпустил на блокчейне Solana собственный мемный токен $TRUMP; за 48 часов его капитализация по полностью размытому предложению достигла 72 миллиардов долларов, а 80 % эмиссии остались в руках двух связанных с Trump Organization структур – CIC Digital LLC и Fight Fight Fight LLC, – получающих комиссию с каждой сделки; к середине 2026 года капитализация обрушилась почти на 98 %, но сам эпизод примечателен не как курьёз, а как логическое завершение тенденции: политическая лояльность здесь в буквальном смысле выпущена в обращение как ценная бумага, а её держатели материально заинтересованы не в содержательной политической борьбе, а в поддержании курса – то есть в молчании. Мы видим перед собой апофеоз фиктивного капитала, где предметом биржевой спекуляции становится сама политическая реакция, не обеспеченная ничем, кроме паразитического финансового пузыря, обречённого на неизбежный крах.

Во Франции структурный кризис политической оболочки принимает форму банкротства самой институциональной архитектуры Пятой республики. Сконструированная в 1958 году как откровенно авторитарный ответ крупной буржуазии на слабость и нестабильность парламентской Четвёртой республики, эта модель обеспечивала доминирование исполнительной власти (президента) над законодательной лишь при условии наличия послушного большинства картельных партий. Сегодня, в условиях тотальной фрагментации партийного поля, эта "гиперпрезидентская" система работает вхолостую. Отсюда – паралич управления, в котором парламент пытается вернуть утраченные права, блокируя любые инициативы правительства, а президент систематически прибегает к диктатуре декретов. Бесконечная чехарда премьеров, убеждающихся в тщетности диалога с Национальной ассамблеей, и бегство политиков центристского толка с тонущего корабля макронизма (включая призывы к досрочной отставке президента от его бывших соратников вроде Эдуара Филиппа или дистанцирование от него Габриэля Атталя) – это не просто суета сует накануне выборов 2027 года, а симптом того, что *политический консенсус старого капитала исчерпан*. Каждое новое правительство отменяет то, что делало предыдущее.

9 - Уже после написания этой статьи, 6 сентября 2026 года, АдГ получила в Саксонии-Анхальт 43,8 % голосов – это её лучший результат на земельных выборах и самый высокий показатель любой партии в земле с момента объединения Германии. ХДС с 17,2 % показала исторический минимум. СДПГ и "Зелёные" набрали 9,3 % и 8,9 %, Левая партия получила 8,6 %, худший результат в этой земле, СвДП не преодолела пятипроцентный барьер, а Союз Сары Вагенкнехт прошёл в ландтаг с 5,3 %. Явка составила рекордные 77,8 % (в 2021 г. ХДС получила 37,1 %, АдГ – 20,8 %, Левая – 11 %).
20 сентября в Мекленбурге-Передней Померании АдГ выиграла выборы с 38,2 % против 35,5 % у СДПГ; Левая получила 6,5 %, "Зелёные" 5,7 %, а ХДС (4,9 %) и Союз Сары Вагенкнехт (4,8 %) не прошли в ландтаг. Для сравнения, в 2021 г. АдГ набрала там 16,7 %, СДПГ – 39,6 %, Левая – 9,9 %, ХДС – 13,3 %.

На уровне явления партийная трансформация описывается конкретной, эмпирически прослеживаемой последовательностью организационных форм буржуазной партии – установленной уже не марксистской, но эмпирически добросовестной буржуазной политической социологией. Отто Кирххаймер был немецко-американским политологом: в Веймарской республике – учеником Карла Шмитта, а в эмиграции – многолетним сотрудником Франкфуртского института социальных исследований. Эта двойная принадлежность показательна: упадок буржуазного парламентаризма фиксировали в межвоенной и послевоенной Европе наблюдатели самых разных политических лагерей. В работе *"The Transformation of the Western European Party Systems"* (1966) и в более ранней статье *"The Waning of Opposition in Parliamentary Regimes"* (1957) он описал переход от партии массовой интеграции, обладавшей плотным членством и органической связью с классом, к "партии для всех" (*catch-all party*). За этим термином буржуазной электоральной социологии марксисту следует видеть простую вещь: партию, размывающую прежнюю идеологическую и социальную идентичность ради расширения электорального охвата. Это не означает автоматического исчезновения её классовой функции, которую следует определять по программе, финансированию, кадровому составу, политическим решениям и социальным опорам. Ричард Кац и Питер Мэйр – либеральные компаративисты из школы электоральных исследований, чуждые какой бы то ни было марксистской методологии. Тем не менее они добросовестно зафиксировали факт, объяснить причины которого их собственная теория не в состоянии: в статье 1995 года *"Changing Models of Party Organization: The Emergence of the Cartel Party"* они описали следующую фазу – слияние партий с государственным аппаратом, государственное финансирование и утрату автономных общественных корней. Тот же Мэйр в книге *"Ruling the Void"* (2013) довёл диагноз до предела и констатировал опустошение партии как таковой, различая всё более фиктивную "партию на местах" и реальную "партию в органах власти".

Опять же буржуазная профессура на своём птичьем языке вынуждена сегодня констатировать то, что марксисты предвидели давно. Так, Ленин неоднократно указывал на то, что в эпоху империализма буржуазный парламент неизбежно превращается в *«говорильню»*, в то время как реальная власть переносится в закрытые бюрократические ведомства, штабы и кабинеты банков, что старые социал-демократические и классические буржуазные партии окончательно превратились в инструмент обслуживания финансового капитала, навсегда утратив способность выражать самостоятельные интересы какого-либо из широких слоёв.

Профсоюзная динамика являет феноменологически двухфазную картину: фаза бюрократической интеграции фордистских массовых профсоюзов, обладавших реальной забастовочной силой, сменяется, начиная с рубежа 1970–1980-х годов, фазой устойчивого падения плотности членства и забастовочной способности. Символическими датами этого перелома стали август 1981 года, когда администрация Рейгана единовременно уволила свыше 11 тысяч бастующих авиадиспетчеров профсоюза PATCO и на годы запретила им работу в федеральных ведомствах, и британская забастовка шахтёров 1984–1985 годов, закончившейся после 12 месяцев противостояния поражением Национального союза горняков от правительства Тэтчер, – оба эпизода были не стихийным упадком, а сознательно проведённой классовой операцией по демонстративному разгрому боеспособного профсоюзного ядра. Эта же тенденция усугубляется изменением структуры экономики, связанным с выносом части промышленного производства в страны с более низким органическим строением капитала и последующим ростом занятости на условиях подряда и платформенного найма – не "гигономики", как это принято называть в буржуазной прессе, а попросту нового витка закабаления наёмного труда и разрастания резервной армии труда за счёт формально самозанятых, лишённых как забастовочного права, так и минимальных социальных гарантий, – что феноменально проявляется в исчезновении необходимости содержательных переговоров с сильным организованным контрагентом.

Наконец, институциональным феноменом, в котором конкретизируется сущностное отношение финансового капитала к государственной форме, является исторически прослеживаемое изъятие монетарной политики США из-под контроля выборных органов, детально документированное Гретой Криппнер – американским социологом критической, но отнюдь не марксистской школы – в книге *"Capitalizing on Crisis"* (2011): дерегулирование финансового сектора и передача ФРС никем не контролируемой, по сути, дискреционной вла-

сти не были заранее спланированной стратегией, а сложились как наспех слепленная реакция государственных управленцев на конкретный кризис власти конца 1960–1970-х годов. Символ этого поворота – фигура Пола Волкера, банкира с Уолл-стрит, поставленного в августе 1979 года во главе ФРС именно для того, чтобы разбить инфляционные ожидания ценой сознательно спровоцированной рецессии: поднятая при нём до отметки около 20 % учётная ставка была не техническим манёвром независимого эксперта, а прямым политическим решением переложить издержки кризиса накопления на рабочий класс – решением, вынесенным за скобки любой партийной программы и любых перевыборов. Тот же приём – решение судьбы целого континента без какого-либо участия избирателей – использовал в июле 2012 года председатель ЕЦБ Марио Драги, банкир, ранее возглавлявший европейское отделение Goldman Sachs. Произнесённая им в Лондоне фраза о готовности сделать *«всё, что потребуется»* для спасения евро, за которой последовала запущенная без единого голосования программа прямых денежных операций (Outright Monetary Transactions; OMT), в одночасье остановила долговой кризис еврозоны – и в одночасье же показала, чьё слово в Европейском союзе весит больше слова любого избранного парламента.

На межгосударственном уровне конкретизируется тот же сущностный сдвиг. Как показывают в *"The Making of Global Capitalism"* (2012) Лео Панич и Сэм Гиндин – мелкобуржуазные теоретики новолевого толка, – ФРС превратилась в фактический управляющий центр мировой финансовой системы. Это государственная форма, в которой ленинский тезис о вывозе капитала находит своё продолжение уже не в виде прямого колониального господства, а в виде формально-технической монетарной дисциплины, налагаемой на более слабые государства мировой империалистической системы.

Совершенно иные, но столь же закономерные формы политической оболочки мы наблюдаем за пределами старых империалистических метрополий. Три случая иллюстрируют уже установленный на сущностном уровне закон: в Китае политической оболочкой выступает сросшийся с крупнейшими корпорациями партийно-государственный аппарат КПК – и даже здесь монополия не отменяет конкуренции капиталов, что наглядно показал разгром платформенной монополии Джека Ма и блокировка IPO Ant Group в 2020–2021 годах в интересах государственного финансового и военно-промышленного секторов. В России военно-бюрократический империализм, сложившийся на сырьевом и государственно-монополистическом базисе, точно так же не устраняет борьбы фракций капитала – она лишь ведётся не в Думе, а под ковром исполнительной власти, время от времени прорываясь наружу или выносимыми костями очередного потерпевшего поражение "бульдога", или публичными столкновениями финансового блока с лоббистами военно-промышленного комплекса. В Иране "теократическая" оболочка Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и "боньядов" скрывает ту же логику: постоянную борьбу военно-экономической империи КСИР с традиционным торговым капиталом иранского *базара* за долю в государственных заказах.

Идеологическое оформление всех трёх режимов – тезисы о "цивилизационной уникальности", "многополярном мире" или "защите традиционных ценностей" – выполняет ту же функцию, что и разговоры о "демократии против авторитаризма" в лагере старых метрополий: маскирует классовое содержание режима националистической или цивилизационной фразой. Современные сталинистские, троцкистские и другие "кэмпистские"[10] течения, принимающие эту фразу за чистую монету и защищающие один из империалистических лагерей как антиимпериалистический, повторяют – на новом материале и новом историческом этапе – измену социал-шовинистов Второго Интернационала и тем самым являются прямыми пособниками мировой буржуазии.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Из проведённого анализа вытекает ряд выводов, которые имеют прямое практическое значение и должны быть сформулированы без иллюзий в любую из двух противоположных сторон.

Во-первых, наблюдаемое "обмельчание" буржуазного политического класса и опустошение буржуазных партий и реформистских профсоюзов не есть моральная деградация, которую можно было

10 - Кэмпизм – политическая ориентация, при которой мировые события и конфликты рассматриваются не с точки зрения классовых интересов пролетариата и интернационализма, а через призму противостояния империалистических "лагерей" – например, империализм США/НАТО против "антиимпериалистического" лагеря (Россия, Китай, Иран и их союзники). Кэмпизм требует от "прогрессивных" сил поддержки одного лагеря как "меньшего зла" или как объективно "прогрессивной" силы против другого.

бы преодолеть появлением “лучших” политиков или возрождением “настоящей” социал-демократии в её послевоенном виде: это структурный результат сужения самой функции политического представительства при империализме на стадии господства финансового капитала и после поражения организованного революционного рабочего движения. Отсюда – бессмысленность любой политической стратегии, ожидающей от буржуазии возвращения новых Рузвельтов или Аденауэров. Материальные условия для этого – эпоха послевоенного восстановления, высокая норма прибыли и возможность откупаться от наёмных рабочих масштабными социальными уступками – безвозвратно исчерпаны.

Нынешние Мерцы и Макроны – не выродившиеся Рузвельты, а самые обыкновенные *приказчики капитала* на посту, требующем сегодня не государственной мудрости для поиска классового компромисса, а простой исполнительности перед теми, кто действительно распоряжается финансами континента из Франкфурта (ЕЦБ) и Вашингтона (ФРС и МВФ). Их функция сводится к *жёсткому администрированию кризиса*: прямому демонтажу остатков социальных гарантий и перекладыванию издержек стагнирующего капиталистического накопления на плечи пролетариата.

Во-вторых, опустошение картельных партий и кризис доверия эксплуатируемых масс к парламентским учреждениям буржуазии представляют собой не автоматически революционную, а прежде всего открытую, непредрешённую конъюнктуру: та же пустота, которую не может заполнить обновлённый реформизм, заполняется сегодня преимущественно демагогами авторитарно-популистского типа, разрешающими кризис власти в пользу более жёсткого, менее опосредованного варианта классового господства буржуазии –террористической диктатуры капитала под “демократической” маской. Отождествление кризиса буржуазной формы представительства с автоматическим приближением революционной ситуации было бы повторением ошибки, за которую Ленин критиковал левый коммунизм: революционная ситуация определяется не только неспособностью верхов управлять по-старому, но и готовностью и организованностью низов, которая должна строиться самостоятельно, а не выводиться дедуктивно из кризиса оболочки.

В-третьих, отсюда прямо следует задача, специфическая именно для нынешней фазы: поскольку старые институты-посредники в их прежней форме опустошены объективным ходом развития капитала, а не только субъективным предательством руководства, воссоздание независимой пролетарской организации не может состоять в механической реставрации довоенных или послевоенных организационных форм. Требуется заново, на основе конкретного анализа нынешней конфигурации классовых сил и институтов, решить задачу построения мировой коммунистической партии. Эта историческая необходимость по самой своей природе не может быть решена дедукцией из общей теории, а требует того же метода восхождения от абстрактного к конкретному, конкретно-исторического анализа.

В-четвёртых, идеологическая функция противостояния “демократий” и “автократий”: эта широко тиражируемая сегодня доктрина глобального конфликта представляет собой не защиту народовластия, а идеологическую мобилизацию старых империалистических метрополий перед лицом растущей конкуренции. Призывы к сплочению либеральных правительств и защите институтов от внешнего идеологического вмешательства – это в первую очередь попытка западного капитала удержать собственную технологическую и нормативную гегемонию. Мировому пролетариату навязывается ложное противопоставление “демократического” империализма Запада, скатывающегося к диктатуре никем не избранных центральных банков, китайского партийно-государственного монополизма, российского военно-сырьевого империализма и иранской “теократической” олигархии – различных национальных форм диктатуры капитала.

Зал с цветами и кортежем бронированных лимузинов, с которого начат этот очерк, не рухнет от одной только констатации его пустоты: он рухнет только в момент, когда пролетариат под руководством всемирной коммунистической партии разрушит государственную машину, в которой структурный кризис накопления капитала, увеличивает трещины в координации между политическими лидерами, государственными институтами и фракциями капитала, толкая человечество в пучину очередного всемирного империалистического конфликта.

Август 2026 г.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРЕДЕЛ КАПИТАЛА И ЗАДАЧИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО АВАНГАРДА

В предыдущей части нашей работы мы вскрыли политэкономическую анатомию современного капитализма: как система, спасаясь от падения нормы прибыли, выстроила планетарный потогонный конвейер, замаскировав его под “гиг-экономику”. В этой части мы переходим от базиса к субъективному фактору. Мы исследуем, как эта безжалостная машина перемалывает живую силу, доводя класс до физиологического истощения, как она формирует ложное сознание через атомизацию и товарный фетишизм. Осознание этих процессов диктует нам единственный исторический выход: разрыв с реформизмом и необходимость выковывания независимого авангарда для бескомпромиссной классовой борьбы.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – ЕДИНСТВЕННЫЙ ПРЕДЕЛ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Пространственная экспансия капитала и цифровизация позволили буржуазии притормозить процесс снижения нормы прибыли, но сегодня капитализм сталкивается с новым непреодолимым барьером – физическим истощением рабочего класса.

Количественным фундаментом для отслеживания этого служит индикатор Всемирного банка *Employment-to-population ratio*. В развитых странах отношение числа занятых к общей численности населения соответствующей группы стагнирует или падает. Отчёт OECD *Employment Outlook 2025* бьёт в набат: к 2060 году число людей в возрасте 65 лет и старше на 100 человек в возрасте 20–64 лет в странах OECD вырастет в среднем с 31 до 52 – примерно на 67 % относительно уровня 2023 года. Буржуазные институты видят в этом лишь угрозу ВВП и требуют удержания пожилых людей на рабочих местах (повышения пенсионного возраста), пытаясь компенсировать падение нормы прибыли за счёт производства абсолютной прибавочной стоимости.

Здесь мы вновь обращаемся к тезисам Марка Фишера, который показал, что реакцией на это сверхдавление становится не обязательно классовый гнев, а массовая психопатология. Буржуазия успешно осуществляет “приватизацию стресса”: структурные противоречия капитализма

(отчуждение, бедность, выгорание на работе) навязываются рабочему как его личные психологические проблемы, требующие таблеток или тренингов, а не политической борьбы. Молодые поколения пролетариев погружаются в *депрессивную гедонию* – состояние, при котором человек чувствует себя подавленным и несчастным *не потому, что лишён удовольствий*, а потому, что он не может перестать их потреблять, пытаясь убежать от реальности.

Упомянутый в прошлом номере нашего журнала[1] демографический сдвиг также крайне поляризован. Если Запад, страны бывшего СССР и Восточная Азия переживают старение населения, то для экономик Латинской Америки, Азии и Африки характерно молодое население, избыток которого ведёт к массовой безработице и вынужденной глобальной миграции.

Этот избыток не является случайным демографическим сбоем. Капиталистическое проникновение в аграрный сектор стран с более низким органическим строением капитала разрушает традиционное крестьянское хозяйство, формируя гигантские массы того, что Маркс назвал скрытым и застойным перенаселением. Скрытое перенаселение – это разорённые крестьяне, готовые в любой момент пополнить ряды городского пролетариата, а застойное – это массы с крайне нерегулярной занятостью на самом дне экономики.

Маркс писал:

«Этот источник относительного перенаселения течёт постоянно. Однако его постоянное течение к городам предполагает в самой деревне постоянное скрытое перенаселение, размер которого становится виден только тогда, когда отводные каналы открываются исключительно широко. Поэтому заработная плата сельскохозяйственного рабочего низводится до минимальных размеров, и он всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма».[2]

Именно наличие этого бездонного резервуара позволяет ТНК удерживать зарплаты индустриальных рабочих "Глобального Юга" на уровне физиологического минимума или даже ниже его.

Капитализм буквально перемалывает живую силу. Как наглядно показал экономист Алан Крюгер в масштабном исследовании Национального института здравоохранения США (NIH), в экономике наблюдается драматическое падение участия мужчин наиболее продуктивного (*prime-age*) возраста. Вытесненные капиталом из индустриального ядра, они массово выбывают из-за тяжёлых хронических заболеваний. Прогрессирующий экспорт графиков работы по 70–100 часов в неделю ускоряет этот процесс. Японские термины "кароси" (смерть от переработки из-за инфаркта или инсульта) и "кародзисацу" (самоубийство, вызванное рабочим стрессом) сегодня стали глобальной реальностью и давно вышли за пределы Азии. Согласно совместному докладу ВОЗ и МОТ, работа более 55 часов в неделю увеличивает риск инсульта на 35 %, а в 2016 году, по оценкам доклада, такая нагрузка стала причиной около 745 тысяч смертей от инсульта и ишемической болезни сердца по всему миру. Культура переработок вносит в этот мартиролог свою прямую лепту.

Трагедия этого истощения уже стала частью современной пролетарской литературы. Она написана кровью Сюй Личжи – молодого рабочего китайской мегафабрики Foxconn (собирающей продукцию Apple), который покончил с собой в 2014 году, выбросившись из окна общежития из-за невыносимых условий труда. Его предсмертные стихи о *«проглоченном железом»* теле и юности, оставленной на сборочном конвейере, стали жутким документальным манифестом отчаяния целого поколения индустриальных рабочих "Глобального Юга".

Если в наиболее развитых капиталистических странах буржуазия перешла преимущественно к извлечению относительной прибавочной стоимости (через интенсификацию труда и развитие технологий), что порождает тотальное отчуждение работника, то в других секторах мирового рынка уничтожение пролетариата происходит классическими методами XIX века – через выжимание абсолютной прибавочной стоимости. Сравнивая условия жизни современного азиатского рабочего с описаниями Фридриха Энгельса в работе "Положение рабочего класса в Англии" (1845), мы не найдём принципиальных отличий. Энгельс документировал 14-часовые смены, жизнь в антисанитарных трущобах, повальный травматизм и нещадную эксплуатацию женского и детского труда на манчестерских фабриках. Сегодня официальные отчёты международных

1 - *См.* статью "Политэкономия структурного кризиса и миф постиндустриализма".
2 - Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 657.

правозащитных организаций и ООН подтверждают: десятки миллионов рабочих швейной промышленности в Бангладеш, текстильщиц в Камбодже и сборщиков электроники в китайском Шэньчжэне находятся в абсолютно аналогичном положении. Катастрофа на комплексе Rana Plaza в 2013 году, похоронившая заживо 1134 человек, в подавляющем большинстве работниц и рабочих швейной отрасли, из-за жажды подрядчиков сэкономить на безопасности, или установка печально известных "антисуицидальных сеток" на заводах Foxconn – это прямое проявление всеобщего закона капиталистического накопления. Даже хвалёная высокотехнологичная "зелёная" экономика в значительной мере опирается на добычу кобальта в Демократической Республике Конго, где массово используется ручной и детский труд, позволяющий капиталу радикально удешевлять сырьё.

Здесь обнажается важнейшая истина: то, что может показаться варварством эпохи первоначального накопления (грабёж, внеэкономическое насилие, рабство), на деле является закономерным результатом расширенного воспроизводства капитала в глобальном масштабе. Капитализм непрерывно нуждается в колоссальной промышленной резервной армии труда, чтобы обесценивать рабочую силу и подавлять классовую борьбу. Современный "высокотехнологичный" капитал развитых стран физически не мог бы функционировать без этой чудовищной эксплуатации, которая служит главным инструментом удешевления элементов постоянного и переменного капиталов. Как резюмировал Маркс, *«новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят»*[3] – и сегодня эта кровь и грязь никуда не исчезли. Они лишь распределены по мировому рынку и спрятаны в логистических цепочках, оставаясь структурным фундаментом капиталистического способа производства.

Сама буржуазная социология вынуждена протоколировать этот крах, хотя и прячет его за стерильной корпоративной терминологией. Глобальные отчёты Института Гэллапа (*Gallup State of the Global Workplace*) из года в год фиксируют рекордный уровень ежедневного стресса среди рабочих и колоссальное падение того, что они называют "вовлечённостью". По данным *Gallup*, почти 60 % работников психологически отстранены от работы – явление, трусливо названное буржуазными медиа "тихим увольнением" (*quiet quitting*). Аналитики сокрушаются, что эти потери производительности обходятся глобальному ВВП около 8,8 триллиона долларов. Но марксистская оптика позволяет увидеть подлинную суть: эти цифры – социологическое выражение тотального отчуждения труда, фундаментально описанного Марксом. То, что пресса называет "тихим увольнением", на деле является стихийной формой производственного саботажа, а не капризом современного поколения наёмных рабочих. Это то самое состояние, о котором Маркс писал ещё в 1844 году:

«[...] *труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своём труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает; а когда он работает, он уже не у себя. В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это – принудительный труд: это не удовлетворение потребности в труде, а только средство для удовлетворения всяких других потребностей, но не потребности в труде. Отчуждённость труда ясно сказывается в том, что, как только прекращается физическое или иное принуждение к труду, от труда бегут, как от чумы».*[4]

Психологическая отстранённость и депрессия – это биологическая и духовная самозащита организма, низведённого до животного состояния. В результате рабочий *«чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций – при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае ещё расположась у себя в жилище, украшая себя и т. д., – а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным. То, что присуще животному, становится уделом человека, а человеческое превращается в то, что присуще животному».*[5]

3 - Там же. С. 770.
4 - Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 90–91.
5 - Там же. С. 91.

"Тихое увольнение" – это стихийная, пассивная форма классового сопротивления измотанного пролетариата, биологическая и психическая самозащита организма в ответ на безжалостное выжимание абсолютной прибавочной стоимости.

Буржуазные исследования производительности парадоксальным образом подтверждают абсурдность этой системы: доказано, что после 40–50 часов труда в неделю объективная отдача от рабочего часа стремительно падает, а человек, работающий 70 часов, производит ровно столько же, сколько за 50. Однако капитал осознанно идёт на это варварство. Причина проста: наём каждого нового сотрудника (переменного капитала) требует дополнительных издержек (обучение, страховка, налоги). Венчурным капиталистам и инвестиционным банкирам выгоднее физически сжечь одного сотрудника в топке 100-часовой рабочей недели, чем нанять двоих. Это ярчайшая иллюстрация того, как капитал выплёвывает ставших "ненужными" пролетариев, физически разрушая класс, создающий богатство общества.

Буржуазная демография и экономика здравоохранения цинично трактуют этот кризис исключительно как управленческую проблему "старения населения" и нагрузки на бюджеты, предлагая чисто технократические решения: расширение коммерческой медицины и повышение пенсионного возраста. Для них износ рабочего – это лишь издержка на балансе государства. Симптомы этого коллапса регулярно освещаются в материалах буржуазных мейнстримных медиа, которые фиксируют беспрецедентный "кадровый голод" и демографическую катастрофу. Однако либеральные аналитики видят в физической нехватке рабочих рук лишь следствие политических ошибок режимов или временных управленческих просчётов, полностью игнорируя системную суть проблемы.

Напротив, мы обращаемся к классическому анализу Фридриха Энгельса, данному в его работе "Положение рабочего класса в Англии" (1845), где он абсолютно точно назвал это явление *«социальным убийством»*[6]. Капитализм не просто "недоплачивает": посредством стресса, нестабильности, переработок и токсичной социальной среды он систематически сокращает жизни пролетариев. Маркс в "Капитале" резюмировал:

«Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путём, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего».[7]

Нынешний глобальный кризис здравоохранения и демографический тупик – это прямое следствие того, что капиталистическая эксплуатация постоянно вызывает физиологическое истощение человеческого организма.

Впрочем, капитал невероятно гибок. Если рабочий класс "сгорает", капитал может компенсировать это вовлечением новых масс (через миграцию), радикальной автоматизацией (заменой выгоревших людей ИИ в сфере услуг) или временными уступками (кейнсианством). И это ещё одно подтверждение того, что без субъективного фактора (революционной партии) объективный кризис может длиться бесконечно, ведя к варварству, но не к краху системы.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ КОРНИ ЛОЖНОГО СОЗНАНИЯ: ПОЛЯРИЗАЦИЯ, АТОМИЗАЦИЯ И ВОЙНА

Эти тектонические сдвиги радикально деформируют политическое сознание пролетариата, усиливая его раздробленность. Разрыв между объективным положением рабочего класса (как "класса в себе") и его субъективным политическим сознанием (как "класса для себя") сегодня огромен. Этому способствуют следующие материальные факторы:

1. Поляризация рынка труда: исследование МОТ фиксирует распространение на глобальном рынке двух моделей сдвигов: "повышения квалификации" и "поляризации". То, что буржуазные институты мягко называют "поляризацией", на языке марксизма означает резкое размывание промежуточных прослоек и разделение занятости на узкую высокооплачиваемую рабочую аристократию (IT/финансы) и огромную массу низкооплачиваемого, лишённого гарантий сервисного пролетариата. Этот разрыв сегодня затрудняет выработку единого классового сознания: высшие слои ассоциируют себя с буржуазией, а низшие привязаны к локальным отраслям.

2. Пространственная деконцентрация и десоциализация: капитал целенаправленно конструирует рабочий процесс так, чтобы уничто-

6 - Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 2. С. 265.
7 - Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 515.

жить “социальность производства” (*sociality of production*). Журнал *Spectre* приводит отличный пример: в высшем образовании США (почти 8 % рабочей силы американского капитализма) администрации массово заменяют штатную профессуру внештатными “адъюнктами”. Подобно водителям Uber, они получают нищенскую сдельную оплату за курс, лишены гарантий и изолированы от коллег. Капитал дробит производство на атомы, превентивно блокируя способность к объединению.

3. Иллюзия “суррогатного капитала” и “культура суеты” (*hustle culture*): буржуазия успешно интегрировала верхние слои рабочих в финансовое казино. Как показывают данные *Hampton Institute*, по состоянию на 2020 год более половины американцев владели акциями, а три четверти – пенсионными счетами, привязанными к фондовому рынку. В прослойке от 50-го до 90-го процентиля средний объём бумаг, принадлежащих одному рабочему, достигает 132 тыс. долларов. Как резюмируют сами исследователи, *«представление о том, что у рабочих и капиталистов всегда противоположные интересы, труднее донести до американцев, чьё богатство зависит от успеха капиталистов».*

Здесь мы наблюдаем то, что Ленин гениально определил как материальную базу оппортунизма – формирование *рабочей аристократии*. Сегодня капитализм добавил к этому привязку отложенной стоимости рабочей силы (пенсий) к спекулятивному финансовому капиталу.

«Получение монопольно-высокой прибыли капиталистами одной из многих отраслей промышленности, одной из многих стран и т. п. даёт им экономическую возможность подкупать отдельные прослойки рабочих, а временно и довольно значительное меньшинство их, привлекая их на сторону буржуазии данной отрасли или данной нации против всех остальных. И усиленный антагонизм империалистских наций из-за раздела мира усиливает это стремление. Так создаётся связь империализма с оппортунизмом, которая сказалась раньше всех и ярче всех в Англии благодаря тому, что некоторые империалистические черты развития наблюдались здесь гораздо раньше, чем в других странах».[8]

Параллельно менеджмент навязывает деструктивную “культуру суеты”, где наёмных сотрудников убеждают мыслить как “спортсмены-олимпийцы”, а баланс работы и личной жизни объявляется уделом тех, кто якобы “ненавидит свою работу”. Капиталисты цинично сравнивают IT-пролетариев с независимыми фермерами прошлого, игнорируя тот факт, что фермер работал на себя, а современный *кодер* выжигает нервную систему ради монетизации ИИ для венчурных инвесторов. При этом мнимое “согласие” на переработки часто продиктовано не энтузиазмом, а скрытым принуждением: страхом перед увольнением, конкуренцией на рынке или зависимостью от рабочих виз. В этом заключается материальный базис их лояльности.

4. Товарный фетишизм и идеологическая безальтернативность: мы живём в эпоху, когда капитализм подаётся как единственно возможная естественная система. Более того, буржуазная культура выработала защитный механизм: капитал сам производит и продаёт антикапиталистический продукт (например, фильмы о злых корпорациях или об угнетённом состоянии наёмных рабочих). Капитализм сам выполняет за нас работу по удовлетворению нашего же недовольства, позволяя нам безопасно потребить протест в кинотеатре, чтобы на следующий день покорно вернуться к конвейеру или монитору.

5. Утрата идентичности и фантом “среднего класса”[9]: в США почти 90 % людей иллюзорно считают себя “средним классом”. Относительное уменьшение фабричного ядра привело к утрате рабочими видения себя как единственного передового производящего класса. Эта историческая фрустрация активно канализируется политиками-популистами, которые эксплуатируют идеологию “деиндустриализации” и предлагают пролетариату реакционные утопические решения по возвращению экономики в её архаичные, преодолённые капиталом формы.

6. Культурная и пространственная изоляция: повсеместное развитие третичных сфер привело к пространственному рассредоточению пролетариата. Если в конце XIX – начале XX века типичным было компактное проживание рабочих в своих районах вблизи заводов с коллектив-

8 - Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма // ПСС. 5-е изд. Т. 42. С. 423–424.

9 - Понятие “среднего класса” лишено всякого научного политэкономического содержания; оно искусственно конструируется буржуазной социологией преимущественно по уровню дохода и потребления, чтобы скрыть главное – отсутствие у этих пролетарских масс собственности на средства производства и их реальное пролетарское положение в производственном цикле.

ным досугом, то сегодня атомизация достигла беспрецедентного уровня.

7. Милитаризм и шовинизм: важнейшим фактором деморализации сегодня выступает курс капитализма на всеобщую империалистическую войну. Оказавшись в тупике перенакопления, США и другие империалистические державы открыто прибегают к милитаризму: от интервенции в Венесуэлу в январе 2026 года до бойни в Иране и Ливане, а также идущей уже пятый год войне на Украине.

Ни одна из капиталистических фракций (будь то "демократический" Запад или "авторитарный" Восток) не несёт в себе прогрессивного содержания. Идеология "национальной обороны" или "антифашизма" используется капиталом исключительно для того, чтобы загнать пролетариат в окопы братоубийственной войны. Эти конфликты – не случайные аномалии политического курса, а прямое следствие обострения борьбы за передел рынков между старыми гегемонами и новыми империалистическими центрами силы. Мировое столкновение хищников из-за контроля над сырьём и логистикой неизбежно.

Издержки войны перекладываются на рабочих через инфляцию, а для контроля над их сознанием разжигается национализм, натравливающий местных рабочих на мигрантов (о чём свидетельствуют ужесточившиеся рейды ICE в США, а в России – полиции и националистов из "Русской общины").

БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ БОРЬБЫ

Исходя из этого социологического среза, академические левые спешат диагностировать смерть революционного субъекта. Они видят лишь побеждённый, атомизированный класс и погружаются в то, что Марк Фишер назвал "рефлексивным бессилием" (*reflexive impotence*) – состоянием, когда мы осознаём абсурдность и несправедливость капитализма, но цинично считаем, что сделать ничего невозможно. Но марксизм – это не социология поражения, это руководство к действию. Наша главная задача – разорвать мнимую естественность нынешнего порядка и противопоставить капиталу подлинную революционную альтернативу.

Конкуренция за заказы в приложении, изоляция адъюнктов на кафедрах и ненависть к мигрантам – всё это атрибуты капиталистического "мира". Но издержки самого капиталистического варварства выталкивают рабочих на путь прямого противостояния.

В 2026 году мы ясно видим этот потенциал. Экономические последствия империалистической бойни на Большом Среднем Востоке и взрывной рост инфляции спровоцировали в апреле колоссальную волну массовых забастовок в Индии. В огромных промышленных узлах вроде Ноиды десятки тысяч пролетариев автомобильной и электронной отрасли, к которым стихийно присоединились работники цифровизированного найма и ИТ, вышли на улицы, вступая в бои с полицией и требуя повышения зарплат на 35 %. Массовая стачка остаётся могущественным орудием нашего класса.

Вместе с тем борьба канадских муниципальных "синих воротничков" в Монреале доказывает другой важнейший тезис: главным внутренним врагом сопротивления сегодня являются официальные профсоюзы. В эпоху развитого империализма профсоюзы окончательно утратили свой первоначальный характер органов классовой защиты. Они структурно интегрировались в аппарат буржуазного государства, став институциональной полицией над рабочей силой. Интегрированные в государственную машину, они делают всё, чтобы локализовать конфликты, не допустить их перерастания во всеобщую политическую стачку и заставить рабочих покорно принять обнищание. Это контрреволюционная, бюрократическая сущность реформистских профсоюзов, готовых пойти на любой компромисс с капиталом ради спасения системы, блестяще высмеянная Бертольтом Брехтом в пьесе "Святая Иоанна скотобоен" (1929), где филантропия и легальные профсоюзы служат лишь ширмой для кровавых махинаций чикагских мясных монополий. Следовательно, организационная задача современности заключается в создании интернационалистических фабричных и платформенных комитетов, полностью независимых от официальной тред-юнионистской номенклатуры и буржуазного государства. Коммунистический авангард должен использовать сами цифровые сети, выстроенные капиталом для надзора, чтобы формировать горизонтальную координацию стачек (подобных тем, что в апреле прошли в Индии). Необходима спайка индустриального ядра пролетариата с массами гиг-работников,

где последние выступают коммуникационной кровеносной системой протеста.

Те же самые условия жизни и работы, которые вне периодов борьбы приводят к разделению пролетариата на массу одиноких индивидуумов, в моменты наивысшего обострения толкают его к чудесам массовой солидарности. Этот исторический переход от покорной, атомизированной толпы к монолитному классу, осознающему свою силу, монументально был запечатлён в живописи Джузеппе Пеллицца да Вольпедо на картине "Четвёртое сословие" (1901) и в новаторском кинематографе Сергея Эйзенштейна (фильм "Стачка", 1925), где рабочий класс предстаёт не как пассивная жертва для сострадания, а как неодолимая, *коллективная сила истории*. Пролетариату эпохи мировой коммунистической революции ещё предстоит стать коллективной силой истории, и тогда художники и поэты, разбуженные этой волной, отразят в своём творчестве вступление человечества в его подлинную историю.

Старый крот истории перепачкан кровью и потом, но он неумолимо роет свой тоннель к нашей свободе. Чтобы пробить толщу современного отчуждения, мы должны ясно осознавать объективную реальность: тектонические структурные сдвиги, пространственная деконцентрация производства, развитие третичного сектора и иллюзия владения "суррогатным капиталом" породили высочайший в истории уровень конкуренции внутри самого пролетариата. Буржуазная социология и системные "левые" спешат объявить наш класс навсегда побеждённым, раздробленным на миллионы одиноких индивидуумов, ведущих, по меткому выражению молодого Энгельса, повседневную капиталистическую "войну всех против всех"[10].

Наш ответ должен быть недвусмысленным. На фоне тотального кризиса капитализма рабочие не должны нести никаких жертв ради спасения "национальных экономик" воюющей буржуазии. Мы обязаны противопоставить сиюминутному социологическому взгляду подлинно марксистское, историческое видение. Мы должны смотреть на рабочий класс не только сквозь призму того, чем он является сейчас, но прежде всего видеть то, чем он исторически должен будет стать.

Мы обязаны переплавить навязанную конкуренцию в пролетарскую солидарность, отринуть профсоюзный реформизм, выдвигать лозунги революционного пораженчества и выковывать свой собственный, независимый коммунистический авангард. Как было заявлено в нашем "Манифесте", это – первые и самые необходимые шаги к построению мировой коммунистической партии.

В этом мы должны решительно опереться на ленинскую критику "хвостизма". Мы отвергаем наивную веру в то, что революционное сознание появится само по себе из чисто экономической, повседневной борьбы.

Эта партия должна стать не просто пассивным политическим компасом, вырастающим из действительного практического движения самого рабочего класса. Она не должна подменять собой класс, ей следует стать выражением рабочего класса, преодолевающего через первичные объединения свою внутреннюю дифференциацию. Партия должна быть дисциплинированным боевым авангардом класса, способным организовать его для захвата политической власти, слома буржуазной государственной машины и установления диктатуры пролетариата.

Капитализм не оставил нам иного выбора: империалистическое варварство либо мировая пролетарская коммунистическая революция. Мы не намерены уподобляться пессимистам, чьи взгляды прикованы лишь к временному торжеству капитала. Этот выход – единственный, и мы с революционной страстью продолжим сражение за бесклассовое общество вслед за поколениями предыдущих борцов.

Май 2026 г.

10 - Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 2. С. 311.

ОТЛИВ ПОСЛЕ ПРИЛИВА: РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

(1921–1939)

ЧАСТЬ I

Предлагаемый вниманию читателя текст продолжает серию, начатую в прошлом номере нашего журнала статьёй о классовой борьбе в мире. Данный материал, публикуемый в двух частях, обращается к эпохе, отделяющей угасание послевоенной революционной волны 1917–1921 годов от начала второй мировой войны. В первой части мы рассмотрим, как мировой пролетариат потерпел серию тяжелейших поражений в 1920-е и начале 1930-х годов – от перерождения диктатуры пролетариата в СССР и разгрома в Италии до провала всеобщей стачки в Великобритании, трагедии в Китае и, наконец, триумфа нацизма в Германии. Задача текста – не в хронике отдельных стачек, а в реконструкции процесса отступления рабочего класса, лишённого монолитного революционного руководства.

ОТ ШТУРМА К ОТСТУПЛЕНИЮ: ИСЧЕРПАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВОЛНЫ

1917–1921 годы были периодом, когда мировая система империализма столкнулась с прямой угрозой пролетарской революции сразу в нескольких центрах одновременно. Однако победа Октября осталась изолированной. В Германии – стране с наиболее развитым и организованным пролетариатом континента – Ноябрьская революция 1918 года низложила монархию, породила разветвлённую сеть Советов рабочих и солдатских депутатов, но не переросла в диктатуру пролетариата. Решающую роль в этом сыграло руководство социал-демократии: правительство Эберта – Шейдемана, опираясь на добровольческие корпуса (фрайкоры), разгромило январское восстание 1919 года в Берлине, убив его руководителей – Розу Люксембург и Карла Либкнехта, – а затем подавило и советские республики в Бремене, Баварии и Брауншвейге. Компартия Германии (КПГ), возникшая лишь на рубеже 1918–1919 годов, оказалась политически не готова к этим боям: партия большевистского типа, способная возглавить восстание, попросту не успела сложиться к моменту, когда объективная ситуация требовала немедленного действия.

Разгадку этого на первый взгляд парадоксального контраста – почему более отсталая, менее пролетарская Россия совершила то, чего не удалось несравненно более развитой Германии, – дал сам Ленин ещё в декабре 1919 года, задолго до того, как об этом стали размышлять различные теоретики поражений революций в Западной Европе: *«Наша, если можно так выразиться, ставка на международную революцию подтвердилась всемерным образом, если смотреть в общем и целом. Но с точки зрения быстроты развития мы пережили время особенно тяжёлое, мы испытали на себе, что развитие революции в более передовых странах оказалось гораздо более медленным, гораздо более трудным, гораздо более сложным. Это не может нас удивлять, потому что – естественное дело – для такой страны, как Россия, было гораздо легче начать социалистическую революцию, чем для передовых стран. Но, во всяком случае, это более медленное, более сложное, более зигзагообразное развитие социалистической революции в Западной Европе возложило на нас невероятнейшие трудности».*[1] Эту асимметрию Ленин связывал именно с различием в силе капитализма: чем более слабый, более отсталый и менее органично сросшийся с обществом капитализм, тем легче нанести по нему первый, решающий удар, но тем труднее затем на его развалинах удержать власть и построить социализм; и наоборот – чем более зрелым, глубоко укоренённым в самой ткани общества является капитализм (как в странах Западной Европы), тем труднее разбить его одним ударом, но тем прочнее и производительнее будет фундамент, на который сможет опереться победивший пролетариат.

Десятилетие спустя, размышляя уже над конкретным опытом поражений в Германии и Италии, Антонио Грамши в “Тюремных тетрадях”, написанных в фашистских застенках, облёк эту ленинскую мысль в социологическую форму. В России, писал он, государство было всем, а гражданское общество – первичным и желеобразным: за самодержавием, а затем и за фасадом Временного правительства не стояло практически ничего, кроме аппарата чистого принуждения. Не случайно Ленин характеризовал Керенского, ставшего к лету 1917 года олицетворением этого фасада, как фигуру, игравшую роль балалайки для обмана рабочих и крестьян, – пустого, гулкого инструмента без всякого реального веса. Именно поэтому “война манёвра” – прямой штурм этого аппарата – оказалась достаточной для взятия власти. Но по той же причине удержать её оказалось так тяжело: за спиной разбитого государства не было того зрелого, органически развитого капиталистического базиса, на котором можно было бы строить дальше. В Западной Европе, продолжал Грамши уже собственным, но верным ленинской логике ходом мысли, за государством стояла мощная система “окопов и укреплений” гражданского общества – профсоюзы, партии, пресса, церковь, весь механизм повседневного производства согласия, – и потому одного удара по государственному аппарату оказывалось недостаточно: требовалась долгая “позиционная война”, к которой ни КПГ в 1918–1923 годах, ни один из последующих рассматриваемых в этой статье авангардов не оказались структурно готовы.

Этот исторический факт выявляет закономерность, строго зеркальную по отношению к российскому опыту. Там, где объективные предпо-

1 - Ленин В. И. Доклад ВЦИК и Совнаркома 5 декабря. VII Всероссийский съезд Советов. 5–9 декабря 1919 г. // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 39. С. 388.

сылки революции (концентрация пролетариата, уровень развития производительных сил) были неизмеримо более зрелыми, чем в разорённой России, фатальным оказалось именно отсутствие своевременно выкованного революционного руководства. Здесь работает формула, обратная той, что описывает в предыдущей статье этой рубрики поражения 1970–1980-х годов: субъективный фактор в лице партии оказался решающим уже не в смысле его подавления извне, а в смысле катастрофической задержки его формирования.

Однако было бы грубой теоретической ошибкой сводить эту роковую задержку исключительно к субъективной медлительности или личным просчётам немецких марксистов. Субъективный фактор рискует превратиться в пустую идеалистическую абстракцию, если не проследить его до самых материальных корней.

Социал-демократия и её профсоюзы к 1914 году представляли собой не просто носителей неверной идеологии, а колоссальную материальную силу – гигантский бюрократический аппарат с собственными кассами, недвижимостью, прессой и тысячами функционеров, намертво вросший в структуру империалистического государства. Вырвать миллионы рабочих из-под влияния этого аппарата в одночасье было физически невозможно. Следовательно, сама эта "субъективная" незрелость пролетарского авангарда являлась прямым *отражением* объективной устойчивости западного капитализма. Тот факт, что революционная партия не сложилась вовремя, прямо определялся степенью зрелости способа производства: уровнем концентрации капитала, темпами пролетаризации и способностью буржуазии подкупать широкие слои *рабочей аристократии* за счёт империалистической ренты. Именно эти материальные условия, а не абстрактная воля политических лидеров, диктовали пределы возможностей авангарда в межвоенной Европе.

Изоляция и материальное истощение самой Октябрьской революции и последующее перерождение большевистской партии и *полугосударства* – это в первую очередь история объективного поражения, *надлома нуждой и голодом*, а не выбора стратегии: здесь, как показывает отдельный цикл статей прошлого и этого номера, посвящённый урокам поражения Октября, дело было не в том, что большевики *могли поступить иначе* при сохранении тех же объективных условий. Но именно это переродившееся, уже буржуазное по своей социальной природе государство, а не диктатура пролетариата, начиная с середины 1920-х годов навязывало зарубежным компартиям через Коминтерн стратегии, продиктованные не нуждами мировой революции, а внешнеполитическими интересами СССР и внутрипартийной борьбы в самой ВКП(б): отсюда и Англо-русский комитет, и блок с Гоминьданом, и "третий период", ставший побочным продуктом разгрома Бухарина[2]. В отличие от российской катастрофы, поражения в Италии, Великобритании, Китае и Германии – это уже история не объективной невозможности, а *субъективно навязанной политической линии*.

Как и в случае периода, открывшегося после окончания второй мировой войны, который был нами рассмотрен в прошлом номере журнала, факты, приведённые в этой статье, фиксируют не угасание, а разную степень интенсивности и разную траекторию исхода классовой борьбы в зависимости от одного и того же фактора – наличия либо отсутствия у пролетариата автономного революционного руководства, свободного от оппортунистических колебаний. Исторический опыт межвоенных десятилетий с особой жестокостью подтверждает тезис, сформулированный нами применительно к более поздней эпохе: ни стихийная боевитость масс, ни объективный кризис капитализма (Великая депрессия, крах либеральной модели) сами по себе не открывают дорогу к революции. Напротив, при отсутствии всемирной коммунистической партии поражения оборачиваются либо прямой фашизацией (Италия, Германия), либо истощением революционного потенциала в "демократических" институциональных рамках самого капиталистического государства (Великобритания, США), либо физическим истреблением наиболее сознательных кадров пролетариата руками его формальных "союзников" и лжетоварищей (Китай, Испания).

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В СССР: ОТ КРОНШТАДТА ДО СТАЛИНСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Поражение мировой революции имело своим прямым *следствием* перерождение диктатуры

2 - *См.* вторую часть этого очерка в следующем номере нашего журнала.

пролетариата в изолированной России. Фактическим и символическим рубежом этого процесса стало Кронштадтское восстание марта 1921 года.

Экономический и демографический коллапс, обрушившийся на Советскую Россию к 1921 году, был беспрецедентен: валовая промышленная продукция упала до 13,9 % от уровня 1913 года, Петроград потерял 2/3 довоенного населения, а смертность в городе выросла почти вчетверо. Именно на этом фоне тотальной архаизации и растворения пролетариата в крестьянской стихии и произошло подавление Кронштадта.

С точки зрения различных течений левого коммунизма, таких как КРПГ или группа "Рабочая правда", а после 1923 года – группа Мясникова, требования кронштадтских матросов и бастующих рабочих Петрограда – "Советы без большевиков", свобода слова для левых социалистических партий и освобождение политических заключённых – представляли собой отчаянную попытку пролетариата защитить советскую демократию от диктатуры партийно-государственного аппарата.

Большевистское руководство, в свою очередь, в условиях тотального разорения страны и враждебного окружения рассматривало любой вооружённый мятеж – вне зависимости от субъективно левых лозунгов восставших – как объективную угрозу, открывающую дорогу белогвардейскому реваншу. Большевики также указывали на изменение состава кронштадтского гарнизона: на смену идейным пролетариям 1917 года пришли призывники из крестьян, чьё недовольство диктовалось прежде всего тяжестью продразвёрстки в деревне. Особого внимания заслуживает и то, что единство самого Кронштадта было далеко не полным: около половины местной большевистской организации вышли из партии, однако порядка 300 коммунистов и комсомольцев отказались признать власть ВРК и вели против него агитацию и саботаж, найдя опору среди части беспартийных рабочих, матросов и красноармейцев. Не стоит забывать и об обращении самого ВРК от 13 марта *«не брезговать никакими средствами»* внешней помощи. Эти факты ставят вопрос не только о классовом составе восставших, но и об объективной политической траектории их руководства – той самой, из которой Ленин в полемике с Мартовым выводил тезис о тактической выгодности лозунга "Советы без большевиков" именно для белой эмиграции, вне зависимости от субъективных намерений самих кронштадтцев.

Итальянские левые коммунисты (журнал *Bilan*, серия статей Митчелла "Проблемы переходного периода", 1936–1937 годы) сделали из Кронштадтской трагедии вывод, отправной точкой которого служил по сути тезис самого Ленина, высказанный за пару месяцев до неё в дискуссии о профсоюзах: государство, возникшее после пролетарской революции, – это государство *«рабочее с бюрократическими извращениями»*[3], а не тождественная диктатуре пролетариата власть, и от такого государства, утверждал Ленин, рабочие вправе защищаться в буквальном смысле слова. Однако он сам отказался распространить эту логику на Кронштадт: если в профсоюзной дискуссии речь шла о положении пролетариата на производстве внутри структур того же государства, то в марте 1921 года, по его оценке, ставкой была не защита классовых организаций, а *вопрос о пролетарской власти* и военной безопасности революции на фоне тамбовщины, голода и реальной угрозы интервенции.[4]

Как бы то ни было, подавление Кронштадтского восстания совпало с запретом фракций на X съезде РКП(б) и введением НЭПа, а также, как мы писали ранее, *«с крахом революционной волны в Европе»*, что сделало *«1921 год рубежом на пути к поражению как русской, так и мировой революции»*[5]. Этот политический рубеж был неразрывно связан с описанным выше материальным коллапсом. Физическое исчерпание и деурбанизация пролетарского авангарда создали вакуум, который неизбежно заполнился новой силой – буржуазным государственно-партийным аппаратом. Вобрав в себя деклассированные элементы, карьеристов и выходцев из крестьянства, этот аппарат оторвался от пролетарских масс и начал

3 - Полемизируя с Троцким и Бухариным о роли профсоюзов Ленин заявил: *«У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское* [...]. *Но мало этого. Из нашей партийной программы видно* [...] *государство у нас рабочее с бюрократическим извращением.* [...] *Вот вам реальность перехода»* (Ленин В. И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого. Речь на соединенном заседании делегатов VIII съезда Советов, членов ВЦСПС и МГСПС – членов РКП(б) 30 декабря 1920 г. // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 42. С. 208).

4 - Кронштадтская трагедия и реакция на неё различных политических сил является важнейшей темой, которую мы рассмотрим в одном из будущих номеров нашего журнала.

5 - Уроки поражения: объективные причины изоляции и контрреволюции // Коммунистический Прометей. Август 2026. № 2. С. 76.

действовать в интересах, радикально отличных от интересов рабочего класса.

Тем не менее классовая борьба в СССР в 1920-е годы не прекратилась, но приняла форму в основном скрытого и лишь иногда открытого сопротивления (массовые стачки 1923 года, вызванные кризисом сбыта и задержками зарплат).

В 1930-е годы, с началом форсированной индустриализации, профсоюзы были окончательно превращены из органов защиты рабочих в придаток хозяйственного аппарата. Одной из основных задач профсоюзов стала борьба за повышение производительности труда (например, стахановское движение). Рабочий класс СССР подвергся драконовской дисциплине: введение внутренних паспортов (1932), уголовная ответственность за опоздания и прогулы (законы 1938–1940 гг.)[6]. Очаговое сопротивление рабочих – такое как Тейковская и Вичугская забастовки 1932 года против снижения карточных норм – подавлялось силами ОГПУ с применением оружия.

Последние два выступления вспыхнули почти одновременно в текстильных районах Ивановской области и представляют собой наиболее хорошо документированный за счёт архивных сводок ОГПУ эпизод открытого рабочего сопротивления первой пятилетки. Непосредственной причиной послужило резкое снижение с начала апреля 1932 года хлебных и продовольственных норм по карточкам на фоне общего кризиса снабжения, спровоцированного форсированной коллективизацией: рабочие получали по твёрдой цене лишь хлеб, тогда как остальные продукты приходилось покупать на рынке по многократно возросшим ценам. В результате дети – по словам самих рабочих, зафиксированным в донесениях ОГПУ – увядали от недоедания, не видя молока и сахара.

В Вичуге 5–13 апреля 1932 года началась стачка (около 10 тысяч участников) на нескольких текстильных предприятиях, которая быстро переросла в открытое восстание: рабочие разгромили здание городского комитета ВКП(б), отделение ОГПУ и почту, вступили в столкновение с конной “милицией”, пытавшейся рассеять толпу, и избили начальника городской “милиции” и его заместителя, ворвавшись в здание “милиции” и освободив задержанных из камер. Согласованность и координация действий забастовщиков были настолько высоки, что органы ОГПУ в своих донесениях предполагали существование в городе подпольной организации, руководившей выступлением, – предположение, впрочем, документально не подтверждённое.

Параллельно в Тейкове, Лежневе и Пучеже развернулись собственные очаги протеста. По данным сводки о забастовочном движении в Иваново-Вознесенском промышленном районе, стачка в Тейкове продолжалась с 8 по 15 апреля 1932 года, в Лежневе – с 10 по 13 апреля, а в Пучеже – 14–15 апреля. Численность бастовавших оценивалась соответственно примерно в 2 тысячи человек в Тейкове, 2 тысячи в Лежневе и тысячу в Пучеже.

В Тейкове кульминацией выступления стали так называемые “голодные походы” – шествия рабочих в направлении областного центра Иваново-Вознесенска с требованием восстановить прежние продовольственные нормы. Группы протестующих вышли из Тейкова, Вичуги и Лежнева; наиболее многочисленная из них, насчитывавшая несколько сотен человек, направилась из Тейкова. Власти пытались предотвратить дальнейшее расширение движения: по имеющимся сведениям, было распоряжение не останавливать на соответствующих участках поезда, следовавшие в Иваново-Вознесенск, чтобы не допустить присоединения новых участников. Сам поход был пресечён органами власти на подступах к городу: измученных длительным переходом рабочих принудительно посадили в подготовленный состав и отправили обратно.

В те же дни к протесту стали присоединяться и окрестные крестьяне, организуя в колхозах так называемые “волынки” – замедление работы и другие формы коллективного сопротивления без формального прекращения трудовой деятельности. В совокупности выступления в Вичуге, Тейкове, Лежневе и Пучеже свидетельствуют о широком распространении недовольства продовольственным кризисом и о том, что социальное напряжение затрагивало как промышленных рабочих, так и сельское население.

Волнения были подавлены силами ОГПУ и переброшенными в район войсками к середине апреля; забастовка в Вичуге прекратилась отчасти сама собой, по мере физического и морального истощения рабочих. Ряд популярных публицистических

6 - Постановление 28 декабря 1938 года определяло прогул, в частности, как опоздание более чем на 20 минут; указ 26 июня 1940 года ввёл уголовную ответственность за прогул и самовольный уход с предприятия.

материалов[7] утверждают, что при подавлении волнений в Вичуге были убиты несколько сотен рабочих, однако эта цифра не находит подтверждения ни в опубликованных архивных сводках ОГПУ, ни в специальной академической историографии предмета и должна восприниматься критически как непроверенное утверждение, а не установленный факт. Реакция высшего руководства СССР была показательно уклончивой: опубликованная 31 мая 1932 года в "Правде" статья "Перестроиться надо немедленно", автором которой был Емельян Ярославский – один из руководителей печати ВКП(б) и видный соратник И. В. Сталина – резко критиковала прежнее партийное руководство Ивановской области, ни словом, однако, не упоминая ни забастовки, ни их продовольственные причины. Тем не менее власти были вынуждены реагировать: вскоре после апрельских событий по всей стране было разрешено открытие колхозных рынков и выделение рабочим индивидуальных земельных участков под огороды. Поскольку капиталистический характер экономики СССР никуда не исчезал, эту меру ни в коем случае не следует рассматривать как "восстановление рынка". Напротив, это был чёткий тактический манёвр государственно-партийной буржуазии: чтобы снизить издержки на воспроизводство рабочей силы и сбить градус классового гнева, буржуазия переложила значительную часть бремени по обеспечению пролетариата необходимыми продовольственными продуктами на него самого (через огороды) и на мелких товаропроизводителей. Это позволило сохранить в неприкосновенности главные механизмы эксплуатации и изъятия прибавочного продукта, необходимые для форсированной индустриализации, избежав при этом полномасштабного социального взрыва.

Показательно, что Вичуга и Тейково были не единичным эпизодом, а лишь наиболее острым проявлением куда более широкой волны конфликтов труда и капитала: согласно сводке ОГПУ от 9 августа 1932 года, только за первые шесть месяцев года в стране было зафиксировано 454 забастовки на почве недовольства оплатой труда, из них 125 – из-за задержки зарплаты, 111 – из-за снижения расценок, 166 – из-за низкой зарплаты и 52 – из-за невыдачи спецодежды. Это делает апрельские события в Ивановской области не аномалией, а вершиной айсберга гораздо более систематического, хотя и почти всегда локального и стихийного, сопротивления рабочего класса СССР форсированной индустриализации за счёт собственного жизненного уровня.

Если в СССР поражение революции обернулось её медленным перерождением изнутри, сопровождающимся агонией и террором, то в Западной Европе судьба революционной волны 1917–1921 годов решилась гораздо быстрее и в открытой форме. Обратимся к одному из наиболее ярких её эпизодов – захвату фабрик в Италии, где рабочий контроль над производством достиг, пожалуй, наибольшей глубины и организационной зрелости во всей Западной Европе, но который был разгромлен почти мгновенно.

"КРАСНОЕ ДВУХЛЕТИЕ": ЗАХВАТ ФАБРИК И РОЖДЕНИЕ ПРЕВЕНТИВНОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Движение разворачивалось на фоне экономического коллапса, зеркального германскому: демобилизация около 4 миллионов солдат вытолкнула на рынок труда армию безработных, к 1919 году превысившую 2 миллиона человек, а военные займы и денежная эмиссия обесценили лиру к концу 1920 года до шестой части довоенного уровня.

Численность объединённого профсоюза – Всеобщей конфедерации труда (CGL) – выросла с 250 тысяч членов в 1918 году до 2,2 миллионов в 1920-м, металлообрабатывающая федерация профсоюзов FIOM – до 160 тысяч. В сентябре 1920 года около 400–500 тысяч рабочих, в первую очередь в Турине, где под руководством Грамши и газеты *Ordine Nuovo* формировались фабрично-заводские советы, заняли предприятия, установив рабочий контроль над производством. Буржуазия впоследствии оценивала эти недели как "великий страх" – момент, когда старые либеральные правящие круги показали свою неспособность защитить классовое господство капитала привычными средствами.

Вместе с тем именно этот эпизод обнажает то же структурное противоречие, что и случай Lip полвека спустя[8], но в кратно большем масштабе: захват фабрик без монолитной революционной партии, способной связать их с общенациональной борьбой за власть, был обречён на институциональную интеграцию и поражение. Руко-

7 - В частности, статья "Цены и бунты" в журнале "Огонёк" № 44 за 2007 год.
8 - *См.* прошлый номер нашего журнала.

водство Итальянской социалистической партии (ИСП) и CGL не поддержало превращения экономической оккупации в политическое восстание; премьер-министр Джованни Джолитти предложил компромисс (частичное удовлетворение экономических требований и формальный контроль профсоюзов над производством), рабочие советы были демонтированы, а движение свёрнуто уже к концу сентября 1920 года.

Руководители ИСП и CGL оправдывали свой отказ от эскалации объективными факторами: изоляцией Турина, пассивностью крестьянства на Юге и отсутствием оружия. Однако левое крыло социалистов вынесло из этого поражения принципиально иной урок. Вместе с тем поражение движения 1920 года обострило вопрос о соотношении фабрично-заводских советов и политической организации пролетариата. Грамши, уделявший центральное внимание советам как органам рабочего самоуправления и преобразования производства, и Бордига, настаивавший на первостепенной роли централизованной коммунистической партии в борьбе за политическую власть, исходили из разных представлений о путях революции. Было бы, однако, упрощением считать, что поражение автоматически привело Грамши к признанию правоты Бордиги или что их позиции слились в единую концепцию. Создание Коммунистической партии Италии (Partito Comunista d'Italia, PCd'I) в Ливорно в январе 1921 года стало результатом более широкого процесса размежевания внутри ИСП, в котором сторонники Бордиги сыграли ведущую организационную роль, а сторонники Грамши участвовали в формировании PCd'I, сохраняя собственное понимание роли советов и партии.

Политическим следствием поражения рабочих стало не просто восстановление статус-кво, а нечто качественно новое в тактике буржуазии: убедившись, что легальные, парламентские методы более не гарантируют эффективного подавления пролетариата, доминирующая часть итальянской буржуазии – сперва аграрная в долине По, затем и промышленная – обратилась к организованному внепарламентскому насилию как орудию превентивной контрреволюции, финансируя и вооружая чернорубашечников. Уже в 1922 году были убиты активисты туринского красного двухлетия, среди которых анархо-синдикалист Пьетро Ферреро и коммунист Карло Беррути; в октябре того же года фашизм утвердился у власти в общенациональном масштабе.

Однако с точки зрения классовой природы государства эпохи империализма – *реакции по всему фронту*, – этот переход не создавал *качественно* нового режима: фашизм и либеральная демократия оставались двумя формами одной и той же диктатуры буржуазии, и именно поэтому единственно верной пролетарской позицией был отказ от всякого блока с "демократической" буржуазией под лозунгом защиты старого строя от нового. Сам же переход к фашизму стал возможен лишь потому, что революционная ситуация была упущена изнутри рабочего движения: реформистское руководство ИСП и CGL, обладая всеми условиями для превращения оккупации фабрик в захват власти, предпочло капитулировать, тем самым открыв буржуазии время и пространство для перегруппировки. Поражение красного двухлетия, таким образом, было в первую очередь нанесено пролетариату его собственным нерешительным руководством, – и лишь во вторую очередь стало результатом манёвра класса капиталистов.

При этом буржуазия действовала не как монолитный субъект, пугающийся и инстинктивно выбирающий террор. Фашизм стал политической формой, обслуживающей конкретные материальные интересы объединившихся фракций капитала: тяжёлой индустрии Севера, критически нуждавшейся в госзаказах и перевооружении; аграрного юнкерства, требовавшего подавления батрацких профсоюзов; финансового капитала, чьей главной целью было радикальное "дисциплинирование" труда и уничтожение рабочих организаций для восстановления нормы прибыли после послевоенного кризиса рентабельности. Те фракции буржуазии, которые не поддержали этот выбор, станут движущей силой "антифашизма".

Здесь также необходимо зафиксировать теоретически важный тезис: фашизм – это специфический ответ *части* буржуазии на ситуацию, в которой пролетариат продемонстрировал *революционный потенциал*, но не сумел его реализовать из-за отсутствия партийного руководства. Разгромленная, но не уничтоженная в момент подъёма классовая энергия оборачивается против самого пролетариата в виде организованного тер-

рора мелкобуржуазных и деклассированных масс, поставленных на службу крупному капиталу.

УНИЧТОЖЕНИЕ БОЕВОГО ЯДРА РАБОЧЕГО КЛАССА: ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА 1926 ГОДА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Если разгром итальянского пролетариата принял форму открытой фашизации, то в Великобритании правящий класс избрал путь, структурно предвосхищающий разгром шахтёров при Тэтчер шестьюдесятью годами позже[9], – целенаправленный и заблаговременно подготовленный удар по наиболее организованному отряду рабочего класса.

Предысторией этих событий стала так называемая "Чёрная пятница" 15 апреля 1921 года. После того, как шахты, национализированные на время войны, были возвращены частным владельцам, те сразу урезали зарплаты и увеличили рабочий день. Однако железнодорожный и транспортный профсоюзы, связанные с горняками "Тройственным альянсом" ещё с 1914 года, в решающий момент отказались поддержать стачку. Шахтёры оказались в одиночестве и были буквально загнаны голодом обратно в забой.

Кризис британской угольной отрасли усугубился после возвращения Великобритании к золотому стандарту в 1925 году, которое повысило стоимость британского угля и стали на внешнем рынке. На этом фоне общего обнищания, когда солдаты, вернувшиеся с фронта в "страну, достойную героев", столкнулись с безработицей, шахтовладельцы в 1925–1926 годах решили повторить прежний манёвр: потребовали снизить зарплаты на 13,5 % и увеличить рабочий день с семи до восьми часов.

На этот раз, однако, буржуазия готовилась заранее и основательно: пока профсоюзное руководство медлило, правительство привело в готовность полицию, армию и флот, а правая "Организация по поддержанию снабжения" (*Organisation for the Maintenance of Supplies,* OMS), укомплектованная в основном представителями "среднего класса" (отставными армейскими офицерами, финансовыми клерками и студентами университетов), была включена в государственный аппарат для организации штрейкбрехерства. В ответ на локаут Генеральный совет Британского конгресса тред-юнионов (TUC) 1 мая 1926 года объявил всеобщую забастовку в поддержку горняков – крупнейшую в истории британского рабочего движения, охватившую от полутора до двух миллионов рабочих транспорта, полиграфии, металлургии, строительства и энергетики, выводимых на улицу дозированными, контролируемыми сверху волнами, – и это, не считая около 1,2 млн шахтёров, которые уже находились в локауте, продолжавшемся вплоть до ноября 1926 года.

Забастовка началась 4 мая и продолжалась в течение девяти дней (за что получила название "девятидневная"); Генсовет TUC формально удерживал контроль над стачкой до капитуляции 12 мая. Она обнажила глубочайшее противоречие между боевитостью низов и институциональной ролью верхушки TUC.

Капитуляция последнего в 1926 году не может быть объяснена "трусостью" лидеров. Историко-материалистический анализ указывает на материальные корни британского реформизма – феномен рабочей аристократии. Профсоюзная бюрократия исторически опиралась на сверхприбыли, получаемые британской буржуазией от эксплуатации колоний и монопольного положения на мировом рынке. Этому привилегированному слою рабочего класса было что терять в случае крушения капиталистической империи, что и предопределило классовое предательство верхушки в критический момент.

Формально централизованное руководство стачкой (Комитет по организации забастовки во главе с Эрнестом Бевином) на местах на практике опиралось на возникшие стихийно или на базе прежних *Trades councils*[10] местные советы действия (*Councils of Action*) – они организовывали массовое пикетирование, выпускали собственные стачечные бюллетени, снабжали бастующих и их семьи, в отдельных районах брали под контроль движение людей и товаров, а также создавали собственные Рабочие корпуса обороны и специальные пикетные отряды для противостояния полиции. Однако эти советы, за редкими исключениями, так и не смогли объединиться в общенациональную структуру и не освободились от сдерживающего влияния TUC. Уже 11 мая постановлением Высокого суда по делу профсоюза углекопов стачка была объявлена незаконной; 12 мая, не добившись от пра-

9 - *См.* прошлый номер нашего журнала.
10 - *Trades union councils* – это местные объединения или советы профсоюзов в Великобритании.

вительства и предпринимателей никаких гарантий и опасаясь перерастания экономической стачки в политический кризис власти, Генеральный совет TUC – без консультаций с самими бастующими – внезапно капитулировал и прекратил всеобщую забастовку.

Эта новость была встречена рабочими с неверием и гневом. Показательно, что 13 мая – на следующий день после отмены забастовки – бастовало значительное количество рабочих, что ясно демонстрировало сохраняющийся боевой дух класса. Тем не менее профсоюзный аппарат и государство совместными усилиями заставили рабочих вернуться на фабрики, оставив шахтёров в одиночестве продолжать борьбу вплоть до ноября 1926 года, когда горняки, вынужденные ради выживания распродавать имущество и получая скудную помощь (в том числе из СССР), оказались фактически сломлены голодом и приняли требования шахтовладельцев о порайонных, а не общенациональных соглашениях и о снижении зарплаты.

Свою капитуляцию лидеры Генсовета TUC оправдывали страхом перед надвигающимся секвестром профсоюзных фондов и полным отсутствием стратегии на случай открытого столкновения с государством. Главным контрапунктом этому курсу стала позиция А. Дж. Кука – радикального лидера шахтёров. Он олицетворял боевитость стачки и до последнего призывал продолжать борьбу под лозунгом *«Ни пенни от зарплаты, ни минуты к рабочему дню!»*.

Здесь необходима методологическая оговорка относительно роли политических партий. Левая буржуазия в лице Лейбористской партии (где тот же Рамсей Макдональд ещё в 1924 году применял против бастующих докеров правительственный Закон о чрезвычайных полномочиях) призывала к умеренности и не оказала стачке поддержки. Руководство же Компартии Великобритании (КПВ) накануне забастовки было частично арестовано по обвинению в подстрекательстве к мятежу, а сделанная Коминтерном и ВКП(б) ставка на “левое” руководство TUC через так называемый Англо-русский комитет 1925 года оказалась политически несостоятельной. Тем не менее сама КПВ впоследствии объяснила поражение исключительно “предательством правого руководства” TUC – как если бы речь шла о случайности, устранимой простой заменой одних функционеров другими. Эта трактовка обходит стороной главный вопрос: TUC не столько “предал” рабочих в момент слабости или трусости отдельных лидеров, сколько исполнил ту структурную функцию органа-посредника между трудом и капиталом внутри самого буржуазного государства, для которой тред-юнионы исторически и сложились. Дело было не в личных качествах вождей TUC, а в самой природе профсоюза как органа капиталистической системы, чья функция состоит в заключении сделок по купле-продаже рабочей силы, а значит, в поддержании социального мира и “дисциплинировании” пролетариев. Рабочий класс не должен пытаться “завоевать” аппарат профсоюзов изнутри или требовать от него революционных действий, на которые тот не способен.

Позиция самой КПВ оказалась глубоко противоречивой. Радикализируя рабочих через “Национальное движение меньшинства”, основанное в 1924 году при её участии и под влиянием Коминтерна, она в то же время сковывала их официальными профсоюзными рамками, выдвигая лозунг *«Вся власть Генеральному совету!»*. Революционно настроенные группы, такие как Антипарламентская коммунистическая федерация анархо-коммуниста Гая Олдреда, пытались противопоставить этому лозунг: *«НИКАКОЙ власти Генеральному совету! ВСЯ ВЛАСТЬ рабочим через их стачечные комитеты и массовые собрания!»*, – однако этот призыв был опубликован через четыре дня после того, как стачка была свёрнута.

Показателен в этом смысле эпизод 1921 года: секретарём Национальной федерации транспортных рабочих, принявшим решение не поддерживать горняков в “Чёрную пятницу”, был Роберт Уильямс – на тот момент член КПВ (за это решение он был исключён из компартии и вернулся в Лейбористскую партию). Случай Уильямса ставит вопрос шире, чем персональная измена: меняет ли коммунист профсоюзную бюрократию изнутри или профсоюзная бюрократия меняет коммуниста? После поражения 1926 года руководство КПВ вместо вывода о структурной несовместимости массовых профсоюзов старого типа с задачами революционной борьбы, потребовало... расширения полномочий того самого Генерального совета TUC, который только что предал стачку, и дальнейшего его сращивания с Лейбористской партией.

Подлинное же отношение бюрократии к самоорганизации рабочих накануне событий пре-

дельно ёмко выразил член Генсовета TUC Дж. Р. Клайнс: *«Я не боюсь класса капиталистов. Единственный класс, которого я боюсь, – это наш собственный»*[11].

Поражение 1926 года нанесло удар, от которого британское шахтёрское движение не оправилось вплоть до новой битвы 1984–1985 годов: оно открыло дорогу антипрофсоюзному законодательству (*Trade Disputes and Trade Unions Act* 1927 года, отменённому в 1946-м и фактически возрождённому при Тэтчер) и закрепило подчинённое положение тред-юнионов государству.

ЕДИНЫЙ ФРОНТ НАИЗНАНКУ: РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В КИТАЕ (1925–1927)

Азиатский театр классовой борьбы в этот период даёт иной, но не менее трагический пример. Движение 30 мая 1925 года, вызванное расстрелом антиимпериалистической демонстрации в международном сеттльменте Шанхая, породило шестнадцатимесячную Сянган-Гуанчжоускую (Гонконг-Кантонскую) забастовку – одну из самых продолжительных массовых стачек в мировой истории, резко нарушившую хозяйственную жизнь британской колонии Гонконг и англо-французской концессии Шамянь. Молодая Компартия Китая (КПК), с 1923 года подчинённая директиве Коминтерна о вступлении в Гоминьдан на правах фракции внутри буржуазной партии, руководила забастовочным комитетом и добилась удовлетворения части требований, однако сама эта организационная форма изначально подразумевала растворение классовой партии пролетариата внутри межклассового блока. Это не было просто "стратегической ошибкой" ИККИ, а имело под собой жёсткий материальный базис: изолированному на международной арене СССР жизненно требовался сильный внешнеполитический союзник на восточных рубежах для противовеса Великобритании и Японии. С точки зрения *государственных интересов* Москвы, буржуазно-националистическая армия Чан Кайши выглядела куда более надёжным партнёром, чем молодой китайский пролетариат. Классовая самостоятельность китайских рабочих была принесена в жертву объективным дипломатическим и военным нуждам сталинского государства.

Катастрофа 1927 года не была отклонением или "доведением до крайности" в целом верной тактики единого фронта – она была её закономерным следствием. Единый фронт с некоммунистическими организациями – будь то реформистские профсоюзы в Европе или буржуазно-националистические партии в колониях – в принципе не может быть орудием пролетарской революции: он с необходимостью подчиняет коммунистов чужому руководству и чужим интересам, размывая ту единственную границу, на которой держится революционная партия, – границу класса. Именно это ещё в 1921 году доказывала Итальянская Коммунистическая левая, отвергая единый фронт как возврат к обанкротившимся довоенным тактикам социал-демократии, и то же самое подтвердил Гоминьдан 12 апреля 1927 года: его возглавлял Чан Кайши, чья власть была укреплена именно тем блоком, который КПК помогала выстраивать, и который обратил оружие против вчерашних "союзников" – в Шанхае были разгромлены находившиеся под контролем коммунистов профсоюзы и органы городского самоуправления, свыше тысячи человек арестовано, около трёхсот казнено; в первые же дни было убито несколько сотен человек, а в ходе последующих недель зачисток число жертв гоминьдановского террора только в Шанхае достигло 5–10 тысяч. Репрессии распространились на Кантон, Нанкин, Ханчжоу и другие города.

Объективные условия – высококонцентрированный, современный индустриальный пролетариат, возникший вокруг иностранного капитала в стране с глубоко феодальными, патриархальными отношениями, – создавали взрывоопасную революционную энергию, но не отменяли и не смягчали действия этого закона: тонкий слой пролетариев, отданный своей же партией под руководство национальной буржуазии, был раздавлен именно потому, что не имел собственной, отдельной от буржуазного блока организации.

Материальная почва этого противоречия была ещё резче, чем в послереволюционной России: концентрированный промышленный пролетариат существовал лишь в узких анклавах – договорных портах вроде Шанхая и Гуанчжоу, – окружённых страной, где реальная власть на большей части территории принадлежала соперничающим милитаристским кликам, а деревня оставалась в путах полуфеодальной земельной ренты и была практически не затронута ни промышлен-

11 - 1926 General Strike: Ten Days that Failed to Shake the World // Leftcom.org. November 2025. URL: https://www.leftcom.org/en/articles/2026-04-16/1926-general-strike-ten-days-that-failed-to-shake-the-world.

ным капитализмом, ни революционной агитацией. Гоминьдан именно поэтому и претендовал на роль национального объединителя – задача, которую тонкий слой городского пролетариата решить в одиночку не мог, что и делало союз с ним материально, а не только тактически, соблазнительным.

Китайская катастрофа – одно из самых ясных исторических подтверждений тезиса, отстаивавшегося Коммунистической левой ещё с полемики против самой доктрины единого фронта на III и IV конгрессах Коминтерна: не существует "правильно организованного" союза с прогрессивной национальной буржуазией, при котором сохранённые формальные гарантии независимости партии спасли бы дело, – само согласие на такой союз уже есть отказ от классовой линии. Показательно, что даже критика сформировавшейся под влиянием китайской трагедии троцкистской международной Левой оппозиции не пошла дальше требования "подлинных гарантий" независимости КПК внутри блока с Гоминьданом, то есть осталась в рамках той же ошибочной посылки, будто единый фронт с буржуазной партией в принципе может быть правильно организован. Поражение 1927 года было, таким образом, не столько провалом конкретного руководства Коминтерна, сколько подтверждением правоты тех, кто настаивал на невозможности единого фронта как такового – начиная с самого момента вступления КПК в Гоминьдан в 1923 году.

КРАХ 1929 ГОДА: КОНЕЦ СТАБИЛИЗАЦИИ И РАДИКАЛИЗАЦИЯ БУРЖУАЗИИ

Временная частичная стабилизация капитализма, достигнутая в 1920-е годы ценой разгрома революционных авангардов, сменилась глубочайшим кризисом уже осенью 1929 года. Великая депрессия стала не просто конъюнктурным спадом, а жесточайшим структурным кризисом перенакопления капитала. Глобальный коллапс сбыта и цепная реакция банкротств были формой проявления более глубокого структурного противоречия: колоссально возросшая – на основе фордизма и тейлоризма – производительность труда и норма эксплуатации привели к перенакоплению капитала, не находящего прибыльного приложения, и одновременно – поскольку рост эксплуатации структурно ограничивает долю совокупного продукта, достающуюся наёмному труду, – к сужению платёжеспособного спроса масс. Оба момента суть выражение одного и того же процесса: капитал разрастается сверх границ, которые сам же устанавливает для реализации произведённой им стоимости. Для мирового рабочего движения этот крах означал резкое изменение самих условий борьбы. Эпоха тактических уступок и реформистского маневрирования закончилась. Столкнувшись с угрозой катастрофического падения нормы прибыли, буржуазия была вынуждена перейти к радикальным мерам спасения системы. На одном полюсе (в США) это привело к попытке спасти капитализм через масштабное государственное регулирование и частичную интеграцию рабочего движения в систему (Новый курс). На другом – в разорённой континентальной Европе – капитал сделал ставку на окончательное уничтожение буржуазно-демократических институтов и физическую ликвидацию всех независимых рабочих организаций через установление фашистских диктатур. В этих условиях классовые столкновения 1930-х годов с неизбежностью ставили вопрос о власти, к решению которого рабочее движение оказалось абсолютно не готово.

ГЕРМАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ: ОТ "СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ" КОАЛИЦИЙ К ТРИУМФУ НАЦИЗМА (1921–1933)

Если в Италии буржуазия разгромила рабочее движение прямым насильственным ударом – сквадристским террором с последующей физической ликвидацией всех независимых организаций пролетариата, – то в Великобритании поражение было нанесено иными средствами: капитуляцией профсоюзной бюрократии, сдавшей Всеобщую стачку 1926 года без единой уступки, и последующим законодательным закреплением этого поражения (уже упоминавшийся *Trade Disputes and Trade Unions Act* 1927). В Германии же – стране с самым мощным и организованным пролетариатом в мире – поражение приняло ещё более извилистую и теоретически сложную форму. Кровь, пролитая при подавлении спартакистов в 1919 году социал-демократическим правительством, навсегда расколола немецкий рабочий класс – и с самого начала это была не случайность, не "раскол среди своих", а граница между пролетарской и буржуазной политикой: СДПГ уже в январе 1919-го действовала как орган буржуазного государственного насилия против революции, а не как заблудшая часть

рабочего движения. Последующее десятилетие стало историей того, как эта первоначальная граница систематически размывалась зигзагами Коминтерна – сперва в сторону авантюризма, затем оппортунистических блоков, – и именно это размывание, а не личные слабости тех или иных руководителей, привело пролетариат к капитуляции перед нацизмом без единого выстрела со стороны собственно рабочих организаций.

Потеряв свои лучшие кадры в ходе авантюристической мартовской акции 1921 года, КПГ вступила в последующий период истории германского рабочего движения ослабленной и деморализованной. Эта акция была предпринята не в ответ на объективный кризис, а по искусственно навязанной Коминтерном (через Белу Куна) "теории наступления": ни кризиса верхов, ни сопоставимого подъёма массовой активности весной 1921 года в Германии не было – восстание было спровоцировано сверху, на относительно спокойном фоне, и потому было обречено с самого начала.

Формально в 1923 году в Германии сложилась революционная ситуация по всем трём классическим признакам: паралич государственного аппарата после падения правительства Куно, гиперинфляция, уничтожившая сбережения и реальную зарплату, стачечная волна и формирование "пролетарских сотен". Но причину провала нельзя списывать на нерешительность руководства КПГ, – как это сделал Троцкий в статье "Уроки Октября" (1924). Крах был заложен не в Хемнице 21 октября 1923 года[12], а на IV конгрессе Коминтерна в 1922 году, став прямым следствием применения лозунга "рабоче-крестьянского правительства". Осенью 1923 года Коминтерн поддержал вступление КПГ в коалиционные земельные правительства с СДПГ в Саксонии и Тюрингии. Эта стратегия должна была создать условия для революционного выступления, но в итоге столкнулась с отсутствием общенациональной готовности к восстанию и вмешательством центральных властей. Сама же КПГ была парализована собственной институциональной легальностью задолго до того, как понадобилась чья-либо личная решительность; отменённое в решающий момент восстание и истёкший кровью изолированный Гамбург – это уже следствие, а не первопричина. Там, где Троцкий видит частную тактическую ошибку исполнения в целом верной стратегии, следует видеть закономерный результат самой стратегии единого фронта, испытанной здесь на практике впервые и давшей свои первые горькие плоды.

К моменту краха Веймарской республики паралич рабочего класса достиг апогея – и на этот раз с обеих сторон раскола он принял форму, граничащую с самоубийством. Но говорить здесь о симметричном крахе двух "родственных" организаций абсолютно не верно. СДПГ и контролируемые ею профсоюзы (ADGB) не "предали" рабочих в момент слабости – они в точности исполнили ту функцию, которую взяли на себя ещё в 1919 году: сделали ставку на спасение буржуазного государства любой ценой, терпя чрезвычайные декреты Брюнинга и полагаясь на полицию и конституцию для сдерживания Гитлера. Кульминацией этого легализма стал "прусский удар" (*Preußenschlag*) 20 июля 1932 года: рейхсканцлер фон Папен президентским декретом сместил законное социал-демократическое правительство Пруссии во главе с Отто Брауном – и ни СДПГ, ни формально лояльная ей прусская полиция, ни военизированный Рейхсбаннер не оказали ни малейшего сопротивления.

КПГ же, полностью подчинённая сталинскому руководству, оставалась – в отличие от СДПГ – организацией пролетарского происхождения, но разложенной оппортунизмом; именно поэтому её крах особенно поучителен. Курс "третьего периода", принятый VI конгрессом Коминтерна в 1928 году и радикализованный X пленумом ИККИ в июле 1929-го, провозгласил СДПГ "социал-фашизмом" – главной социальной опорой буржуазии, утверждая, что победа над фашизмом невозможна без предварительного разгрома социал-демократии. В августе 1931 года КПГ по прямой директиве Коминтерна поддер-

12 - Там, в Народном доме, проходила конференция, на которой присутствовали в качестве гостей представители рабочих организаций Баварии, Брауншвейга и других частей Германии. Всего 500 делегатов, в том числе от фабзавкомов – 140, контрольных комиссий – 79, комитетов действия – 16, кооперативов – 26, профсоюзов – 102, местных организаций КПГ – 66, СДПГ – 7 и др. 68. Тысячи дружинников стояли всю ночь в парке Народного дома; ждали с надеждой сигнала к решительному бою. Но брандлеровцы капитулировали перед социал-демократией, то есть перед буржуазией. Брандлер снял предложение о всеобщей забастовке и высказался за создание комиссии из 10 человек (из представителей КПГ и СДПГ на паритетных началах) и передачу вопроса о всеобщей стачке на решение этой комиссии. Выступивший перед голосованием депутат ландтага от КПГ Зиберт подчеркнул, что предложение Брандлера не удовлетворяет революционных рабочих, однако, исходя из интересов сохранения единого фронта, призывал голосовать за это капитулянтское предложение. Оно было принято незначительным большинством голосов.

жала инициированный "Стальным шлемом" и нацистами референдум о досрочном роспуске прусского ландтага. Штурмовые отряды нацистов беспрепятственно захватывали улицы ещё и потому, что к решающим годам КПГ была лишена собственной военизированной самообороны: Союз красных фронтовиков (RFB) был запрещён властями ещё в 1929 году. Формула "после Гитлера – наш черёд" (приписываемая партийным кругам КПГ того времени, хотя её точная атрибуция остаётся спорной) выражала подлинную веру аппарата Коминтерна.

С 1930 года существовала Международная левая оппозиция Троцкого, оставившая программные тексты о Германии, в которых методично обосновывалось, что теория "социал-фашизма" является гибельной политикой. Но предложенное Троцким средство – военно-практический единый фронт с СДПГ для физического разгрома штурмовиков ("маршировать врозь, бить вместе") – исходило из той же ошибочной методологической предпосылки, что и породившая катастрофу стратегия 1923 года: оно по-прежнему основывалось на том, что СДПГ, несмотря на предательство её руководства, остаётся рабочей партией, с которой возможен блок. Но опровергнуть теорию "социал-фашизма" не значит обосновать приемлемость такого единого фронта с партией, которая доказала свою буржуазную, а не рабочую природу ещё в 1919 году, а затем подтвердила её молчаливой капитуляцией 20 июля 1932 года.

Немецко-голландская левая, напротив, считала КПГ переродившейся партией ещё с начала 1920-х годов; она призывала к прямому действию через низовые рабочие союзы (AAUD), отвергая и профсоюзы, и парламенты, но к 1930-м годам это течение было уже физически и организационно маргинализовано.

Итальянская левая действовала на двух уровнях, которые важно не смешивать. С 1928 года, с момента основания Левой фракции Компартии Италии в Пантене под Парижем, выходил журнал *Prometeo*, где велась текущая полемика против курса "третьего периода". Но зрелая, окончательная оптика, категорически отвергавшая и "третий период", и призыв Троцкого к единому фронту как две стороны одной ошибки, была развёрнута уже постфактум – в журнале *Bilan*, запущенном фракцией итальянской коммунистической левой в Брюсселе в 1933 году как теоретический итог всего послевоенного революционного опыта. Для *Bilan* СДПГ не была заблуждающейся частью рабочего движения, а являлась органической частью буржуазного государственного аппарата. Призывать к фронту с палачами революции во имя "спасения демократии" означало сеять смертельные иллюзии. Нацизм и Веймарская демократия были не антиподами, а лишь двумя разными методами, которыми капитал спасает свою диктатуру. Рабочий класс Германии проиграл не из-за тактической ошибки в 1932 году и не из-за нерешительности отдельных руководителей в 1923-м, а потому, что с 1921–1922 годов позволил втянуть себя сперва в союзы с социал-демократией, затем в выбор между буржуазной демократией и фашизмом, – утратив на каждом из этих шагов частицу политической самостоятельности.

Отдельно следует упомянуть и КПГ-О, возглавляемую исключёнными из КПГ в 1929 году Брандлером и Тальгеймером: она отстаивала тактику единого фронта с ещё более оппортунистических позиций.

Катастрофа германского пролетариата стала кульминацией череды поражений 1920-х и начала 1930-х годов. Рухнул не "субъективный фактор" – не воля и решительность отдельных руководителей, – а сама архитектура стратегии, которую Коминтерн выстраивал начиная с 1921–1922 годов: авантюризм, за ним единый фронт и правительственные коалиции, далее "третий период", и в конце концов – полный переход инициативы в руки капитала. В следующей части статьи мы рассмотрим, как это глобальное изменение баланса классовых сил отразилось на марксистской теории, привело к смене социально-экономического положения рабочих и породило новую, не менее трагичную стратегию Народных фронтов, финал которой разыгрался на баррикадах Испании.

Август 2026 г.

Национальный вопрос, империализм и коммунистическая революция.

Исторический материализм и эволюция национального вопроса

Часть I.

Первая часть нашего цикла статей продолжает, разъясняет и развивает позицию по национальному вопросу, изложенную в “Манифесте” нашей организации. Очищая концепцию “нации” от буржуазной мистики и надклассовых иллюзий, мы прослеживаем строгую историческую эволюцию этого феномена – от эпохи становления капитализма до его тотального загнивания. В центре внимания этой части находится анализ беспрецедентных тектонических сдвигов в мировом экономическом базисе. Мы подробно рассматриваем окончательное капиталистическое решение аграрного вопроса, превращение бывших колоний в органические звенья империалистической цепи и формирование колоссальной резервной армии труда (относительного перенаселения) на “Глобальном Юге”. Анализируя эти процессы, мы доказываем, что материальная почва для буржуазно-демократических национальных движений сегодня полностью исчерпана, а сохраняющиеся национальные барьеры и иерархии служат исключительно целям искусственного раскола, политического подчинения и сверхэксплуатации мирового пролетариата.

Сегодня, когда мировой капитализм бьётся в конвульсиях, буржуазия вновь мобилизует один из своих главных инструментов удержания гегемонии – национализм. От степей Восточной Европы до песков Среднего Востока капиталы конкурирующих империалистических хищников сталкивают лбами рабочих под лживыми лозунгами "национального освобождения", "исторической справедливости" или "защиты отечества". И в этом деле мировой буржуазии активно прислуживает пёстрый хор оппортунистов – современных наследников сталинизма и троцкизма, которые подменяют классовую независимость пролетариата позорным выбором "меньшего империалистического зла".

Настало время развеять этот ядовитый идеологический туман. Предлагаемая статья – это попытка строго применить метод исторического материализма к "национальному вопросу". Прослеживая его историческую эволюцию – от эпохи восходящего капитализма до современного этапа тотального загнивания капиталистической системы, – мы доказываем: материальная база для прогрессивных национальных движений исчерпана при нынешней конфигурации мирового капитала. У рабочего класса нет отечества, которое нужно защищать, а любые национальные флаги сегодня служат лишь прикрытием межимпериалистического передела. Существует только одна альтернатива глобальному империалистическому варварству: революционное пораженчество и мировая диктатура пролетариата.

Прежде чем перейти к анализу, необходимо сразу оговорить статус выводов, которые будут представлены ниже. Марксистский метод по определению не производит вневременных истин: каждый тезис данной статьи выведен из анализа конкретного, исторически данного состояния мирового капиталистического базиса и сохраняет силу постольку, поскольку сохраняется это состояние. На обозримую историческую перспективу, при сохранении нынешней степени завершённости мирового рынка и товаризации сельского хозяйства, у нас нет оснований ожидать возрождения материальной базы прогрессивных национальных движений.

Вся история буржуазной политической мысли пронизана стремлением мистифицировать концепцию "нации". Официальные идеологии капитализма – от либерализма до фашизма – представляют нацию как некую вечную, внеисторическую, часто даже как биологическую сущность: будто французы говорили по-французски, а итальянцы по-итальянски испокон веков, а государство лишь оформило юридически то, что и без него существовало "в крови и почве". Эта буржуазная идеология выполняет вполне конкретную политическую задачу: затушевать непримиримый классовый антагонизм внутри общества, подчинить пролетариат интересам "своей" национальной буржуазии и связать эксплуатируемых с эксплуататорами цепями ложного "национального единства".

Но стоит взглянуть на сухие факты, и вся эта мифология рассыпается в прах. Германский таможенный союз (*Zollverein*), учреждённый Пруссией в 1834 году, объединил экономическое пространство десятков разрозненных немецких государств за 37 лет до политического объединения Германии в 1871 году под штыками бисмарковской политики "железа и крови". Единый национальный рынок как экономический факт исторически предшествовал нации как политической и культурной форме, а вовсе не наоборот, как утверждает буржуазная мифология "извечного народного духа". То же демонстрирует итальянское Рисорджименто: объединение полуострова в 1861 году под властью Савойской династии было актом создания рынка для молодой северо-итальянской буржуазии, а не осуществлением тысячелетней мечты "итальянского народа", который, по знаменитому замечанию Массимо д'Адзельо, ещё предстояло "сделать" уже после того, как была создана Италия. Капиталу для беспрепятственного обращения товаров и рабочей силы нужен был не воображаемый тысячелетний "народ", а вполне конкретная *унификация*: единая монета и устранение таможенных барьеров, единая мера длины и массы, единый свод законов, единая система образования, единый призывной возраст, единый язык делопроизводства. Нация в её современном виде – не предпосылка этой унификации, а её продукт.

К 1861 году, когда Виктор-Эммануил II был провозглашён королём объединённой Италии, на литературном итальянском языке – том самом, на который сегодня молится итальянский национализм, – свободно говорило, по оценке лингвиста Туллио Де Мауро, от силы 2,5 % – порядка 600 тысяч человек из 22 миллионов. Даже сам король и его премьер-министр Кавур чувствовали себя увереннее, говоря по-французски или по-пьемонтски, чем на языке Данте. "Итальянцев", о которых с придыханием говорит националистическая мифология, ещё нужно было изготовить – школой, железной дорогой и всеобщей воинской повин-

ностью, стягивавшей призывников из Пьемонта, Сицилии и Тосканы в один барак, где им приходилось на ходу изобретать общий язык.

Ровно та же картина была по другую сторону Альп. Ещё в 1863 году, если верить классическому исследованию Юджина Вебера, почти четверть населения Франции вообще не говорила по-французски, а к 1870 году – через 80 лет после революции, провозгласившей "единую и неделимую" французскую нацию – на этом языке уверенно изъяснялась едва ли половина жителей страны: остальные пользовались бретонским, окситанским, баскским, каталанским, фламандским, эльзасским или корсиканским языками. "Французов" в современном смысле слова слепили из этого лоскутного многоязычия за последующие полвека – всеобщей школой Третьей республики, сетью гужевых путей и железных дорог, дотянувшихся до последней деревни, и той же казармой, куда крестьянина из Оверни и рыбака из Бретани одинаково загоняли под ружьё и учили "любить родину", умирая за неё и убивая своих братьев по другую сторону фронта.

Российская империя даёт тому же тезису, пожалуй, самую наглядную иллюстрацию – именно потому, что официальная идеология самодержавия настойчивее любой другой в Европе твердила о "единой и неделимой" многовековой русской нации. Первая всеобщая перепись 1897 года срывает с этой мифологии покров. "Великорусский" язык – тот, что сегодня называют просто русским, – родным для себя назвали лишь 44,35 % населения империи; ещё 17,81 % говорили на "малорусском", то есть украинском, и 4,69 % на белорусском, и лишь потому, что перепись официально записывала все три группы в состав единого "русского народа", совокупная цифра дотягивала до 66,81 %. То есть даже с самой щедрой, имперски-ассимиляторской методикой подсчёта каждый третий подданный царя[1], не был "русским" ни в каком смысле слова, а носителей собственно великорусского наречия – того, что стало нормативным литературным языком – набиралось меньше половины. При этом 78,9 % населения европейской части империи не умело ни читать, ни писать вообще ни на каком языке, то есть "русская культура" и "русский язык" как общенациональное достояние существовали для подавляющего большинства подданных лишь в потенции, а не в действительности. Как и в случае Италии и Франции, единую нацию из этого материала предстояло ещё изготовить, и парадоксальным образом наиболее решительным инструментом этого изготовления стала не империя, а сокрушившая её двойная революция 1917 года: политика ликвидации неграмотности (ликбез) подняла уровень грамотности населения с примерно пятой части до фактически всеобщей за одно поколение, сделав общим достоянием то, что царизм полтора века держал уделом дворянства и городской верхушки. Показательно, что этот же большевистский аппарат, обучивший страну единому литературному языку, одновременно проводил и прямо противоположную *по видимости* политику коренизации – сознательного взращивания украинского, белорусского и десятков других национальных языков и письменностей, о чём подробнее пойдёт речь в третьей части этого цикла статей: и то, и другое было не "пробуждением" дремавших извечно наций, а их сознательным, институциональным конструированием, то есть это был процесс капиталистического буржуазного развития.

Однако было бы грубейшей ошибкой вульгарного экономизма остановиться на этом и свести нацию исключительно к рыночному базису, отрицая реальность её культурного измерения. Разоблачая буржуазную мифологию, мы утверждаем не то, что национальных культур и языков не существует – они более чем реальны, а то, что буржуазия задним числом объявляет их вечными, естественными и надклассовыми, скрывая тот факт, что ещё вчера они были административным проектом, а не "духом народа". Раз возникнув из потребностей базиса, национальная культура и язык – та же школьная норма итальянского, французского или русского языков – обретают собственную, относительно самостоятельную жизнь: закрепляются в литературе, семейной памяти, бытовых привычках, приобретая колоссальную историческую инерцию, которая переживает породившие её экономические обстоятельства на десятилетия и даже века. Именно это отличает марксистский анализ нации от карикатуры на него: экономика создаёт нацию, но, будучи созданной, нация начинает жить по частично собственным законам, и именно поэтому её нельзя ни объявить вечной (как делает буржуазия), ни отменить простым декретом (как наивно попытается сделать сталинский великодержавный шовинизм, о чём пойдёт речь ниже).

1 - Показательно, что и сам царь в быту общался со своей супругой на английском языке, а при Александре II главным языком российской аристократии оставался французский.

Для пролетарского авангарда национальный вопрос никогда не являлся абсолютной ценностью. Он всегда носил и носит строго подчинённый характер по отношению к главному противоречию капиталистической системы – противоречию между общественным характером труда и частной формой присвоения. Как провозгласили Карл Маркс и Фридрих Энгельс в "Манифесте Коммунистической партии":

«Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет. [...] *Национальная обособленность и противоположности народов всё более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни. Господство пролетариата ещё более ускорит их исчезновение»*.[2]

Анализ национального вопроса не терпит догматизма. Метафизическое заучивание цитат столетней давности без учёта изменения базиса ведёт к тяжелейшим оппортунистическим ошибкам. Марксистский метод требует рассматривать национальное движение в его историческом развитии, в неразрывной связи с эволюцией капиталистического способа производства.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

Капитализм не стоит на месте, органическое строение капитала непрерывно меняется, а вместе с ним трансформируется и материальная база национальных движений. Эту эволюцию можно разделить на несколько ключевых исторических этапов.

ЭПОХА ПРОГРЕССИВНОГО КАПИТАЛИЗМА (XIX ВЕК)

В период домонополистического капитализма формирование национальных государств в Европе выступало объективно прогрессивным фактором. Буржуазные революции сокрушали абсолютизм, расчищая арену для открытой классовой борьбы пролетариата.

Поддержка Марксом и Энгельсом национально-освободительных движений носила строго тактический характер. Когда Маркс поддерживал польское восстание против русского царизма, он делал это не из абстрактной любви к польской культуре, а потому, что царская Россия была жандармом Европы, главным оплотом феодальной реакции, готовым раздавить любую революцию на Западе (не только пролетарскую, но и буржуазную, которая прокладывала мостик к обострению уже классовой борьбы пролетариата). Польша была клином, вбитым в тело этого жандарма.

Показательна в этом отношении история польского восстания 1863–1864 годов. Уже тогда Маркс и только что основанный Первый Интернационал (1864) требовали от английского и французского рабочего движения солидарности с восставшими поляками, но не потому, что видели в польской шляхте или крестьянстве самостоятельный революционный субъект, а потому, что восстановление польской государственности означало бы удар сразу по трём главным жандармам европейской реакции – царской России, прусской и австрийской монархиям, – который расчищал почву для буржуазно-демократических, а вслед за ними и будущих пролетарских революций на Западе. Тактика, а не принцип, – таков был неизменный критерий Маркса.

Точно так же Маркс блестяще диалектически обосновал тактику в случае Ирландии. Британское владычество над Ирландией не только душило крестьян зелёного острова, но и развращало английский рабочий класс, превращая его в соучастника грабежа и привязывая к английской буржуазии. В Циркулярном письме Генерального Совета Первого Интернационала Федеральному Совету Романской Швейцарии Маркс писал:

«Народ, порабощающий другой народ, куёт свои собственные цепи.

Итак, позиция Международного Товарищества в ирландском вопросе совершенно ясна. Его главная задача – ускорить социальную революцию в Англии. Для этой цели необходимо нанести решающий удар в Ирландии.

Резолюция Генерального Совета об ирландской амнистии служит лишь введением к другим резолюциям, в которых будет сказано, что, не говоря уже о международной справедливости, предварительным условием освобождения английского рабочего класса является превращение существующей принудительной унии – то есть порабощения Ирландии – в равный и свободный союз, если это возможно, или полное отделение, если это необходимо».[3]

9 апреля 1870 года Маркс развивает свою мысль в письме Зигфриду Майеру и Августу Фогту:

2 - Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 4. С. 444.

3 - Маркс К. Генеральный совет – Федеральному совету романской Швейцарии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 16. С. 407.

«Обыкновенный английский рабочий ненавидит ирландского рабочего как конкурента, понижающего его уровень жизни. Он чувствует себя по отношению к нему представителем господствующей нации и именно потому делается орудием в руках своих аристократов и капиталистов против Ирландии, укрепляя этим их господство над самим собой. Он питает религиозные, социальные и национальные предубеждения по отношению к ирландскому рабочему. Он относится к нему приблизительно так, как белые бедняки относятся к неграм в бывших рабовладельческих штатах американского Союза. Ирландец с лихвой отплачивает ему той же монетой. Он видит в английском рабочем одновременно соучастника и слепое орудие английского господства в Ирландии.

Этот антагонизм искусственно поддерживается и разжигается прессой, церковными проповедями, юмористическими журналами – короче говоря, всеми средствами, которыми располагают господствующие классы. В этом антагонизме заключается тайна бессилия английского рабочего класса, несмотря на его организованность. В нём же заключается тайна сохранения могущества капиталистического класса. Последний вполне это сознаёт.

[…] *Англия, как метрополия капитала, как держава, до сих пор господствующая на мировом рынке, является пока самой важной страной для рабочей революции и к тому же единственной страной, в которой материальные условия этой революции достигли известной степени зрелости. Поэтому важнейшая цель Международного Товарищества Рабочих – ускорить социальную революцию в Англии. А единственное средство к тому – сделать Ирландию независимой».*[4]

Маркс поддерживал ирландское отделение исключительно ради того, чтобы взорвать классовый мир внутри самой Англии.

Обе эти позиции – в польском и ирландском вопросе – скреплены одной и той же диалектикой: угнетение чужой нации есть цепь, которой скована шея нации угнетающей; разбить эту цепь – значит освободить руки собственного пролетариата для классовой борьбы.

ЭПОХА КЛАССИЧЕСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА (НАЧАЛО XX ВЕКА)

С переходом капитализма в монополистическую стадию свободная конкуренция сменилась господством финансового капитала. Мир оказался территориально поделён между горсткой великих держав. Экспорт товаров уступил первенство экспорту капитала. В этот период национальный вопрос вышел за тесные рамки Европы и слился с колониальным вопросом. Мир раскололся на нации угнетающие (империалистические метрополии) и угнетаемые (колонии и полуколонии). Владимир Ленин обосновал, что национально-освободительная борьба сотен миллионов крестьян Азии и Африки становится объективным союзником европейского пролетариата, так как она подрывает экономические и политические тылы мирового империализма.

Материальным фоном этой эпохи служил колоссальный территориальный передел планеты. Берлинская конференция 1884–1885 годов формально разделила африканский континент между европейскими державами без единого африканского представителя за столом переговоров; англо-бурская война 1899–1902 годов и русско-японская война 1904–1905 годов обнажили хищнический, вооружённый характер борьбы за рынки сбыта и источники сырья; секретное соглашение Сайкса – Пико 1916 года, поделившее Средний Восток на английскую и французскую зоны влияния ещё до окончания мировой войны, стало прямой иллюстрацией ленинского тезиса о переделе уже поделённого мира. Именно на этом материале, а не на абстрактных рассуждениях о “праве народов”, Ленин строил своё понимание империализма как высшей стадии капитализма.

ЗАВЕРШЕНИЕ ЭПОХИ КОЛОНИАЛИЗМА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)

После второй мировой войны система прямого колониального управления рухнула. Бывшие колонии обрели формальную политическую независимость, получили собственные флаги, гимны и места в ООН. Национальная буржуазия “Глобального Юга” окончательно интегрировалась в глобальные цепочки создания стоимости, полностью исчерпав свой прогрессивный потенциал.

Ярчайшим историческим фактом, обнажающим подлинную классовую суть распада колониальной системы, является подписание Атлантической хартии в августе 1941 года. Буржуазная историография с придыханием преподносит этот документ, подписанный Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, как торжество идеалов свободы, провозгласив-

4 - Маркс К. Письмо Зигфриду Мейеру и Августу Фогту 9 апреля 1870 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 32. С. 558.

шее *право всех народов избирать форму правления, при которой они будут жить.*

Однако марксистский анализ срывает с этого акта гуманистическую мишуру и обнажает жестокую политэкономическую реальность. За спиной Рузвельта стоял колоссальный финансовый и промышленный капитал США, который в тот момент задыхался в границах Западного полушария. Американскому империализму жизненно необходимо было взломать закрытые экономические зоны Британской и Французской империй с их преференциальными пошлинами и стерлинговыми барьерами. Требование "свободы" и "самоопределения" для колоний в устах американской буржуазии означало лишь одно: требование свободного доступа для американских товаров и инвестиций на рынки Индии, Африки и Среднего Востока. Распад классической колониальной системы был не победой абстрактной справедливости, а прямым результатом межимпериалистической конкуренции, в которой финансовый диктат и транснациональные монополии нового гегемона – Соединённых Штатов – оказались гораздо эффективнее и дешевле устаревших методов прямой военной оккупации.

Процесс формального освобождения колоний прошёл через несколько отчётливых этапов. Формирование национальной буржуазии как класса началось ещё в колониальный период: колониальная экономика, при всём её подчинённом характере, порождала местные слои торгового, ростовщического, а затем и промышленного капитала, объективно стеснённые монополией метрополии на внешние рынки, кредит и таможенную политику. Именно этот класс, созревший внутри колониальной системы, но стеснённый её рамками, выступил политическим субъектом деколонизации. Бандунгская конференция 1955 года, собравшая представителей 29 государств Азии и Африки, стала не актом рождения этой буржуазии, а её первым развёрнутым политическим самоутверждением на мировой арене: провозглашённые принципы "третьего пути" между двумя империалистическими блоками холодной войны на деле фиксировали притязание уже сложившейся региональной буржуазии на собственное место под солнцем мирового рынка. 1960 год, вошедший в историю как "год Африки", принёс формальную независимость сразу семнадцати африканским государствам; в 1961 году в Белграде оформилось Движение неприсоединения. К концу XX века – от ухода Португалии из Анголы и Мозамбика в 1975 году до передачи Гонконга Китаю в 1997 году – карта колониальных владений в её классическом виде была стёрта окончательно.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ АГРАРНОГО ВОПРОСА (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XX–XXI ВЕК)

Ключевым материальным фактором, питавшим национально-демократические революции прошлого, был нерешённый аграрный вопрос – наличие гигантских масс крестьянства, страдавших от феодальных пережитков и иностранного гнёта. Сегодня этот вопрос в решающем, определяющем государствообразующую политику масштабе решён капиталистическим путём – при том понимании, что "решён" означает здесь не отсутствие отдельных докапиталистических очагов, а исчезновение того количественного порога, который во времена Коминтерна делал крестьянство стратегическим резервом мировой революции; это не абсолютное, а строго ограниченное по смыслу утверждение.

Глобальная "зелёная революция", экспансия агрохолдингов и тотальная товаризация сельского хозяйства привели к колоссальному расслоению деревни. Феодальные латифундии сменились капиталистическими фермами. Крестьянство в его классическом виде либо пролетаризировано (превращено в сельских батраков и мигрантов-чернорабочих), либо – при сугубо номинальном сохранении прежнего статуса – подчинено логике капитала.

Этот тезис не риторическая фигура, а фиксация измеримого сдвига в структуре занятости. По оценкам Международной организации труда, в мировом сельском хозяйстве (включая лесное хозяйство и рыболовство) сегодня занято около 0,9 миллиарда человек (916 миллионов в 2023 г., или примерно 26 % всей мировой занятости), из которых порядка 450 миллионов, то есть около половины, работают по найму. Доля аграрного сектора в мировой занятости последовательно сокращается. При этом докапиталистические пережитки не исчезли до последнего очага: в отдельных регионах Южной Азии, Африки южнее Сахары и части Латинской Америки полуфеодальные формы землепользования (издольщина, долговая кабала батраков) сохраняются и требуют отдельного, конкретного анализа применительно к каждому случаю.

Эта неравномерность, однако, носит не остаточный, а структурный характер. Деаграризация старых капиталистических метрополий практически завершена (1–3 % занятых в сельском хозяйстве в Великобритании, Германии, Франции, США), тогда как отток крестьянства из деревни в Китае и Индии остаётся продолжающимся, незавершённым процессом, а не свершившимся фактом.

Речь идёт, следовательно, не о линейной стадии одного всемирного процесса, а о разных полюсах внутренне неравномерной капиталистической системы. В старых метрополиях аграрный вопрос в значительной мере снят завершённой деаграризацией. В Китае и Индии он остаётся вопросом незавершённого перехода, в котором крестьянство ещё не вытеснено из деревни. В отдельных регионах Южной Азии, Африки и Латинской Америки он усложнён полуфеодальными формами землепользования, которые сохраняются в рамках того же мирового капиталистического хозяйства, а не вне его. Эта неравномерность не остаточная: она непрерывно порождается самим капиталистическим развитием.

Кроме того, было бы грубой социологической ошибкой сводить классовую структуру современного "Глобального Юга" лишь к фабрично-заводским рабочим и сельским батракам. Окончательное разрушение традиционных, докапиталистических аграрных укладов вышвырнуло колоссальные массы людей из деревни, но слабая промышленная база капитализма этих стран оказалась неспособна поглотить их. Это породило сотни миллионов представителей маргинализированного трущобного прекариата Африки, Латинской Америки и Азии – огромную армию труда, вытесненную в неформальный сектор экономики.

Здесь необходимо сделать методологическое уточнение, чтобы очистить термин "прекариат" от измышлений буржуазной социологии и избежать смешения этого слоя с тем, что классический марксизм называл люмпен-пролетариатом. Реформистская академическая наука пытается представить прекариат как некий новый класс, отличный от пролетариата, определяя его через нестабильность контракта. С точки зрения марксизма, такой подход глубоко ошибочен. Прекарность, то есть незащищённость условий воспроизводства рабочей силы, есть не частный признак какой-то группы наёмных работников, а родовое, структурное свойство пролетариата как класса при капитализме: продавая свою рабочую силу как товар, пролетарий в принципе не может обладать гарантией её сбыта. Те, кого сегодня называют "прекариатом", не есть отдельная от пролетариата группа и не есть просто одна из его частей, к которой можно было бы "свести" общее свойство класса. Это, с точки зрения политэкономии Маркса, тот слой, в котором родовая прекарность пролетариата принимает свою наиболее развитую, хроническую, овеществлённую форму – форму застойного относительного перенаселения (резервной армии труда). Иными словами, прекариат не есть частный сегмент, обладающий прекарностью в отличие от остального класса, а концентрированное, ставшее видимым выражение того условия, в котором в конечном счёте находится пролетариат как таковой.

К люмпен-пролетариату – деклассированным элементам без устойчивой связи с общественным производством (бродягам, преступникам, паразитическим слоям) – Маркс относился с презрением именно потому, что их материальное существование строится вне отношений найма и вне товарного производства, что делает их структурно восприимчивыми к подкупу реакцией. Трущобный прекариат современного "Глобального Юга" – качественно иное явление: это не деклассированные элементы вне производства, а рабочая сила, вытесненная из формального индустриального найма избыточным предложением труда, но продолжающая воспроизводить себя через продажу своей способности к труду – эпизодическую, неформальную, нестабильную, но именно продажу рабочей силы, а не паразитирование на чужом труде. Уличная торговля, подённый труд на стройке, работа курьером или домашней прислугой без контракта – всё это формы капиталистического найма, пусть и предельно незащищённые, а не формы, вынесенные за скобки капиталистического отношения. Именно поэтому прекариат объективно интегрируем в антикапиталистический фронт способом, недоступным для люмпен-пролетариата в строгом смысле слова.

Этот гигантский социальный слой не имеет ни малейшего объективного интереса ни в буржуазных "национально-освободительных" проектах, ни в земельных реформах, столь актуальных век назад. Задачей коммунистического авангарда сегодня становится не поддержка исламистского, националистического или лево-популистского руководства, паразитирующего на нищете этих

трущоб, а кропотливая политическая и организационная интеграция этого прекариата (как части единого пролетарского класса) в единый антикапиталистический фронт с промышленным ядром мирового рабочего класса.

С исчезновением докапиталистических пережитков исчезла и историческая база для "общенациональных" демократических этапов революции. Любая классовая борьба сегодня неизбежно носит объективно антикапиталистический, пролетарский характер. Национальная же повестка в XXI веке служит исключительно реакционным орудием – ширмой для межимпериалистических прокси-войн.

Значение этого сдвига трудно переоценить: там, где Коминтерн 1920 года обращался к "сотням миллионов" угнетённого крестьянства Востока как к стратегическому резерву мировой революции, современный коммунист обращается к сельскохозяйственному наёмному работнику агрохолдинга – фигуре не крестьянской, а вполне пролетарской, чьи интересы лежат не в переделе земли, а в классовой борьбе против капитала как такового.

Механизм этого сдвига – завершение создания глобального мирового рынка, опутавшего планету цепями транснациональных монополий и подчинившего логике товарного производства подавляющее большинство докапиталистических укладов, включая те очаги в Африке южнее Сахары и Южной Азии, где полуфеодальные пережитки сохраняются локально, но уже не образуют самостоятельной, способной задавать политическую повестку целых государств материальной базы. Иными словами, капитал не оставил докапиталистическим формам ни территории, ни социальной массы, на которые они могли бы опереться как на самостоятельную политическую силу: там, где раньше существовал уклад, способный породить собственную повестку и собственное движение, теперь остаются лишь локальные, экономически и политически подчинённые товарному производству анклавы.

Достаточно взглянуть на то, что стало с крестьянской общиной, которую Коминтерн полагал резервом революции. Земли, некогда занятые общинным или полуфеодальным землепользованием, в решающей своей части перешли под контрактное производство экспортных культур – какао, кофе, хлопка, пальмового масла – под контролем транснациональных трейдеров и переработчиков; бывший общинник либо превратился в формально независимого, но фактически полностью зависимого от корпоративного покупателя мелкого товаропроизводителя, либо – что показательнее – в прямого наёмного работника плантационного или агропромышленного хозяйства, лишённого какой-либо собственности на средства производства. Параллельно этому процессу шла массовая пролетаризация через трудовую миграцию: избыточное сельское население Южной Азии и Африки южнее Сахары не оседает на земле в качестве полуфеодального крестьянства, а перемещается – во внутреннюю промышленность и стройки, в портовые и добывающие анклавы, в трудовую эмиграцию в Израиль, страны Персидского залива и старые империалистические метрополии, – пополняя собой не крестьянский, а именно наёмный, пролетарский полюс общества. Там, где ещё сохраняются анклавы полуфеодальных отношений, они существуют не как альтернатива капиталистическому укладу, способная предложить целому региону собственную политическую повестку, а как локальная, экономически подчинённая аномалия внутри товарного хозяйства, не выходящая за рамки отдельных районов и не определяющая классовую структуру государства в целом.

Именно в этом и заключается историческая ирония: капитализм сам, своей безжалостной поступью, свёл материальную базу национального вопроса ниже того порога, на котором она в эпоху Коминтерна делала докапиталистическое крестьянство стратегическим резервом мировой революции. Завершив создание глобального рынка и подчинив своей логике то, что прежде существовало вне её, капитализм не усилил, а ликвидировал ту объективную материальную базу, которая некогда порождала национально-освободительные движения, – и тем самым, не желая того, избавил будущий Коминтерн от самой необходимости завоёвывать на свою сторону этого двойственного по своей классовой природе союзника, каким было докапиталистическое крестьянство эпохи Коминтерна.

Сегодня буржуазия так называемых "угнетённых" наций не борется за создание независимого экономического пространства (эта задача в XXI веке абсурдна и невыполнима); она борется за то, чтобы, используя противоречия между великими державами, выгрызть для себя максимально выгодные условия присвоения прибавочной сто-

имости, выжимаемой из "своего" пролетариата – без необходимости делиться ею с иностранными капиталистами в прежнем объёме. Национальный вопрос решён в указанном выше, ограниченном смысле – глобальный капитал сделал универсальными и однородными условия эксплуатации трудящихся от Нью-Йорка до Дакки, от Лондона до Киншасы.

Однако было бы грубейшей механистической ошибкой полагать, что капитализм, исчерпав историческую прогрессивность наций, тем самым автоматически стёр национальные границы и предрассудки. Напротив! Глобальный капитал развивается в высшей степени неравномерно. Он концентрирует финансовую мощь и сверхприбыли в немногих империалистических центрах, обрекая обширные зоны с более низким органическим строением капитала на роль сырьевых придатков и резервуаров дешёвой рабочей силы.

Эта объективная неравномерность капиталистического накопления является той питательной средой, на которой паразитирует современный реакционный национализм. Буржуазия искусственно консервирует национальные перегородки именно потому, что в эпоху глобализации национальное государство с его полицейским аппаратом и шовинистической идеологией остаётся её единственным спасательным кругом. Тот же капитал, что решил национальный вопрос позитивно – универсализацией условий эксплуатации, – решил его и негативно: из локомотива буржуазного прогресса нация превратилась в смирительную рубашку для производительных сил и орудие раскола пролетариата.

Что это означает для перспективы революции? Пролетариату больше не нужно проходить через "общедемократические" или "антиколониальные" этапы. Историческая эпоха тактических союзов с национальной буржуазией подошла к концу. Отныне любая революция может носить только строго пролетарский характер. Национальная повестка окончательно утратила свой освободительный потенциал; над миром может быть поднят только один флаг – флаг всемирной диктатуры пролетариата.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ КАК ОРУДИЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Было бы ошибкой полагать, что буржуазия культивирует национальные перегородки исключительно в идеологической плоскости, ради "отвлечения масс". Национальное деление рабочего класса выполняет для капитала прямую и вполне измеримую экономическую функцию: оно создаёт внутри единого мирового рынка труда искусственную иерархию правовых статусов, благодаря которой одна и та же рабочая сила оплачивается и защищается по-разному в зависимости от паспорта её носителя.

Классический послевоенный пример – система "гастарбайтеров" в ФРГ (соглашения с Италией 1955 года, Турцией 1961 года и рядом других стран): миллионы рабочих ввозились на условиях временного, юридически ущербного статуса, без политических прав, причём в фазе спада их легко можно было выслать обратно что превращало иностранную рабочую силу в амортизатор экономического цикла за счёт немецкого и – одновременно – турецкого или итальянского пролетариата. Ещё более обнажённую форму эта иерархия принимает в системе *кафала* в монархиях Персидского залива, где трудовой мигрант юридически привязан к нанимателю-спонсору, лишён права смены работы и объединения в профсоюз, то есть национальность здесь конвертирована в бесправие напрямую.

Та же логика работает и в обратном направлении – через управление иммиграционными потоками как инструментом давления на рынок труда "коренных" рабочих. Ужесточение или, напротив, либерализация миграционных режимов используется буржуазией старых империалистических метрополий попеременно то для понижения цены рабочей силы за счёт притока мигрантов, готовых работать за меньшую плату и в худших условиях, то – риторически – для консолидации "своих" рабочих вокруг националистической повестки, когда конкуренция за рабочие места обостряется в период кризиса. В обоих случаях реальным бенефициаром выступает капитал: в первом случае он давит на общий уровень заработной платы, во втором – канализирует недовольство пролетариата не против собственника средств производства, а против рабочего-соседа иной национальности.

Идеологическое оформление этой экономической функции обеспечивается всем арсеналом буржуазной надстройки – от бульварной прессы и парламентских партий, эксплуатирующих тему "понаехавших" и "отнятых рабочих мест", до профсоюзной бюрократии, регулярно смы-

кающейся с протекционистской, а не классовой, повесткой под лозунгом “защиты национального производителя”. Как уже говорилось, Маркс ещё в письме о положении английского и ирландского пролетариата показал механизм в его зародышевой форме: рабочие господствующей нации ощущают себя привилегированными по отношению к рабочим нации угнетённой, становясь тем самым орудием “собственной” же буржуазии. В эпоху империализма этот механизм лишь укрупнился и институционализировался: то, что при Марксе было стихийным предрассудком, сегодня – сознательно администрируемая система дифференцированных правовых статусов, виз, квот и трудовых разрешений, обслуживающая интересы капитала с бюрократической точностью.

Нельзя обойти и связанное с этим понятие рабочей аристократии – того слоя пролетариата метрополий, который за счёт монопольных сверхприбылей империализма получает подкуп в виде относительно более высокой заработной платы и социальных гарантий, что делает его материально заинтересованным в сохранении текущей мировой иерархии наций и, соответственно, восприимчивым к социал-шовинистской пропаганде. Национальное деление рабочего класса, таким образом, – это не только внешняя манипуляция “сверху”, но и объективный экономический механизм, воспроизводящий внутри самого пролетариата слои с различной степенью заинтересованности в существующем миропорядке. Задача коммунистов – не морализировать по этому поводу, а вскрывать материальный механизм подкупа и звать к его политическому преодолению через практику совместной классовой борьбы, а не через абстрактную проповедь братства народов.

Здесь кроется одна из величайших опасностей для рабочего движения нашего времени. Глобализация капитала и вызванные ею массовые миграционные потоки закономерно порождают ответную реакцию – стремительный рост ультраправого “популизма” (в Европе, США, России и др.). Буржуазия намеренно направляет объективный страх “коренных” рабочих перед безработицей, деградацией “социалки” и падением уровня жизни в русло расизма и ксенофобии. Официальные профсоюзы и реформисты, требуя “защиты наших рабочих мест” и ограничения миграции, лишь подыгрывают этому расколу, фактически объединяясь со “своей” национальной буржуазией.

Коммунисты обязаны противопоставить этому яду не беззубый либеральный “мультикультурализм” и морализаторство (которые являются лишь леволиберальной маской того же капитала), а беспощадную классовую борьбу: организационное объединение “местных” рабочих и рабочих-мигрантов в единые органы борьбы. Только совместное выступление за равную оплату труда, немедленную отмену системы дифференцированных миграционных статусов (включая нелегальный) и улучшение условий для всех пролетариев способно выбить материальную почву из-под демпинга зарплат и остановить сползание пролетарских масс в объятия ультраправого “популизма”. Эта общность практической борьбы, а не декларация симпатии, и есть материал, из которого куётся классовое единство.

Важно сразу зафиксировать, каким именно образом объективно прогрессивная тенденция капитала к перемешиванию наций соотносится с описанной здесь же реакционной волной ксенофобии, которую та же самая тенденция вызывает в фазе кризиса. Это не два равновероятных исхода одного процесса, между которыми коммунисты остаются нейтральными наблюдателями, дожидаясь, какой пересилит “в исторической перспективе”. Объективная тенденция к ассимиляции реализуется только через субъективную классовую борьбу – сама по себе, стихийно, она не побеждает реакцию, а порождает питательную почву для обеих возможностей одновременно. Отсюда прямой тактический вывод: там, где коммунисты пассивны, слабы или отсутствуют, зазор между объективной тенденцией и субъективным политическим оформлением массового недовольства неизбежно заполняет буржуазный национализм, поскольку у него есть государственный аппарат, пресса и партийные машины, а у пролетарского интернационализма – только организационная работа снизу. Поэтому совместные стачечные комитеты местных и приезжих рабочих, о которых сказано выше, – это не благое пожелание, а единственный известный марксизму механизм, который переводит объективный процесс перемешивания рабочей силы в субъективное классовое единство, не дожидаясь, пока это сделает сама история.

Август 2026 г.

СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЕЁ РОЛЬ В СТРАТЕГИИ ПРОЛЕТАРИАТА

Этой статьёй мы начинаем серию публикаций, цель которой – разъяснить позицию нашей организации по аграрному вопросу, изложенную в “Манифесте”, развить его выводы и наполнить их конкретно-историческим содержанием на материале аграрных революций в России и Германии. Первая статья закладывает понятийную и методологическую основу, последующие обратятся к историческому материалу.

Ежедневно сталкиваясь с варварством современного мира, многие неравнодушные наёмные работники задаются вопросом: как положить этому конец и что лично они могут для этого сделать? Однако в поисках выхода они сталкиваются, по сути, лишь с двумя очень распространёнными, но одинаково ложными вариантами. Первый – идеология, оправдывающая капиталистический порядок в целом и критикующая лишь его частности или его конкретное воплощение в отдельном регионе. Второй – идеология, которая в качестве альтернативы предлагает опыт СССР или других стран фальшивого социализма.

Общая черта этих идеологий – поиск мнимых или действительных пороков или достижений “социализма” в прошлом, в то время как действительно научный, марксистский подход заставляет нас сделать вывод о том, что человечество ещё не имело опыта жизни при социализме, но что это неизбежно предстоит ему в будущем. Рано или поздно.

Чтобы приблизить этот момент, прежде всего, необходимо добиться научного понимания процессов развития общества, а также сохранить ценнейшее наследие опыта теоретической борьбы предыдущих поколений революционеров, предпринимавших попытки свержения господствующего порядка ради лучшего будущего.

С этой целью мы и начинаем публиковать данную серию статей, в которой будет достаточно полно и систематически рассмотрен один из самых главных вопросов, связанных с объяснением фундаментальных изменений в обществе, – вопрос об аграрной революции.

В её рамках мы, в частности, рассмотрим такие проблемы, как влияние фактора аграрной революции на становление и развитие марксизма и место этого фактора – в частности, роли крестьянства – в стратегии

пролетариата. Отдельное внимание будет уделено решающей как в позитивном, так и в негативном плане роли крестьянства в буржуазно-демократических и социалистических революциях XIX–XX веков.

В первой статье мы рассмотрим научное понятие аграрной революции, включение фактора крестьянства в стратегию пролетариата, а также изложим основания для утверждения об инвариантности стратегии Ленина для России начала XX века по отношению к стратегии Маркса и Энгельса для Германии середины XIX века.

НАУЧНОЕ ПОНЯТИЕ АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Наша школа всегда чётко разделяла понятие революции в *узком* смысле этого слова и понятие революции в *широком* смысле.

Под первым подразумевается *политическая* революция, когда государственная власть переходит от одного класса к другому. Она разворачивается в краткосрочном и среднесрочном периодах и может занимать месяцы и годы.

Под вторым имеется в виду *социальная* революция – это более широкий по содержанию процесс, когда происходят отмирание отжившей общественной формации и утверждение более прогрессивной, совершается *качественный* переворот во всей социально-экономической структуре общества. И эта революция может продолжаться десятилетиями, даже несмотря на отсутствие революции в узком смысле, то есть политической революции. В этом случае прежний господствующий класс не свергается новым, а постепенно трансформируется в него. Исторически политическая революция происходит на достаточно зрелом этапе социальной, но всегда *до* полного созревания социально-экономических предпосылок нового строя. Уникальность же опыта России состоит в том, что впервые в истории задача довести до конца буржуазно-демократическую (аграрную) революцию, завершить переворот в социально-экономической структуре общества и ликвидировать остатки архаичных производственных отношений, свойственных предыдущей формации, выпала на долю победившего пролетариата.

Так, в знаменитом предисловии к работе "К критике политической экономии" Маркс различает понятия социальной революции и переворота в надстройке: на известной ступени развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, то есть, по сути, отношениями собственности, внутри которых они до этого развивались, – *«из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает* **эпоха** социальной революции. *С изменением экономической основы* **более или менее быстро** *происходит* **переворот во всей громадной надстройке***».* Причём Маркс особо настаивает на необходимости различать материальный переворот в экономических условиях производства, устанавливаемый с естественнонаучной точностью, и те идеологические формы (юридические, политические, религиозные, философские), *«в которых люди осознают этот конфликт и ведут борьбу за его разрешение»*[1].

Ленин, в свою очередь, характеризовал революцию *в узком* смысле как период, когда веками копившаяся в народе злоба прорывается наружу не в словах, а в действиях – причём в действиях миллионных масс, а не отдельных лиц: народ пробуждается и поднимается для собственного освобождения. При этом он оговаривал, что происходит это не сразу и не просто: такая борьба, взятая *«в узком, непосредственном смысле»*, *«растягивается на* **месяцы и годы** *"революционного вихря"»*[2].

В рамках этой же логики он пояснял:

«Переход государственной власти из рук одного в руки другого класса *есть первый, главный, основной признак* революции, *как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия»*.[3]

1 - Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 13. С. 7.
2 - Ленин В. И. К истории вопроса о диктатуре // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 41. С. 384.
3 - Ленин В. И. Письма о тактике // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 31. С. 133.

Кроме того:

«Переворот может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения, – тогда общество гниёт, и это **гниение** *затягивается иногда на* **целые десятилетия***».*[4]

Аграрная революция является важнейшей частью социальной революции, поэтому термин "аграрная революция" мы применяем в широком смысле, то есть для обозначения *эпохи*, в течение которой происходит ломка феодальных производственных отношений и приход на их место новых – капиталистических производственных отношений.

Это понятие употребляется нами не в том значении, которое ему придаёт буржуазная историография, где так называют рост технической вооружённости сельского хозяйства (новые культуры, севообороты, механизация). Для нас же оно означает смену производственных, то есть классовых, отношений в деревне; технические изменения интересуют нас лишь постольку, поскольку они связаны с этой сменой.

Соответственно, она включает в себя, прежде всего, совокупность следующих процессов:

1) разрушение внеэкономической зависимости крестьян от помещиков и переход последних к эксплуатации *наёмных* сельскохозяйственных рабочих, то есть превращение представителей *старого* господствующего класса – помещиков – в представителей *нового* господствующего класса – капиталистов, – наряду с появлением *новой, не связанной* с землевладельческим господствующим классом сельскохозяйственной крупной и мелкой буржуазии;

2) разложение всех механизмов земельной ренты – отработочного, продуктового и денежного (в России называемых соответственно барщиной, натуральным и денежным оброками);

3) отделение непосредственного производителя, то есть крестьянина, от средств производства, прежде всего *земли*, и его превращение в сельскохозяйственного или городского промышленного наёмного рабочего: как указывал Маркс в "Капитале", «[исторические] *условия... существования* [капитала] *не исчерпываются наличием товарного и денежного обращения. Капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке* **свободного рабочего** *в качестве продавца своей рабочей силы»*[5], причём «[свободного] *в двояком смысле: они сами не принадлежат непосредственно к числу средств производства, как рабы, крепостные и т. д., но и средства производства не принадлежат им, как это имеет место у крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, и т. д.; напротив, они свободны от средств производства, освобождены от них, лишены их»*[6].

Соотношение аграрной революции и буржуазно-демократической революции состоит в следующем. Аграрная революция – это социальное содержание переворота в деревне, который совершается на протяжении целой эпохи; буржуазно-демократическая революция – его политическая форма, в которой переворот получает законченное выражение, когда власть переходит к новому классу и устраняются остатки старых отношений. Ленин указывал, что аграрный вопрос составляет основу буржуазной революции в России. Он различал два возможных пути такого переворота. При первом, "прусском", помещичье хозяйство постепенно перестраивается на капиталистический лад, помещик превращается в капиталиста, а крестьянство разоряется и подчиняется ему. При втором, "американском", помещичье землевладение ломается революционным путём, и развивается свободное фермерское хозяйство. В России в 1905–1907 гг. вопрос стоял о том, по какому из двух путей пойдёт развитие. Именно в этом заключается глубокий экономический смысл пролетарской гегемонии: рабочий класс кровно заинтересован в победе "американского" пути, поскольку наиболее радикальная, революционная расчистка деревни от феодальных пережитков создаёт наилучшие условия для последующей классовой борьбы самого пролетариата за социализм.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОЛЬ КРЕСТЬЯНСТВА

Обратимся к истории аграрной революции в двух странах, пролетариат которых смог создать самые влиятельные партии в истории рабочего движения, одна из которых пока единственный раз в истории человеческого общества смогла одержать победу в классовой борьбе и удержать её в течение более или менее значимого отрезка времени. Речь идёт о России и Германии. Само собой, под победой здесь понимается завоевание

4 - Ленин В. И. Последнее слово "искровской" тактики, или потешные выборы, или новые побудительные мотивы для восстания // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 11. С. 367.

5 - Маркс К. Капитал. Том I // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 181.

6 - Там же. С. 726.

и удержание государственной власти пролетариатом, а не построение социализма.

Однако нас как революционеров интересует не аграрный вопрос сам по себе, а его роль в стратегии нашего класса, точнее, какую роль в ней должно было сыграть крестьянство.

И в этом вопросе *принципиально* важно разделять:

1) "крестьянские страны", то есть страны, где большинство сельского населения составляли крестьяне в собственном смысле слова, то есть сельские трудящиеся, принадлежащие к *докапиталистическому* классу, где процесс современного, капиталистического классообразования ещё был далёк от завершения;

2) "развитые страны" – развитые в том смысле, что в них уже был *в основном решён* аграрный вопрос, а докапиталистические пережитки в аграрном секторе либо носили остаточный характер, либо были полностью подчинены новому, капиталистическому укладу и быстро разлагались.

Это типология не только территорий, но и исторических состояний: одна и та же страна на разных этапах может относиться к разным группам. Так, Германия середины XIX века относится к первой группе, а Германия конца XIX века – ко второй. Критерий, по которому осуществляется разделение на две группы – степень завершённости аграрной революции; классовый состав населения – лишь следствие и индикатор.

"КРЕСТЬЯНСКИЕ СТРАНЫ"

После поражения европейских революций 1848–1849 годов (известных как "Весна народов") Маркс и Энгельс пришли к выводу, что в *крестьянских странах* рабочий класс может воспользоваться ещё остающимся *революционным* потенциалом крестьянства, чтобы придать *собственной* революции необходимый *размах*. Они неоднократно выражали эту точку зрения в виде компактных формул:

«[…] *пролетарская революция получит тот хор, без которого её соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню»*[7];

«[всё] *дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием Крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно»*[8];

«Коммуна имела полное право объявить крестьянам, что "её победа – их единственная надежда!"»[9].

Последняя формула относится к Франции 1871 года, где феодальные отношения были упразднены ещё Великой французской революцией, а крестьянство состояло из собственников парцелл. Следовательно, второе из условий, формулируемых ниже (пережитки крепостнического землевладения), в этом случае не выполнялось, и союз с крестьянством имел иное основание: общий интерес в борьбе с налоговым и долговым гнётом. Мы ссылаемся на эту формулу как на пример общей линии Маркса на союз пролетариата с крестьянством, а не как на пример стратегии для "крестьянских стран" в строгом смысле.

Отсюда следует, что для реализации стратегии Маркса и Энгельса были необходимы два условия:

1) достаточно многочисленный, боевой, организованный и сознательный пролетариат;

2) революционное крестьянство, объективно заинтересованное в свержении власти помещиков и ликвидации де-факто крепостнических пережитков (для этого в данной стране должны были повсеместно и в больших масштабах сохраниться эти пережитки, главным образом крупное крепостническое землевладение).

В Германии середины XIX века налицо было второе условие, но недоставало первого. Беспощадную, но реалистичную, оценку состоянию пролетариата того времени дал Энгельс: «[Пролетариат] *неразвитый, выросший в полном духовном порабощении, неорганизованный и даже ещё не способный к самостоятельной организации, только смутно чувствовал глубокую противоположность своих интересов интересам буржуазии».*[10]

Маркс и Энгельс констатировали, что буржуазные революции "Весны народов" потерпели поражение, потому что к тому времени буржуазия стала *контрреволюционным* классом, а пролетариат ещё не был готов к тому, чтобы возглавить революцию. Причина этого стремительного перехода буржуазии в лагерь реакции коренилась в её страхе перед уже поднимающимся рабочим движением. Страх перед собственным пролетариатом оказался для неё сильнее неприязни к феодальным пережиткам, поэтому буржуазия предпочла предать крестьянство – своего естественного союзника

7 - Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 8. С. 607.

8 - Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу, 16 апреля 1856 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 29. С. 37.

9 - Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 17. С. 348.

10 - Энгельс Ф. Маркс и "Neue Rheinische Zeitung" // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 21. С. 16.

по буржуазно-демократическому перевороту – и пойти на сделку с помещиками. Как доказывал Энгельс в работе "Крестьянская война в Германии", это не было ситуативным испугом 1848 года, а являлось фундаментальной исторической закономерностью: ещё в 1525 году немецкие бюргеры предали восставших крестьян Томаса Мюнцера, испугавшись их радикальных требований.

Парижская коммуна 1871 года, социалистический *штурм неба*, потерпела поражение при иных обстоятельствах: буржуазно-демократические задачи во Франции к тому времени были в основном решены, а сама Коммуна осталась изолированной от крестьянства.

Именно историческая трусость буржуазии объективно обусловила необходимость для пролетариата стать гегемоном, то есть взять на себя руководство крестьянской аграрной революцией. Более того, к началу XX века эта контрреволюционность буржуазии многократно усилилась в связи с переходом капитализма в высшую, империалистическую стадию. Как отмечал Ленин, российская либеральная буржуазия была уже намертво связана финансовым капиталом с европейским империализмом и военно-феодальным аппаратом царизма, что делало её органически неспособной к радикальному решению аграрного вопроса.

Энгельс в "Революции и контрреволюции в Германии" – цикле статей, написанных с сентября 1851-го по сентябрь 1852 года, – на обширном фактическом материале представил анализ германской революции 1848–1849 годов. В этой работе он развил тезисы, которые высказывал вместе с Марксом ещё во время самой революции, на страницах *Neue Rheinische Zeitung* – газеты, выходившей ежедневно в Кёльне под редакцией Маркса с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 года. Лейтмотив – неспособность немецкой либеральной буржуазии сыграть руководящую роль в буржуазной революции, её смещение на контрреволюционные позиции, предательство интересов своего лучшего союзника в борьбе с феодализмом – крестьянства. Впоследствии, как мы продемонстрируем в дальнейшем, к этим выводам часто обращался Ленин, начиная с анализа характера и движущих сил революции 1905–1907 годов в России, когда отстаивал свой тезис о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции.

Из этого эмпирического факта следовал вывод для стратегии пролетариата: необходимо привлечь в качестве союзника крестьянство, находящееся под двойным гнётом (феодализма и капитализма), опираясь на ту сторону его двойственности, которая обращена к переменам, зеркально воспроизводя антитезу, которую Маркс формулирует в своей знаменитой работе 1852 года "Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта".

В ней Маркс поясняет, что династия Бонапарта опирается не на революционного, а на консервативного крестьянина – не на того, кто стремится вырваться из условий существования, задаваемых его парцеллой, а на того, кто хочет эти условия и эту парцеллу сохранить и укрепить; не на ту часть сельского населения, что тянется к городу и готова собственной энергией ниспровергнуть старый порядок, а на ту, что, напротив, тупо замыкается в этом порядке и ждёт спасения себе и своей парцелле от призрака империи.

Иными словами, *«династия Бонапарта является представительницей не просвещения крестьянина, а его суеверия, не его рассудка, а его предрассудка, не его будущего, а его прошлого»*[11].

Это замечание Маркса мы используем здесь, чтобы показать двойственность крестьянства как класса (революционную и консервативную стороны), а не как прямое описание немецкого крестьянства 1848 года.

Тот факт, что увлечь за собой крестьянские массы смогла *контрреволюционная* буржуазия, а не *революционный* пролетариат, и стал главной причиной того, что революции "Весны народов" не были радикальными, не были доведены до конца даже в *буржуазном* смысле, не говоря уже о том, чтобы открыть перспективу для реализации интернационалистской *социалистической* стратегии пролетариата. Но эта стратегия вскоре была разработана Марксом и Энгельсом. Таким образом, при полном созревании и определённой комбинации тех условий, которых ещё не было в середине XIX века в Германии, она могла получить шанс на реализацию в другом месте со схожей аграрной эволюцией.

"РАЗВИТЫЕ СТРАНЫ"

Своё законченное видение роли крестьянства в социалистической революции в развитых странах Энгельс изложил незадолго до своей смерти в *программной* статье 1894 года "Крестьянский вопрос во Франции и Германии": союзник промышленного пролетариата – сельскохозяйственный

11 - Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 8. С. 209.

пролетариат, для крестьян в собственном смысле слова – следующая программа:

«[…] *главная задача состоит в том, чтобы ясно показать крестьянину, что мы можем спасти, сохранить его усадьбу и земельное владение, только превратив их в кооперативное владение и кооперативное производство. Именно единоличное хозяйство, обусловленное единоличным владением, и ведёт крестьян к гибели. Если они будут настаивать на своём единоличном хозяйстве, то неминуемо лишатся и дома и усадьбы, капиталистическое крупное хозяйство вытеснит их устаревший способ производства».*

Пролетарская партия предлагает крестьянам возможность самим вести крупное хозяйство не в пользу капиталистов, а в свою собственную, общую пользу. При этом она не может обещать мелким крестьянам защиту их единоличной собственности против натиска капитала. Но она может обещать не вмешиваться силой в их имущественные отношения против их воли, по возможности смягчать несправедливость этой борьбы и препятствовать прямому грабежу и обману. Успех здесь, признаёт Энгельс, будет скорее исключением, чем правилом – и всё же то, *на чьей стороне окажется политическая власть, обманщика или обманутого, всегда будет составлять большую разницу*. Если крестьянин сам решится на переход к товариществу, пролетарская партия обязана ему в этом помочь, а если не готов – дать время на размышление. Энгельс объясняет такой подход не только надеждой видеть в трудовом мелком крестьянстве резерв партии, но и прямым интересом самой партии: чем больше крестьян удастся уберечь от пролетаризации и привлечь на свою сторону ещё как крестьян, тем скорее и легче совершится общественный переворот, – а средства, потраченные на это сейчас, при всей кажущейся "убыточности" с точки зрения капиталистической экономики, на деле окупятся многократно за счёт экономии на последующем, общем преобразовании. При этом он решительно предостерегает: партия не должна давать крестьянам ни малейшего повода думать, будто она намерена сохранять парцелльную собственность на длительный срок. Её долг, напротив, состоит в том, чтобы вновь и вновь разъяснять крестьянам полную безнадёжность их положения при капитализме и неотвратимость того, что крупное капиталистическое производство раздавит их мелкое, устарелое хозяйство *«как железнодорожный поезд – ручную тачку. Поступая так, мы будем действовать соответственно неизбежному ходу экономического развития, а оно уже прочистит крестьянам мозги для понимания наших слов»*[12].

Мелкий крестьянин в развитых странах, о котором говорит Энгельс, уже не является представителем докапиталистического класса в том смысле, в каком это слово употреблено выше. Это мелкий собственник и товаропроизводитель, подчинённый капиталу и разоряемый им, то есть находящийся на пути превращения в пролетария; поэтому союз с ним строится на иных основаниях, чем в "крестьянских странах".

ИНВАРИАНТНОСТЬ ПРОЛЕТАРСКИХ СТРАТЕГИЙ

Инвариантность содержания стратегии пролетариата в России начала XX века относительно стратегии пролетариата в Германии середины XIX века – не случайность, а требование самой объективной логики вещей, которую стремится адекватно отразить научный подход. Для этого были *объективные* причины, коренящиеся в истории аграрных революций в этих странах: хотя между этими революциями и были *различия* – они стартовали в разное время и развивались с разной скоростью, – мы не считаем их определяющими для нашего вывода, поскольку они имели сходные начальные условия и траектории. Полное обоснование этого вывода будет дано в следующих статьях серии. Заметим также, что международная обстановка в середине XIX и в начале XX века была неодинаковой: Россия вступила в эпоху революций уже в период империализма, при более развитом мировом рынке и с пролетариатом, имевшим опыт организованной борьбы; влияние этого различия на стратегию мы рассмотрим отдельно.

В связи с этим следует уточнить, в каком смысле мы употребляем *в данной статье* понятие инвариантности. Речь идёт не о неизменности стратегии вообще, а об её неизменности для стран, в которых сложились одинаковые начальные условия аграрной эволюции, в первую очередь – личное освобождение крестьян при сохранении землепользования. Для стран с иными начальными условиями, как показывает пример "развитых стран", стратегия строится иначе.

Наглядной иллюстрацией наблюдаемого нами сходства служит следующая цитата: если не знать её автора и дату, то невозможно понять,

12 - Энгельс Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Полн. собр. соч. Изд. 2-е. Т. 22. С. 520–521.

идёт ли речь о Германии середины XIX века или России начала XX века:

«Старая политическая власть – корона божьей милостью, опекающая всё и вся бюрократия, самостоятельная армия – чувствовала, что её собственная материальная основа уходит у неё из-под ног, коль скоро совершалось покушение на основы старого общества: на привилегированное дворянское землевладение, на само дворянство, на господство деревни над городом, на зависимое положение деревенского населения и на законодательство, соответствующее всем этим условиям жизни, как например, муниципальное положение, уголовное законодательство и т. п.»[13], – так описывал Пруссию 1849 года Карл Маркс.

Сходство описаний политической власти есть сходство явлений, и само по себе оно не доказывает тождества сущности. Основание для вывода об инвариантности заключается в сходстве начальных условий аграрной эволюции.

Какова *главная* черта, которая объединяет Россию и Германию с точки зрения аграрной революции?

В них личное освобождение крестьян сопровождалось сохранением их землепользования. Таких государств немного, и самыми крупными из них являлись именно Россия и Германия (особенно Пруссия – самое крупное из германских государств).

Речь идёт о сохранении за крестьянами некоторой доли земли и права пользования ею, а не о сохранении её в прежнем объёме и на прежних условиях. В обеих странах это сохранение было частичным и обременённым: в Пруссии реформа, начавшаяся в 1807 году, была связана с уступкой помещикам части крестьянской земли и денежными выплатами, в России реформа 1861 года сопровождалась выкупными платежами и "отрезками" от крестьянских наделов. Различались и формы землепользования: в России сохранялась община с переделами, в Пруссии складывалось индивидуальное крестьянское хозяйство. Наконец, применительно к Германии имеются в виду прежде всего Пруссия, земли к востоку от Эльбы с преобладанием крупного помещичьего (*юнкерского*) землевладения; в других германских землях аграрные отношения складывались иначе.

Наши оппоненты могут возразить, что наличие общины делало условия России уникальными и требовало от Ленина принципиально новой стратегии, а не переноса немецкого опыта. Они могут сослаться на то, что Маркс и Энгельс (в частности, в переписке с В. Засулич и предисловии к русскому изданию "Манифеста" 1882 года) допускали возможность для русской общины стать исходным пунктом социалистического развития, минуя капитализм. Этому вопросу мы посвятим отдельную статью. Здесь же пока отметим, что классики ставили это в жёсткую зависимость от победы пролетарской революции на Западе. К началу XX века анализ Ленина (в работе "Развитие капитализма в России") исчерпывающе доказал, что это условие не реализовалось: капитализм уже глубоко проник в деревню и необратимо разложил общину на сельскую буржуазию и пролетариат. Поэтому для марксистского анализа определяющей является не форма землепользования (индивидуальная или общинная), а сам факт сохранения привязанности крестьянина к земле на условиях, обеспечивающих отработочную или переходную ренту в пользу помещика. Община в России лишь придала специфическую форму процессу расслоения крестьянства, но не отменила фундаментального факта двойного гнёта (феодальных пережитков и наступающего капитализма), который и делал крестьянскую массу объективно революционной в *буржуазно-демократическом смысле*.

Это начальное условие обеспечило в итоге похожие траектории аграрной эволюции этих стран, а для того, чтобы понять, почему эти революции начались в разное время и развивались с разной скоростью, необходимо обратиться к специальным исследованиям, что мы и сделаем в следующих статьях серии.

МИФ О "НОВОМ ВИДЕНИИ" ЛЕНИНА

Пока же считаем важным отметить, что этот научный взгляд опровергает распространённый миф о том, что Ленин якобы отошёл от взглядов Маркса и Энгельса на роль крестьянства в пролетарской революции. Суть этого мифа в том, что основатели научного коммунизма якобы видели в крестьянстве лишь обречённый на разорение, мелкобуржуазный и в целом нереволюционный класс, а Ленин, вопреки им, впервые увидел в нём революционную силу и союзника пролетариата.

Сторонники подобной точки зрения упускают из виду тот *основополагающий* факт, что условия, сложившиеся в России начала XX века, были аналогичны условиям в Германии середины XIX века, а не Германии и Франции конца XIX – начала XX века. То есть в России имелись в наличии те два условия, которые ещё позволяли реализовать стратегию Маркса и Эн-

13 - Маркс К. Процесс против Рейнского окружного комитета демократов. Речь // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 6. С. 268.

гельса для "крестьянских стран", поэтому здесь она могла увенчаться и в конечном итоге увенчалась победоносной пролетарской революцией. При этом вывод, что российский пролетариат достиг достаточного уровня организованности и сознательности, опирается на тот факт, что к 1917 году в России сложился многочисленный, сконцентрированный на крупных предприятиях рабочий класс, прошедший через опыт стачечного движения и революции 1905–1907 годов, создавший Советы и революционную партию в лице большевиков во главе с Лениным, которая смогла сохранить научное завоевание Маркса и Энгельса, отстоять *методологическую инвариантность* научного коммунизма, сформировать соответствующую программу и построить организацию, способную претворить её в жизнь.

Миф, о котором мы ведём речь, возник не задним числом: он сложился внутри самой российской социал-демократии, в спорах об аграрной программе и о роли крестьянства в грядущей революции. Причём среди его самых ранних сторонников были не второстепенные фигуры, а ключевые деятели русского марксизма: Георгий Плеханов, основатель первой русской марксистской организации, группы "Освобождение труда", состоявший в переписке с Энгельсом, и Юлий Мартов, один из основателей Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, впоследствии один из лидеров меньшевиков. Взгляды Плеханова будут рассмотрены в специальной статье об аграрной программе русских марксистов.

Мартов продолжал придерживаться этого взгляда даже после Октябрьской революции, *наглядно-эмпирически* продемонстрировавшей ошибочность его собственной политики и правоту Ленина. В "Истории российской социал-демократии" лидер меньшевиков объясняет, что тактика, рекомендованная "Искрой", опиралась на стихийные тенденции самого движения – как в политической, так и в экономической сфере: *«захватным»* порядком рабочие крупных городов добивались свободы собраний и фабричного представительства и тем же порядком с февраля 1905 года крестьянское движение ломало исторически сложившиеся аграрные отношения, тогда как на окраинах параллельно с аграрной разворачивалась *«муниципальная революция».* Выдвигавшийся меньшевиками в этих условиях лозунг *«революционного самоуправления»*, по мнению Мартова, верно улавливал общую тенденцию переворота, определявшуюся многообразием общественно-политических условий страны, и отвечал задаче развития максимальной активности народных масс, отученных вековой историей от общественной самодеятельности. Слабым же местом этой тактики он считает сознательный отказ от организационного объединения народных движений – такое объединение казалось технически невыполнимым при отсутствии единого центра политической борьбы и при неготовности масс к самостоятельной общественной деятельности, – и именно *«эта слабая сторона* **единственно возможной** *для рабочей партии в данных исторически условиях тактики вызвала* […] *резкую критику её со стороны "большевиков"»*[14].

Примечательно, что в этой же работе он точно и ясно излагает суть позиции Ленина: предстоящее активное и политически самостоятельное выступление мелкобуржуазной демократии – залог того, что переворот не выйдет за рамки буржуазной европеизации российских общественных отношений, но одновременно и условие того, что эта европеизация совершится в полной мере и в самых крайних формах, преодолев сдерживающее влияние имущего, склонного к компромиссу либерализма. Отсюда, по Мартову, и *основной тактический принцип большевизма – тесный союз пролетариата с мелкобуржуазной демократией и борьба с либеральным движением за её полное освобождение из-под этого влияния*, а раздел власти между пролетариатом и крестьянской демократией – вероятный и желательный исход политического кризиса. Этим же он объясняет упор большевиков на укрепление партийной организации, агитацию в армии, а также постановку вопроса *«о пересмотре аграрной программы партии, как не могущей удовлетворить подымающиеся крестьянские массы»*[15].

Эти мысли Мартова хорошо показывают расхождение между большевиками и меньшевиками в оценке роли крестьянского движения и характеризуют тактику меньшевиков, идущую в хвосте стихийного движения масс (в том числе крестьянских). Хотя здесь Мартов и не утверждает прямо, что Ленин отступил от Маркса, но хочет убедить читателя, что эта тактика была собственным ленинским "изобретением", и не упоминает важнейший и очень весомый в спорах *между* марксистами аспект: она полностью соответствует тому, что в подобных условиях предлагали делать Маркс и Энгельс.

14 - Мартов Л. История российской социал-демократии. Период 1898–1907 г. Изд. 3-е. М. – Пг.: Книга, 1918. С. 102.
15 - Там же. С. 106.

Если Мартов формулировал этот миф с позиций меньшевизма начала века, то в современной академической науке этот же ошибочный взгляд воспроизводят даже крупные исследователи-аграрники, такие как Теодор Шанин. По словам Шанина, Ленин якобы создал *«новое видение»* по сравнению с *«ортодоксальным»* марксизмом: *«Ленин стремительно пошёл к выстраиванию новой идейной схемы грядущей революции. Его объяснение революционного движения крестьянства состояло теперь в том, что Россия всё ещё являлась аграрной и во многом докапиталистической страной.* […] *Революция же носила буржуазный характер и была направлена на свержение феодального государства и устранение социально структуры феодального общества. Таково было новое видение того, почему крестьяне продолжали оставаться организованным и революционным классом».*[16]

Как видим, Шанин противопоставляет эту схему "ортодоксальному" марксизму, тогда как в действительности она полностью совпадает с тем, что Маркс и Энгельс считали условием, при выполнении которого крестьянство может сыграть революционную роль в "крестьянских странах".

Подобное непонимание стратегии Маркса, свойственное современным академическим "экспертам", уходит корнями в старые внутрипартийные дискуссии. Тот факт, что ленинская (и большевистская в целом) стратегия была не разрывом с Марксом, а точным применением его метода, блестяще показал Лев Троцкий. Полемизируя с Карлом Радеком, который пытался доказать, будто Маркс не допускал союза пролетариата и крестьянства, Троцкий в своей работе "Перманентная революция" обращается к той самой мысли Маркса о "втором издании Крестьянской войны", которую мы приводили выше:

«Однако же, и позицию Маркса Радек берёт несерьёзно, случайно, эпизодически, ограничиваясь циркуляром 1850 года, где Маркс ещё рассматривает крестьянство, как естественного союзника мелкобуржуазной городской демократии. Маркс тогда ждал самостоятельного этапа демократической революции в Германии, т. е. временного прихода к власти городских мелкобуржуазных радикалов, опирающихся на крестьянство. Вот в чём гвоздь! Но ведь этого то как раз и не произошло. И не случайно. Уже в середине прошлого столетия мелкобуржуазная демократия оказалась бессильной совершить свою самостоятельную революцию. И Маркс этот урок учёл. 16-го августа 1856 года – через 6 лет после упомянутого циркуляра – Маркс писал Энгельсу:

"Всё дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны. Тогда дело пойдет прекрасно".

Эти замечательные слова, совсем позабытые Радеком, являются поистине драгоценнейшим ключом к октябрьской революции и ко всей занимающей нас проблеме в целом. Перескакивал ли Маркс через аграрный переворот? Нет, как видим, не перескакивал. Считал ли он необходимым сотрудничество пролетариата и крестьянства в ближайшей революции? Да, считал. Допускал ли он возможность руководящей или хотя бы самостоятельной роли крестьянства в революции? Нет, не допускал. Маркс исходил из того, что крестьянство, которому не удалось подпереть буржуазную демократию в самостоятельной демократической революции (по вине буржуазной демократии, а не крестьянства), сможет подпереть пролетариат в пролетарской революции. "Тогда дело пойдёт прекрасно". *Радек*[17] *как будто не хочет замечать, что это самое произошло в Октябре, и произошло не плохо».*[18]

Этот исчерпывающий анализ Троцкого наглядно демонстрирует всю несостоятельность мифа о ленинском отступлении от ортодоксального марксизма.

К критике взглядов оппонентов Ленина в рамках российского рабочего движения мы ещё вернёмся в специальной статье, посвящённой аграрной программе русских марксистов. Но сначала, в ближайшей статье этой серии, мы хотели бы остановиться на этапах и сроках аграрной революции в России и Германии, а также на наиболее важных фактах, связанных с этим историческим процессом. Тезис о "новизне" ленинской позиции часто связывают с эволюцией взглядов Ленина от 1905 к 1917 году (революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, "Апрельские тезисы") и с теорией перманентной революции Троцкого: эти вопросы также будут рассмотрены в специальной статье.

Сентябрь 2026 г.

16 - Шанин Т. Четыре с половиной аграрных программы Ленина // Отечественные записки. 2004. № 1 (16). URL: https://strana-oz.ru/2004/1/chetyre-s-polovinoy-agrarnyh-programmy-lenina.

17 - И как мы сейчас видим, далеко не только Радек, но и современные «эксперты».

18 - Троцкий Л. Перманентная революция. Берлин: Из-во "Гранит", 1930. С. 133–134.

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА И РЕВОЛЮЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ

Предлагаемая вниманию читателей статья задумывалась как концептуальное предисловие к до сих пор не изданной книге, посвящённой истории распространения марксизма в России и становлению первых пролетарских организаций, которую мы готовили к 100-летию Октябрьской революции.

Подлинная история рабочего движения немыслима без строгого анализа материального базиса. Именно поэтому важнейшей задачей исследования стало изучение объективных социально-экономических условий Российской империи рубежа XIX–XX веков – того реального исторического фундамента, из которого органически выросла и на который опиралась большевистская партия. Без ясного понимания специфики российского капитализма, тесно сплетённого с пережитками крепостничества, невозможно понять, почему ленинская революционная стратегия оказалась единственно верной, а её политические оппоненты неизбежно скатывались в оппортунизм.

Сегодня, когда вокруг истории революционного движения нагромождены горы идеологического мусора, особенно важно препарировать устойчивые мифы, искажающие суть классовой расстановки сил накануне 1917 года. Данная работа вскрывает поразительное классовое родство позиций социал-шовиниста Плеханова и социал-империалиста Сталина – будущей персонификации контрреволюции – в их отрицании самостоятельной империалистической природы русского капитализма. Разбирая анатомию российского военно-феодального империализма, статья доказывает: бескомпромиссный ленинский курс на поражение собственного правительства в мировой бойне и перерастание буржуазной революции в социалистическую был не волюнтаристским прыжком, а строгим научным выводом, вытекавшим из объективного места России в мировой капиталистической системе.

В 1924 году в работе "Об основах ленинизма" И. В. Сталин писал, что *«царская Россия была величайшим резервом западного империализма»*, его *«сторожевым псом»* и *«агентурой».* Очевидно, что из этих оценок вытекало зависимое, подчинённое положение Российской империи по отношению к западным державам. В этом случае действительно получалось так, что 14-миллионая русская армия проливала кровь *«для обеспечения бешеных прибылей англо-французских капиталистов»*[1]. Интересы же российского империализма как минимум отходили на второй план.

Г. В. Плеханов в написанной в апреле 1917 года статье "О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен" в свойственном ему блестящем литературном стиле, ссылаясь на чеховскую "Палату № 6" и гоголевские "Записки титулярного советника Авксентия Ивановича Поприщина", пытался разбить ленинские "Апрельские тезисы", призывая в качестве третейского судьи так и не ставшего адвокатом Маркса. Он писал, что Ленин переносит ответственность с людей на производственные отношения, и требовал доказательства того, *«что ответственность за каждую данную империалистическую войну в одинаковой мере падает на все участвующие в ней капиталистические страны»*[2]. Не утруждая себя доказательствами, Плеханов заявлял, что в ленинских тезисах *«марксизмом* […] *не пахнет, как вообще не пахнет им в рассуждениях людей, не считающихся с условиями времени и места»*[3], и ограничивался лишь констатацией: *«Россия не принадлежит к числу»* стран, *«достигших наивысшей ступени капиталистического способа производства»*[4]. Исходя из этого, Плеханов делал вывод о необходимости поддержки российским пролетариатом "оборонительной" войны, которую вели сначала царское, а затем Временное правительство.

Между выводами политического лидера СССР – государства, в котором, по словам идеологов буржуазии, господствовал научный коммунизм, – и первого русского марксиста Плеханова, безусловно, имеются различия, но для них обоих неприемлема ленинская революционная стратегия. Они – первый завуалированно, а второй открыто – выступили против неё. Это различие не должно вводить в заблуждение, поскольку оно вызвано *условиями времени и места*, в которых находились Сталин и Плеханов.

Что же собой в действительности представлял российский капитализм, находился ли он в эпоху первой мировой войны на империалистической стадии развития?

ВОЕННО-ФЕОДАЛЬНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

Уже на исходе XIX века, отмечая *«громадные особенности»* России *«как в экономическом, так и во вне экономическом отношении»*[5], суть которых состояла прежде всего в том, что *«ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом»*[6], В. И. Ленин в то же время акцентировал внимание на тождественности основных черт капиталистической эволюции России и стран Западной Европы:

«Капиталистическая эволюция […] *сблизила уже общий экономический строй не только западноевропейских государств по сравнению друг с другом, но и России по сравнению с Западом».*[7]

Следовательно, особенности России были всего лишь проявлением более ранней стадии капиталистического развития, а различия с западноевропейскими государствами имели количественный, а не качественный характер.

Экономист П. И. Лященко (1875–1955) в своём труде "История народного хозяйства СССР", характеризуя экономическую политику царизма, писал:

«Вся народохозяйственная, податная, бюджетная, финансовая, кредитная политика государства, покровительствующая развитию капиталистической промышленности, вся внешнеторговая таможенная политика, железнодорожная тарифная политика, вся международная внешняя политика, все отношения с международным капиталом были направлены на цели защиты интересов буржуазии и развития капиталистической промышленности в стране. Но часто эти цели вступали в конфликт с классовой политикой самодержавия – с покровительством землевладельческому дворянству».[8]

Мы можем охарактеризовать сложившееся к тому времени в России положение как *кризис несоответ-*

1 - Сталин И. В. Об основах ленинизма: лекции, читанные в Свердловском университете // Сочинения. Т. 6. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. С. 75.

2 - *Цит. по*: Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами её руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка. М.: Современник, 1991. С. 172.

3 - Там же. С. 174.

4 - Там же. С. 173.

5 - Ленин В. И. Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. Предисловие к первому изданию // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 3. С. 7.

6 - Там же. С. 601.

7 - Ленин В. И. Аграрный вопрос и "критики Маркса" // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 5. С. 187.

8 - Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М.: Госполитиздат, 1952. С. 175–176.

ствия: устаревшая феодальная политическая форма не соответствовала новому буржуазному содержанию.

Историк И. Ф. Гиндин (1900–1980) в своём труде "Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы)" не останавливается на противоречии интересов дворянства и буржуазии, указывая, что *«сохранение и укрепление политического господства крепостников-помещиков* […] *было возможно лишь при условии экономического роста страны, движения её вперед по пути капитализма. Более того, само продление исторического существования полукрепостнических латифундий стало возможным лишь путём их совмещения с капиталистическим развитием страны и некоторой перестройки этих латифундий на капиталистический лад»*, вот почему *«при всей противоречивости и непоследовательности экономической политики царского правительства способствование капиталистическому развитию стало главным её направлением».*[9]

Родившийся в Одессе американский историк и экономист Александр Гершенкрон (1904–1978) добавляет, что *«заинтересованность государства в проведении индустриализации была во многом обусловлена военной политикой»*[10]. И это ещё не всё:

«[Государство]*, преследовавшее военные цели*, [стало] *главным инициатором экономического развития страны».*[11]

Толчком к этой *революции сверху*, которая проводилась самодержавным правительством, стали военное поражение в Крымской войне и дипломатическое в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Гершенкрон и другой американский специалист по русской истории конца XIX – начала XX века, Теодор фон Лауэ (1916–2000), считали, что индустриализация России – попытка совершить "большой рывок" в промышленном развитии – *противоречила* аграрной политике самодержавия и осуществлялась *за счёт деревни*. В этом они расходились с Гиндиным, который видел *взаимопроникновение* интересов всё более работающего на рынок – и тем самым становящегося капиталистическим – крупного землевладения и промышленного капитала.

Единство военно-политических и экономических интересов промышленного и аграрного капитализма России позволяло Ленину в 1915 году говорить о том, что пролетарская партия должна привлекать "непролетарские народные массы" к борьбе за освобождение «буржуазной *России от* военно-феодального *"империализма" (= царизма)»*, уточняя, что *«этим освобождением* […] *пролетариат воспользуется* […] *для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы»*[12].

Из анализа развития капитализма Ленин делал выводы о конкретных задачах революционной стратегии.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОЛОД

Факты, казалось бы, подтверждают позицию американских историков. Во второй половине XIX века преобладающее место в российском экспорте заняли зерновые. В середине 70-х годов на них приходилось 50 % экспорта, и этот уровень (при постоянных колебаниях) держался до 1900-х годов[13].

В 1891–1892 годах Россию поразили два тяжелейших неурожая (сбор хлебов сократился на 45 %[14]), повысивших цены на хлеб и повлекших за собой голод. Министр внутренних дел И. Н. Дурново (1834–1903) предложил тогда ограничить свободную торговлю зерном и его вывоз за границу, а также срочно создать единый правительственный орган по закупке хлеба, но Совет министров выступил против, не желая ущемлять интересы экспортёров – капиталистических латифундистов[15]. Вывоз зерна увеличился на четверть. Не на пустом месте возникла крылатая фраза:

«Неурожай от Бога, а голод – от Царя!».[16]

Роза Люксембург назвала этот голод *«Голгофой русской деревни»*. За ним *«последовал второй апокалипсический всадник – эпидемия»*[17] холеры, от которой бакинский губернатор бежал в горы, саратовский спрятался на пароходе, а астраханский направил в Каспийское море сторожевые корабли, чтобы они загородили путь "разносчикам болезни"; тем самым 10 тысяч человек были обречены на гибель от эпидемии, голода и жажды. Разразились холерные бунты. Этим событиям посвящена книга русского писателя В. Г. Короленко (1853–1921) "В холерный год".

Данные по общим демографическим потерям от голода и эпидемии расходятся. Приведём оценку

9 - Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М.: Госфиниздат, 1960. С. 17–18.
10 - Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Дело, 2015. С. 78.
11 - Там же. С. 74.
12 - Ленин В. И. О двух линиях революции // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 27. С. 81.
13 - Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России накануне первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2001. С. 32.
14 - Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998. С. 321.
15 - Соколов Н. П. Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России. М.: Б. и., 1987. С. 11–12.
16 - Оболенский В. А. Очерки минувшего. Белград: Русская типография, 1931. С. 197.
17 - Люксембург Р. О социализме и русской революции: Избранные статьи, речи, письма. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 269.

американского исследователя Р. Роббинса[18], который проанализировал статистику смертности в 17 наиболее поражённых голодом губерниях: смертность в 1892 году составила 4,81 % при среднем уровне за десятилетие 1881–1890 в 3,76 %, то есть была на 28 % выше обычного уровня. Сверхсмертность 1892 года (от всех причин) в зоне голода составила 406 тыс. человек; смертность от холеры Роббинс оценивает не менее чем в 100 тыс. человек.

Но голодали, само собой, не латифундисты и не кулаки: процесс разложения крестьянства шёл полным ходом, а поэтому нельзя рассматривать *деревню* как единое целое. Капиталистическое развитие, с одной стороны, порождало симбиоз сельского и городского капиталистов, а с другой – обрекало на нужду миллионы беднейших крестьян и городских пролетариев, усиливая противоречие между трудом и капиталом.

ДВА ПУТИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА

16 декабря 1909 года в письме одному из старейших участников русского революционного движения большевику И. И. Скворцову-Степанову (1870–1928) Ленин указывал, что *«развитие аграрных отношений в России идёт капиталистически* и *в помещичьем хозяйстве* и *в крестьянском,* и *вне* и *внутри "общины"»*[19], что *«буржуазное развитие России к 1905 году было уже вполне зрело для того, чтобы требовать немедленной ломки устаревшей надстройки* […]. *Мы живём в эпоху* этой *ломки, которую разные классы* буржуазной *России стараются довершить, доделать по-своему»*[20]. Исходя из этого, он делал вывод, что уже *«нельзя оставаться при общем решении вопроса о капитализме,* [как это было в эпоху борьбы с народничеством] *теперь этот вопрос решён и теорией и жизнью* […], *а на очередь поставлен другой, высший вопрос: капитализм типа α или капитализм типа β?"*[21].

Именно размышляя об особенностях капиталистической эволюции России по сравнению с передовыми странами Западной Европы, то есть о *типе* капитализма, Ленин сформулировал тезис о двух возможных путях развития: "американском" и "прусском".

«Начиная с "Двух тактик" (1905 г.) и продолжая многочисленными статьями в газетах и сборниках 1906 и 1907 гг., мы всегда давали следующее обоснование: буржуазное развитие России уже вполне предрешено и неизбежно, но оно возможно в двух формах – в так называемой "прусской" форме (сохранение монархии и помещичьего землевладения, создание крепкого, т. е. буржуазного крестьянства на данной исторической почве и т. д.) и в так называемой "американской" форме (буржуазная республика, уничтожение помещичьего землевладения, создание фермерства, т. е. свободного буржуазного крестьянства путём резкого перелома данной исторической обстановки)»[22].

Из анализа капиталистического развития Ленин вновь делал конкретный вывод:

«Этот аграрный вопрос и есть теперь *в России* национальный *вопрос буржуазного развития»*[23].

И учитывая это, *«пролетариат должен бороться за второй путь, ибо он обеспечивает наибольшую свободу и быстроту развития производительных сил капиталистической России, а победа в такой борьбе возможна только при революционном союзе пролетариата и крестьянства»*[24].

Третьеиюньская монархия стала попыткой осуществить эволюцию капитализма по прусскому типу. 2 декабря 1909 года в письме тому же И. И. Скворцову-Степанову Ленин делал вывод о том, что хотя *«аграрная политика Столыпина правильна с точки зрения бисмарковщины»*, а *«Струве, Гучков и Столыпин из кожи лезут, чтобы "совокупиться" и народить бисмарковскую Россию, – но не выходит.* […] *Столыпин сам "просит" 20 лет».* Но *«двадцать лет и даже меньший срок невозможен в России без 30–48–71 гг. (ежели по-французски) и 63–65 гг. (ежели по-немецки),* то есть невозможен без "общедемократического натиска" якобинской революции снизу или "гнилой" прусской революции сверху[25]. Но пока ещё *«не победил один из двух аграрных путей»*, «ещё *идёт борьба»*[26] революции и контрреволюции, исход которой не ясен. Следовательно, вполне могло получиться так, что в результате поражения революции утвердился бы "прусский" тип, и тогда у пролетарской партии не оставалось бы иного пути кроме борьбы *«за уничтожение самого капитализма»*[27]. Именно поэтому *«мы не долж-*

18 - Robbins R. G. Jr. *Famine in Russia, 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis*. New York and London: Columbia University Press, 1975.
19 - Ленин В. И. Письмо И. И. Скворцову-Степанову. 16 декабря 1909 г. // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 47. С. 227.
20 - Там же. С. 230.
21 - Там же. С. 228.
22 - Ленин В. И. О некоторых источниках современного идейного разброда // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 19. С. 134–135.
23 - Ленин В. И. Письмо И. И. Скворцову-Степанову. 16 декабря 1909 г. // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 47. С. 229.
24 - Ленин В. И. О некоторых источниках современного идейного разброда // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 19. С. 135.
25 - Ленин В. И. Письмо И. И. Скворцову-Степанову. 2 декабря 1909 г. // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 47. С. 224.
26 - Ленин В. И. Письмо И. И. Скворцову-Степанову. 16 декабря 1909 г. // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 47. С. 231.
27 - Ленин В. И. О некоторых источниках современного идейного разброда // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 19. С. 140.

ны связывать судьбу пролетарской партии с удачей или неудачей буржуазной революции». Партия *«при всяком ходе событий»* должна быть прочной. А на этапе буржуазной революции большевики *«обязаны исполнить свой долг руководителей* [...] *"общедемократического" движения до конца, до русского 1871 года, до полного поворота крестьянства на сторону* Ordnungspartei[28]*. А до этого поворота в России ещё, ой-ой, как не близко»*[29].

Но история не оставляла самодержавию времени для реализации прусского пути. Мир стоял на пороге первой мировой империалистической войны.

О ЗАДАЧАХ ПРОЛЕТАРИАТА В БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ещё в апреле 1907 года Ленин, исходя из зависимого и связанного с самодержавием положения крупных капиталистов, указывал на то, что в России *«буржуазная революция под руководством буржуазии может быть только неоконченной революцией (т. е. не революцией, а реформой, говоря строго). Она может быть действительной революцией только под руководством пролетариата и крестьянства»*[30]. Из этого вывода исходило различие в оценках задач пролетариата в буржуазной революции большевиками и меньшевиками: последние считали буржуазию движущей силой революции. Ленин называл позицию меньшевиков не иначе, как *«фальсификация марксизма»*[31], *«переход* от *марксизма* к *либерализму»*[32]. Эта позиция превращала *«марксизм из "руководства для действия" в мёртвую букву»*[33], поскольку закрывала глаза на то, что в результате сложившегося союза между крупной буржуазией и помещиками в России всё больше укреплялся военно-феодальный империализм. Осознавая это, Роза Люксембург в апреле – мае 1907 года указывала на двойственный характер первой русской революции:

«[По] *своим непосредственно целям она – буржуазная*, [но поскольку пролетариат] *завоёвывает политические свободы не для буржуазии, а, напротив, с целью облегчить себе самому борьбу против неё*, [то это также и пролетарская революция, в которой] *борьба против абсолютизма должна идти рука об руку с борьбой против капитализма»*[34].

ВЫСШАЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА

В 1915 году в брошюре "Социализм и война" Ленин констатировал, что *«в России капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Маньчжурии, Монголии, но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм»*[35]. В "Тетрадях по империализму" он относит Россию вместе с Францией и Японией к второстепенным империалистическим странам, следующим за тремя главными державами – Англией, Германией и США[36]: эти государства составляли шестёрку великих держав эпохи первой мировой войны. За ними Ленин располагал "третью лигу" – Италию и Австро-Венгрию. Все они участвовали в переделе мира. Россия, в частности, прибрала к рукам Бухару, Хиву, Порт-Артур; на её колониально-зависимых территориях в 1914 году проживало 33 млн человек[37].

В своей фундаментальной работе "Империализм, как высшая стадия капитализма" Ленин характеризовал Россию как *«страну наиболее отставшую в экономическом отношении* [...], *в которой новейше-капиталистический империализм оплетён, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических»*[38]. Но это была отсталость по отношению к *передовым* странам капитализма, при этом и в России происходило слияние финансового и промышленного капитала (например, имевший центральный офис на Невском проспекте Русско-Азиатский банк контролировал 22 % нефтедобычи, оказывал существенное влияние на работу ВПК, контролировал 163 промышленных предприятия страны, а накануне войны скупил все крупнейшие табачные фабрики), складывались монополии – "Продуголь", "Продамет", синдикаты в нефтяной, металлургической и цементной промышленности.

Немецкий исследователь К. Функен, посвятивший целую книгу "доказательству" отсутствия экономических предпосылок Октябрьской революции, противореча сам себе, писал, что *«было бы не-*

28 - Партии порядка.
29 - Ленин В. И. Письмо И. И. Скворцову-Степанову. 2 декабря 1909 г. // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 47. С. 224.
30 - Ленин В. И. Сила и слабость Русской революции // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 15. С. 228.
31 - Ленин В. И. "Левение" буржуазии и задачи пролетариата // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 17. С. 409.
32 - Там же. С. 410.
33 - Там же. С. 412.
34 - Люксембург Р. Указ. соч. С. 120.
35 - Ленин В. И. Социализм и война (отношение РСДРП к войне) // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 26. С. 318.
36 - Ленин В. И. Тетради по империализму // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 28. С. 178.
37 - Там же. С. 276.
38 - Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма (популярный очерк) // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 27. С. 378.

верным характеризовать царскую Россию как колониальную страну, которая беззащитно подвергалась воздействию империалистических метрополий [...]. *Царская Россия не была по своему социально-экономическому статусу страной типа Индии или Китая; в десятилетия перед мировой войной она занимала прочную международную позицию в горнодобывающей промышленности, металлообработке, текстильной промышленности. Если отвлечься от текстильной промышленности, то во всех этих отраслях производство велось на высоком техническом уровне, имелось высокое органическое строение капитала и очень высокая концентрация»*[39].

Российские крупные землевладельцы и крупная торгово-промышленная буржуазия поддержали военную политику царизма, ожидая громадных материальных выгод и привилегий от раздела турецкого и австрийского наследства, заранее подсчитывая прибыли в случае победы царской армии. Широкие слои городской "средней" буржуазии, буржуазной интеллигенции, лиц свободных профессий и т. д. тоже были заражены шовинизмом. Либеральная российская буржуазия целиком поддержала самодержавное правительство, а панславизм – орудие царской дипломатии – стал официальной идеологией партии кадетов. Ещё до войны Ленин писал, что *«кадеты обвиняют самых отчаянных реакционеров-националистов не за их империализм, а, напротив, за то, что они ослабили вес и значение "великой" идеи о завоевании царизмом Константинополя»*[40]. Шовинизм проник и в буржуазно-демократические партии:

«[...] *бывший социалист г. Плеханов изображает дело так, будто реакционеры в России хотят вообще мира с Германией, а "прогрессивная буржуазия" – разрушения "прусского милитаризма" и дружбы с "демократической" Англией,* [...] *это детская сказка, приноровленная к уровню политических младенцев. На деле и царизм, и все реакционеры в России, и вся "прогрессивная" буржуазия (октябристы и кадеты) хотят одного: ограбить Германию, Австрию и Турцию в Европе, – побить Англию в Азии (отнять всю Персию, всю Монголию, весь Тибет и т. д.). Спор идёт между этими "милыми дружками" только из-за того, когда и как повернуть от борьбы против Германии к борьбе против Англии»*[41].

Таким образом, в отличие от Сталина, который чрезмерно преуменьшал силу российского империализма, сводя его до полуколониального положения, что свойственно социал-патриотам, Ленин видел, что русские крестьяне и рабочие, одетые в солдатские шинели, проливали кровь на полях первой мировой войны не столько за интересы англо-французских капиталистов, сколько в угоду русской буржуазии и царизма, и, исходя из этого, делал вывод:

«Империалистская война связала революционный кризис в России, кризис на почве буржуазно-демократической революции, с растущим кризисом пролетарской, социалистической революции на Западе. Эта связь настолько непосредственна, что никакое отдельное решение революционных задач в той или иной стране невозможно: буржуазно-демократическая революция в России теперь уже не только пролог, а неразрывная составная часть социалистической революции на Западе».[42]

СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМ СТАЛИНА И ПЛЕХАНОВА

Концепция "полуколониальной зависимости" России, которая с середины 1930-х годов XX века приобрела в СССР характер непререкаемой догмы, имеет корни в сталинской работе "Об основах ленинизма". В этой работе, посвящённой "ленинскому призыву", ставшему шагом к уничтожению большевистской партии, Сталин подтвердил разрыв с ленинизмом и пролетарским интернационализмом, наглядно продемонстрировав, что линия на критическую *поддержку* Временного правительства и *преодоление разногласий* в рамках единой *с меньшевиками* социал-демократической партии возглавляемой им в марте 1917 года "Правды" не являлась случайным заблуждением, а представляла собой истинную позицию одного из творцов ялтинского империалистического раздела.

Что же касается Плеханова, то даже если бы Л. Д. Троцкий на посту первого наркома иностранных дел не опубликовал тайные договора союзных держав, то марксисту было бы достаточно обратиться к объективной логике капиталистического развития, которая неизбежно толкает государства к борьбе за внешние рынки и сферы влияния, чтобы понять, что именно эта самая логика, а не отдельные государства и тем более личности делают империалистические войны неизбежными *на определённом этапе* развития капитализма. Но Плеханов к тому времени расстался с марксизмом и за-

39 - Funken K. Ökonomischen Voraussetzungen der Oktoberrevolution. Zur Entwicklung des Kapitalismus in Russland. Zurich, Frankfurt a. M., 1976. P. 322–323.

40 - Ленин В. И. Ко всем гражданам России // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 22. С. 138.

41 - Ленин В. И. О сепаратном мире // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 30. С. 188.

42 - Ленин В. И. Поражение России и революционный кризис // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 27. С. 27.

нял место в ряду шовинистов вместе с Каутским в Германии, Гедом во Франции и т. д. Скатываясь к пошлым софизмам, он рассуждал:

«[...] *если со стороны одного из двух сталкивающихся между собой лиц проявляется грабительское намерение, то весьма естественно предположить, что другое лицо рискует быть ограбленным. Выходит, что Германия подверглась опасности быть ограбленной Россией.* [...] *Кто же не знает, что война объявлена была не Россией – Германии, а наоборот: Германией – России?».*[43]

Логику подобного рода Ленин прибил к позорному столбу ещё в начале первой мировой войны своим знаменитым утверждением о том, что пролетариату совершенно всё равно, кто из двух разбойников первым выхватил нож.

Сентябрь 2015 г.

---

43 - *Цит. по*: Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами её руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка. М.: Современник, 1991. С. 173.

ЛЕНИНИЗМ И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

ПРИЛОЖЕНИЕ

В этом приложении мы приведём несколько не требующих дополнительных комментариев цитат из работ Ленина, которые обличают позицию Плеханова, Каутского, Геда и других вчерашних марксистов, которые с началом империалистической бойни поддержали свои правительства, перейдя на сторону классового врага.

«Эту империалистическую войну мы все ждали, к ней мы готовились. А раз так, то совсем не важно, кто напал; подготовлялись к войне все, а напал тот, кто в данную минуту считал это более выгодным».

(Ленин В. И. Реферат на тему "Пролетариат и война" 1 (14) октября 1914 г. Газетный отчёт // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 26. С. 32)

«Мы знаем, что десятилетиями трое разбойников (буржуазия и правительства Англии, России, Франции) вооружались для ограбления Германии. Удивительно ли, что два разбойника напали раньше, чем трое успели получить заказанные ими новые ножи? Разве это не софизм, когда фразами о "зачинщиках" замазывается всеми социалистами бесспорно, единогласно признанная в Базеле одинаковая "виновность" буржуазии всех стран?».

(Ленин В. И. Русские Зюдекумы // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 26. С. 122)

«Едва ли не всех примитивнее теория "зачинщика". На нас напали, мы защищаемся; интересы пролетариата требуют отпора нарушителям европейского мира. Это – перепев заявлений всех правительств и декламаций всей буржуазной и жёлтой печати всего мира. Плеханов даже и столь избитую пошлость приукрашивает обязательной у этого писателя иезуитской ссылкой на "диалектику": во имя учёта конкретной ситуации надо-де прежде всего найти зачинщика и расправиться с ним, откладывая до другой ситуации все остальные вопросы [...]. *В благородном деле подмена диалектики софистикой Плеханов побил рекорд. Софист выхватывает один из "доводов", и ещё Гегель говорил справедливо, что "доводы" можно подыскать решительно для всего на свете. Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе. Плеханов выхватывает цитату из немецкой социал-демократической печати: сами немцы до войны признавали-де зачинщиком Австрию и Германию, – и баста. О том, что русские социалисты много раз разоблачали завоевательные планы царизма насчёт Галиции, Армении и т. д., Плеханов молчит. У него нет и тени попытки прикоснуться к экономической и дипломатической истории хотя бы трёх последних десятилетий, а эта история неопровержимо доказывает, что именно захват колоний, грабёж чужих земель, вытеснение и разорение более успешного конкурента были главной осью политики обеих воюющих ныне групп держав.*

В применении к войнам, основное положение диалектики, так бесстыдно извращаемой Плехановым в угоду буржуазии, состоит в том, что "война есть просто продолжение политики другими" (именно насильственными) "средствами". Такова формулировка Клаузевица, одного из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем. И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, каждую войну рас-

сматривавших как продолжение политики данных, заинтересованных держав – и разных классов внутри них – в данное время».

(Ленин В. И. Крах II Интернационала // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 26. С. 222–224)

«Если немец при Вильгельме или француз при Клемансо говорят: я вправе и обязан, как социалист, защищать родину, если неприятель вторгся в мою страну, то это рассуждение не социалиста, не интернационалиста, не революционного пролетария, а мещанина-националиста. Ибо в этом рассуждении исчезает классовая революционная борьба рабочего против капитала, исчезает оценка всей войны в целом, с точки зрения мировой буржуазии и мирового пролетариата, т. е. исчезает интернационализм, остаётся убогий, заскорузлый национализм. Мою страну обижают, мне до большего нет дела, – вот к чему сводится такое рассуждение, вот в чём его мещански-националистская узость. Это всё равно, как если бы по отношению к индивидуальному насилию, над одним лицом, кто-либо рассуждал: социализм против насилия, поэтому я лучше пойду на предательство, чем сидеть в тюрьме.

Француз, немец или итальянец, который говорит: социализм против насилия над нациями, поэтому я защищаюсь, когда враг вторгся в мою страну, предаёт социализм и интернационализм. Ибо такой человек видит только свою "страну", выше всего ставит "свою"... буржуазию, не думая об интернациональных связях, делающих войну империалистскою, делающих его буржуазию звеном в цепи империалистского грабежа.

Все мещане и все тупые и тёмные мужички рассуждают именно так, как рассуждают ренегаты каутскианцы, лонгетисты, Турати и К°, именно: в моей стране враг, а больше мне ни до чего нет дела».

(Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 37. С. 297)

УРОКИ ПОРАЖЕНИЯ

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ ИЗОЛЯЦИИ И КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

В первой части нашего исторического очерка мы проанализировали суровые материальные условия, в которых оказалась изолированная революция в России: тотальную разруху, коллапс промышленности, крестьянские восстания и гигантское давление мелкобуржуазной стихии. Однако экономическая катастрофа была лишь базой для разворачивавшейся трагедии. Непреодолимые объективные условия нанесли прямой удар по классу-гегемону революции и его партийному авангарду, изменив их природу.

ЧАСТЬ II. ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ПАРТИИ

ДЕКЛАССИРОВАНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА И ФИКЦИЯ ПАРТИЙНОЙ ЖИЗНИ НА МЕСТАХ

Как было показано ранее, разразившаяся социально-экономическая катастрофа нанесла прямой удар по классу-гегемону революции, ведя к его стремительному социальному распылению.

Изоляция коммунистического авангарда была абсолютной. На XIV Вятской губернской партийной конференции (1924 г.) констатировалось, что *«в 80 волостях из 239 не было коммунистических ячеек»*[1].

1 - Вятская правда. 1924. 18 мая.

Ситуация усугублялась тем, что немногие промышленные рабочие, остававшиеся в провинции, были намертво связаны с деревней и не имели пролетарского классового сознания. Историк Юрий Тимкин приводит красноречивые факты: вятские пролетарии были в основном рабочими дореволюционных мануфактур, которые *«в весенне-осеннее время... возвращались в свои крестьянские хозяйства, и предприятия временно прекращали работу».* Это были *«забитые, большей частью неграмотные и полуграмотные рабочие-полукрестьяне»*[2]. Ответственный инструктор ЦК партии Д. И. Шорохов в 1923 году отозвался о рабочих местных кожевенных заводов, что они *«какая-то мешанина: не то рабочие, не то крестьяне»*. Осенью 1921 года в одном из районов Вятки из тысячи рабочих 99 % по своему статусу оставались крестьянами.

Патриархальная отсталость диктовала свои формы политической и общественной жизни. Уездные города губернии (Яранск, Уржум, Орлов) сохраняли облик, в котором, по словам Тимкина, *«нет объективных условий для создания пролетарских организаций, пользовавшихся поддержкой большинства населения»*. Вятская губерния с её ничтожным показателем урбанизации (около 4 %) не обладала для этого социальной базой. Заведующий орготделом губкома Г. А. Кровицкий в 1923 году поражался мещанской атмосфере одного из уездных городов: *«Орлов создаёт картину тихого старинного местечка патриархальной России... У одного приехала тёща и надо с ней побеседовать, у другого пекутся блины, а потому необходимо как можно скорее кончать собрание или же на него вообще не ходить»*[3].

В подобных условиях тотальная аграрность региона и деклассирование пролетариата делали саму дискуссию 1923 года о "внутрипартийной демократии" глубоко оторванной от реальности. Как отмечал историк В. Бакулин, здесь *«ситуация выглядела ещё более плачевно, отнюдь не способствуя плодотворному обсуждению непростых теоретических проблем»*[4].

На практике "партийная жизнь" была фикцией. Секретарь райкома РКП(б) Солоницин откровенно признавал: *«Почти в каждой ячейке всю работу несут два-три активных работника, а остальные* [...] *в партийной работе не принимают участия»*[5], создавая безропотную "массовку" для голосования по указке. На одного коммуниста приходились тысячи жителей: если в промышленном Лысьвенском районе Уральской области на 3 тысячи рабочих было 140 партийцев, то в аграрном Уржумском уезде с населением 155 тысяч в РКП(б) состояло всего 200 человек.

Параллельно этому распылению на местах шёл катастрофический процесс – отмирание Советов как независимых органов классовой власти. Если в 1917 году Советы представляли собой живые, многопартийные органы прямой рабочей власти, то уже к концу Гражданской войны они превратились в технический придаток. Центр принятия решений окончательно сместился в партийные комитеты (парткомы), которые узурпировали функции государственного управления. Сращивание партии и государства лишило рабочий класс его главного политического инструмента для расширения сознательного творчества пролетарских масс.

Ситуация в Вятской губернии не была исключением. Архивные данные по Тамбовской губернии – эпицентру знаменитого крестьянского восстания – рисуют ту же картину абсолютной пролетарской слабости и мелкобуржуазного засилья. До Октябрьской революции там вообще не было большевистских традиций. Во время гражданской войны партийная организация росла искусственно, за счёт бюрократического набора: если в октябре 1919 года насчитывалось 3 954 коммуниста, то к лету 1920 года – 13 тысяч. Две трети из них составляли люди, наспех принятые в ходе массовых "партийных недель" и не имевшие политического опыта.

Качество этого "авангарда" было удручающим. В докладе (июнь 1920 г.) по Сампурскому району констатировалось: *«Ячеек РКП(б) во всём районе 7. Всего членов состоит 90 человек, из коих активных работников максимум 10–11... 50 % товарищей неграмотны, а если и читают, то по складам, с трудом расписываются»*[6].

Не лучше была ситуация и на Юге России. В регионах вроде Донбасса, где рабочий класс был сконцентрирован в крупных центрах, классовый

2 - Тимкин Ю. Первая генеральная чистка РКП(б) 1921 г.: институциональное и человеческое измерение (по архивным материалам Вятской губернии) // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 1. С. 112.

3 - Там же. С. 113.

4 - Бакулин В. «Аппарат разладился и разлагается»: ход и итоги борьбы левой оппозиции за внутрипартийную демократию в Вятской губернии (осень 1923 – весна 1924 годов) // Новый исторический вестник. 2017. С. 99.

5 - Там же. С. 107.

6 - Муравьёва И. Фонды волостных комитетов ВКП(б) как источник по истории Тамбовского крестьянского восстания 1920-1921 годов // Грамота. 2017. № 6 (80). Ч. 2. С. 76.

антагонизм принимал острую форму. Рост "ножниц цен" между селом и городом и стачечное движение рабочих – на Донбассе к 1923 году число забастовщиков выросло в 10 раз, достигнув 89,5 тыс. человек – стали объективными предпосылками для оппозиционных настроений. В то время как партийный аппарат рассуждал об "экспорте революции" в Германию, он одновременно обязывал коммунистов доносить в ОГПУ о любых проявлениях "антипартийных" групп.

Ленин прямо указывал, что *«экономические корни бюрократизма»* в России – это *«раздробленность, распылённость мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность»*[7]. Большевики оказались в ловушке: они пытались начать строить социализм руками коммунистов, которые были лишь каплей в крестьянском море. Отсюда и исходила идея Ленина о строительстве экономической базы социализма (то есть о развитии капитализма) *чужими руками* – руками тех самых буржуазных специалистов и частных собственников (то есть руками тех, кто, собственно, *всегда* и стоял у руля этого самого процесса развития капитализма). Частный капитал никуда не исчезал на протяжении всех прошедших после Октябрьской революции лет: через НЭП произошла лишь его легализация.

БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ПАРТИИ И КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ КЛАССА БУРЖУАЗИИ

Физическое исчерпание и политическая деградация пролетарского авангарда на местах создали вакуум, который неизбежно заполнился новой силой – государственно-партийным аппаратом, действующим в интересах, радикально отличных от интересов рабочего класса. Одновременно менялся и социальный состав партии большевиков.

Партия из организации профессиональных революционеров стремительно превращалась в механизм, выполняющий объективные функции накопления капитала.

ВЫРОЖДЕНИЕ КАДРОВОГО СОСТАВА

В конце жизни Ленин с горечью признавал, что госаппарат во многом был *«заимствован у царизма и лишь чуть-чуть подмазан советским миром»*. Он прямо предупреждал, что этот аппарат насквозь *«чужд»* пролетариату и представляет собой *«буржуазную и царскую мешанину»*. Ленин опасался, что в условиях разрухи и отсутствия поддержки мировой революции, *«ничтожный процент»* передовых рабочих будет буквально *«тонуть в море шовинистической великорусской швали»*[8]. В *истинно русском человеке* – подлеце и насильнике, который скрывался под маской "советского" чиновника – Ленин видел главную угрозу пролетарскому интернационализму.

Эту метаморфозу с нарастающим отвращением наблюдали старые партийцы и революционная молодёжь, чей классовый инстинкт безошибочно распознавал контрреволюционные процессы. Выпускник рабфака МГУ И. М. Павлов вспоминал: *«видел, как после окончания Гражданской войны племя мелких чиновников ринулось к государственному пирогу, отталкивая от него подлинных представителей народа. Видел жестокую борьбу за власть и влияние безыдейных и порочных элементов в партийном и государственном аппаратах»*[9].

Студент Института внешкольного образования И. А. Юрьев предельно точно описал механизм перерождения партии: *«мы, как "коммунистические низы", имеем обязанности, но не имеем прав. Постоянное запугивание сверху, спекуляции словами "партидисциплина" и "Ленин сказал" превращают нашу партию в касту... Резолюция Петроградской организации представляет собой резолюцию чиновников, а не рядовых членов партии»*[10]. Фетиш формальной дисциплины использовался для подавления пролетарской критики.

Важнейшим катализатором этого процесса стала глубокая милитаризация партийной культуры. За годы ожесточённой Гражданской войны партия переняла командно-административные методы управления армией: беспрекословное подчинение, приказы сверху вниз, жёсткую централизацию и расстрелы за невыполнение задач. Как подтверждают современные исторические исследования, эта "фронтовая" психология всецело перенеслась на гражданское строительство. Партийный аппарат отучился убеждать массы, окончательно привыкнув им приказывать. Практика назначения секретарей комитетов сверху (вместо их избрания низами) стала нормой, уничтожив механизм внутрипартийного демократического контроля.

7 - Ленин В. И. О продовольственном налоге (значение новой политики и её условия) // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 43. С. 230.
8 - Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об "автономизации" // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. С. 357.
9 - Баринов Д. Путь в оппозицию: причины студенческого протеста в Ленинграде 1920-х гг. // Вестник Самарского университета. 2022. Т. 28. № 3. С. 55.
10 - Там же. С 54.

В то же самое время госаппарат охотно вбирал в себя беспринципных карьеристов. Историк Н. И. Карпов (вступивший в партию в 1917 году) свидетельствовал на допросе в Контрольной комиссии, что уже в 1923 году *«заметил некоторый холодок, создаётся какая-то прослойка, которая начинает отходить от массовой боевой работы, появляется некоторый карьеризм».* Особую ненависть старых большевиков вызывали политические перебежчики из враждебных партий, которые ради карьеры *«с пеной у рта»*[11] отстаивали генеральную линию ЦК. Пытаясь бороться с этим разложением и преодолеть отрыв партии от пролетариата, Карпов отказался от высоких административных постов и добровольно ушёл работать в низовую ячейку завода "Красный Путиловец". Но таких, как он, были единицы.

Идейные большевики прекрасно осознавали это катастрофическое перерождение. На собрании в Советском уезде Вятской губернии в конце 1923 года большевик С. Черепанов открыто бросил в лицо аппарату: *«Все коммунисты-рабочие занимают ответственные административные посты и само их вступление в РКП можно объяснить желанием получить видную должность»*. И сделал вывод: *«Поэтому нужно было отказаться от назначенства»*[12].

На фоне взрывного роста чиновничества подлинно пролетарское ядро партии большевиков таяло на глазах. Начиная с момента укрепления власти большевиков партийные ряды начали стремительно шириться, и это движение явно не отражало рост коммунистического сознания пролетарских масс. Если ко времени свержения самодержавия (в феврале 1917 года) численность большевиков составляла всего 23,6 тысячи человек, то к апрелю 1920 года она выросла до 612 тысяч, а к началу 1928 года в партии состояло уже почти 1,4 млн человек.

Что двигало этими массами новых "коммунистов"? Историки, опираясь на архивы, констатируют суровую материальную реальность: *«Обеспечение жильём, усиленные продуктовые пайки, первоочередное снабжение промышленными товарами и, самое главное, кратчайший путь во властные структуры и на руководящие должности в государственных и общественных институциях являлись привлекательными стимулами для широкого круга самых разных людей – от авантюристов и карьеристов до вульгарных материалистов»*[13]. Партийный билет для многих превратился в вексель на получение доли прибавочной стоимости.

На низовом уровне процесс кристаллизации социального слоя, персонифицирующего капитал, выглядел крайне уродливо. Лишённый опоры на сознательный индустриальный пролетариат, аппарат втягивал в себя деклассированные элементы и откровенных оппортунистов. В докладе Орловского укома (1920 г.) прямо говорилось: *«Члены волячеек, вступившие в 1919 и 1920 гг., не имеют абсолютно никакой подготовки, не знают программы РКП, не имеют ни малейшего понятия о коммунизме вообще»*[14].

На партконференции в Малмыжском уезде (1919 г.) делегат открыто признавал, что после объявления мобилизации на фронт ячейка разбежалась: *«Многие состояли членами ячейки только для того, чтобы получить шубу да валенки...»*[15].

Нередко низовые партийцы превращались в обычных бандитов. Так, Токтай-Белякская волостная ячейка была распущена, а на её членов заведены дела *«за разные уголовные преступления: кражи, насилия, убийства с целью грабежа»*[16]. В Вятской губернии доклады фиксировали, что *«много ответственных работников замечено в пьянстве, спекуляции и самоснабжении»*.

Политическая работа в волостях полностью остановилась: *«На партийных собраниях, проводимых 1–2 раза в месяц, обсуждаются исключительно материальные вопросы»*[17]. Документация партийных органов превратилась в фикцию. Партийные руководители жаловались, что доклады с мест являются *«сплошными предположениями, не выражающими проделанной работы»*[18]. Многие ячейки состояли из "мёртвых душ": в Малмыжском уезде и в одном из районов Вятки таковыми была половина.

Бюрократическая гниль вела к бесконечным аппаратным склокам и сведению личных счётов. До-

11 - Там же. С. 55.

12 - Тимкин Ю. Запах фракционности: левая оппозиция в Вятской губернской организации РКП(б) в 1923–1924 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 111.

13 - Морозова Т., Шишкин В. Коммунистическая партия большевиков как советский социальный лифт в условиях новой экономической политики // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 4. С. 906.

14 - Тимкин Ю. "Хождение крестьянина в компартию и обратно": волостные крестьянские организации РКП(б) в 1918–1920 годах (по архивным материалам Вятской губернии) // Крестьяноведение. 2022. Т. 7. № 2. С. 56.

15 - Там же. С. 58–59.

16 - Там же. С. 58.

17 - Тимкин Ю. Первая генеральная чистка РКП(б) 1921 г.: институциональное и человеческое измерение (по архивным материалам Вятской губернии) // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 1. С. 115.

18 - Там же. С. 118.

статочно вспомнить случай в Слободском уезде, где местный партиец И. Деришев "вычистил из партии" друзей уполномоченного по лесозаготовкам К. Дубова. Но стоило Дубову стать главой укома, как он тут же отомстил, добившись исключения самого Деришева. В результате, в течение 1922–1924 годов целые уездные организации (Нолинская, Омутнинская, Орловская и др.) подверглись *«полному разложению»*[19] и были официально распущены.

Полную картину моральной деградации низовых партийных ячеек дают материалы из Владимирской губернии. В официальных отчётах губкома причинами исключения из партии значились не идейные разногласия, а чистая уголовщина и бытовое разложение: *«кража, взятка, дезертирство, религиозные убеждения, неподчинение партдисциплине, злоупотребления по должности, шкурничество, непосещение собраний, избиение отца и т.д.»*[20].

Политическое невежество этой партийной массы носило поистине карикатурный характер. В ходе проверок выяснялось, что *«некоторые коммунисты считали Зубатова революционером, Свердлова – преподавателем Свердловских курсов, а Халтурина – заведующим Коминтерном. Не все знали, когда произошли февральская и октябрьская революции, а один из членов партии насчитал пять Интернационалов»*[21].

КОНСОЛИДАЦИЯ ВЛАСТИ ГОСАППАРАТА

Стремясь навести порядок среди этой полууголовной и безграмотной вольницы, верхушка партии окончательно перешла к методам бюрократического диктата, отменив последние остатки выборности и пролетарской демократии.

Симптомы этого катастрофического тупика Ленин констатировал ещё на VIII съезде партии в марте 1919 года. Резко контрастируя со своим прежним оптимизмом, он признал:

«Царистские бюрократы стали переходить в советские учреждения и проводить бюрократизм, перекрашиваться в коммунистов и для большей успешности карьеры доставать членские билеты РКП. Таким образом, их прогнали в двери, они влезают в окно. Тут больше всего сказывается недостаток культурных сил. Этих бюрократов можно было бы раскассировать, но нельзя их сразу перевоспитать. Здесь перед нами выступают прежде всего задачи организационные, культурные и воспитательные.

Бороться с бюрократизмом до конца, до полной победы над ним можно лишь тогда, когда всё население будет участвовать в управлении. В буржуазных республиках это было не только невозможно: этому мешал самый закон. Самые лучшие буржуазные республики, как бы демократичны они ни были, имеют тысячи законодательных помех, которые препятствуют участию трудящихся в управлении. Мы сделали то, что этих помех у нас не осталось, но до сих пор мы не достигли того, чтобы трудящиеся массы могли участвовать в управлении, – кроме закона, есть ещё культурный уровень, который никакому закону не подчинишь. Этот низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы.

Здесь перед нами задача, которую нельзя решить иначе, как длительным воспитанием. Сейчас эта задача для нас непомерно трудна, потому что, как мне не раз случалось указывать, слой рабочих, который управляет, непомерно, невероятно тонок. Мы должны получить подмогу»[22].

В 1922 году Ленин был вынужден признать: *«Нет сомнения, что наша партия теперь по большинству своего состава недостаточно пролетарская».* Со времени войны на заводы хлынули элементы, стремившиеся уклониться от фронта, а после Октября возник гигантский *«соблазн»* вступления в партию власти. Ленин с тревогой отмечал, что *«публика»*[23], далёкая от пролетарской психологии, стремится в партию ради карьеры. Он констатировал, что пролетарская политика партии в тот момент определялась не её реальным составом, а *«громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией»*[24]. Ленин прямо предупреждал: достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет гвардии будет подорван, а решение будет зависеть от чуждых элементов, наводнивших аппарат.

27 июля 1921 года было опубликовано обращение ЦК РКП(б) "Об очистке партии", требовавшее

19 - Там же. С. 121.

20 - Назаров О. Организационно-кадровая деятельность Секретариата ЦК РКП(б) в период между X и XI съездами РКП(б) // Сервис в России и за рубежом. 2012. С. 145.

21 - Там же. С. 146.

22 - Ленин В. И. VIII съезд РКП (б) 18–23 марта 1919 г. Доклад о партийной программе 19 марта // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 38. С. 170.

23 - Ленин В. И. Об условиях приёма новых членов в партию // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. С. 19.

24 - Там же. С. 20.

достижения такого уровня единства, *«чтобы наша партия более, чем когда бы то ни было, была вылита из одного куска»*[25]. К началу 1921 года общая численность РКП(б) достигла 700 тысяч человек, в ходе объявленной чистки из партии было исключено около 24 % состава (более 150 тысяч человек). Абсолютное большинство из них изгонялось в то время не за идейные уклоны, а за пассивность, шкурничество, карьеризм, взяточничество и злоупотребление служебным положением.

Осознавая угрозу, Ленин в конце жизни требовал ужесточить требования к кандидатам, увеличить кандидатский стаж, а также настаивал на необходимости фактической чистки, то есть уменьшения состава партии, дабы избавить её от тех, кто *«совсем не является коммунистами»*[26]. Но эти меры запоздали: уже тогда аппарат был *«вылит из одного куска»* не в смысле революционной чистоты, а в смысле бюрократической монолитности, которая требовалась для подавления любого несогласия.

Эта пресловутая "монолитность" всё чаще достигалась не идейным воспитанием, а жесточайшим административным диктатом. Сотрудник Секретариата ЦК А. П. Балашов признавал: в 1922–1923 годах центр был вынужден управлять посредством сухих приказов, *«поскольку обращался к людям в большинстве своём малограмотным, зачастую толком и не понимавшим, о чём речь идёт в этих постановлениях – и, следовательно, нуждавшихся в конкретных разъяснениях и указаниях»*[27].

Необразованная, политически слепая и жаждущая привилегий масса стала тем прочным фундаментом, на который опёрся формирующийся аппарат сталинского ЦК. Помимо маргинальных городских элементов, мощной социальной опорой сталинизма стала сельская молодёжь. По переписи 1926 года 67 % крестьян были моложе 30 лет, составляя значительную часть населения страны. Для них грядущие процессы "коллективизации" и индустриализации оказались гигантским социальным трамплином, позволявшим вырваться из патриархальной нищеты.

Одновременно выходцами из деревни размывался пролетарский состав партии. "Ленинский призыв" 1924 года и последующие массовые наборы привели к тому, что к началу 1927 года 61,8 % членов партии вступили в неё не ранее 1922 года – то есть уже в условиях НЭПа.

В дальнейшем утвердившаяся контрреволюция почти полностью уничтожила революционное *руководство*, очевидно, представлявшее для неё наибольшую опасность. Масштабы расстрелов членов *революционного* ЦК – высшего руководящего органа партии – общеизвестны, и здесь мы не будем на этом останавливаться, но какова была ситуация с более широким руководящим слоем партии? По состоянию на март 1939 года, то есть после проведения Сталиным опустошительного Большого террора, доля секретарей обкомов, крайкомов и ЦК национальных компартий, вступивших в партию до 1917 года (включительно), в общей численности партийцев составляла ничтожные 3 %, тогда как даже в феврале 1937 года – 38,6 %.

Уже один этот факт говорит о буржуазной классовой природе сталинизма гораздо красноречивее, чем любые абстрактные политэкономические выкладки: подобное совершенно необъяснимо в рамках тезиса о том, что сталинское руководство "проводило революционную линию" и "строило социализм", как пытаются представить это самые узколобые сталинисты, или в более слабой форме – о том, что речь шла о борьбе внутри "революционной, марксистской тенденции", как говорят те, кто не считают себя сталинистами, но по факту являются ими.

Напротив, для победившей контрреволюции, представляющей интересы буржуазии, антагонистичные интересам рабочего класса, эта целенаправленная политика по тотальному искоренению подготовленных, закалённых в боях и прошедших проверку историей революционеров вполне типична и объяснима.

Опираясь на послушную, зависимую от пайков и должностей массу, госаппарат последовательно раздавил все очаги пролетарского сопротивления. Как отмечает профессор А. Баранов, *«малограмотность большинства коммунистов»*[28] использовалась для управления общественным мнением, легко нейтрализуя влияние оппозиционеров среди интеллигенции и старых партийцев. Когда участ-

25 - Назаров О. Организационно-кадровая деятельность Секретариата ЦК РКП(б) в период между X и XI съездами РКП(б) // Сервис в России и за рубежом. 2012. С. 148.

26 - Ленин В. И. Об условиях приёма новых членов в партию // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. С. 20.

27 - Назаров О. Организационно-кадровая деятельность Секретариата ЦК РКП(б) в период между X и XI съездами РКП(б) // Сервис в России и за рубежом. 2012. С. 149.

28 - Баранов А. "Троцкистская" оппозиция в контексте консолидации партийно-государственной элиты на Юге России (1923–1924 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. С. 38.

ники партийных собраний в ряде городов осудили линию ЦК, аппарат ответил на это не дискуссией, а репрессивной консолидацией.

Чтобы обезопасить систему от критики старых, идейных партийцев, сталинский аппарат запустил машину "чисток". Весной 1924 года была проведена проверка так называемых "непроизводственных ячеек" (вузовских и советских) – именно там концентрировалась оппозиционно настроенная интеллигенция, поддерживавшая левую оппозицию. Е. Преображенский прямо писал в ЦКК: *«чистка непроизводственных ячеек была намечена после внутрипартийной дискуссии конца 1923 г. и охватила города, в которых было принято больше всего оппозиционных резолюций»*[29]. Символическим итогом стала статистика партийных съездов: если в 1922 году делегаты с дореволюционным стажем составляли 49,6 % съезда, то уже к 1927 году (когда исключали Левую оппозицию) их доля упала до 38,5 %.

Таким образом, непреодолимые объективные условия, нищета и социальная отсталость привели к кристаллизации капиталистического аппарата управления, окончательно подчинившего себе пролетарские массы.

Июнь 2026 г.

29 - Морозова Т. И., Шишкин В. И. "Политику внутри партии… я считаю началом растрачивания ленинского наследства". Переписка Е. М. Ярославского и Е. А. Преображенского о чистке непроизводственных ячеек РКП(б) (конец марта – начало апреля 1924 г.) // Исторический архив. 2016. № 5. С. 101.

ПИСЬМА ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ

Публикуемые ниже письма Энгельса – Шмидту, Блоху, Мерингу, Боргиусу – принадлежат к числу наиболее известных текстов марксистской традиции: их не раз цитировали, разбирали, включали в хрестоматии. Мы печатаем их не потому, что рассчитываем сообщить читателю нечто новое – причина иная. Материалы настоящего номера –от статьи о политических оболочках капитализма до очерка о поражениях межвоенных десятилетий – вновь и вновь упираются в один и тот же методологический вопрос: как базис общественной экономической формации соотносится с надстройкой, политической борьбой, идеологиями, волей действующих лиц истории? Как удержаться здесь от двух противоположных ошибок: вульгарной схемы "экономика решает всё" и бесхребетного плюрализма "всё влияет на всё"? Именно эти письма Энгельса раскрывают суть обеих ошибок. Это объяснение высказано с такой ясностью, которая редко встречается в современной литературе у авторов, называющих себя марксистами. В отноше-

нии них уместно повторить слова Маркса: *«Я знаю только одно, что я не марксист»*.

Мы сочли уместным напомнить об этих письмах Энгельса именно сейчас, когда добросовестная теоретическая работа то и дело тонет либо в механицизме доктринёров, либо в эмпиризме тех, кто, опасаясь догмы, вообще отказывается искать закономерность за нагромождением фактов. Энгельс писал эти письма против того же соблазна – превратить исторический материализм в *«рычаг для конструирования»* вместо *«руководства к изучению»*. Это соблазн, знакомый и сегодняшним марксистам, в том числе тем, кто искренне считает себя чуждым всякого догматизма. Мы предлагаем читателю вернуться к этим страницам не как к музейному экспонату, а как к рабочему инструменту – тому самому, которым мы пытались пользоваться, работая над материалами этого номера.

Фридрих Энгельс – Конраду Шмидту[1]
в Берлин
Лондон, 5 августа 1890 г.

С. 370–372

[...] О книге Пауля Барта я читал в венском журнале *Deutsche Worte* отзыв, написанный злополучным Морицем Виртом, и эта критика оставила у меня неблагоприятное впечатление также и о самой книге. Я просмотрю её, но должен сказать, что если Морицхен правильно его цитирует, то Барт утверждает, будто он во всех сочинениях Маркса смог найти всего лишь один пример зависимости философии и т. д. от материальных условий существования, а именно тот, что Декарт объявляет животных машинами. Мне просто жалко человека, который может писать подобные вещи. И раз этот человек ещё не понял, что хотя материальные условия существования являются *primum agens*[2], это не исключает того, что идеологические области оказывают, в свою очередь, обратное, но вторичное воздействие на эти материальные условия; раз это ему неясно, то он не способен понимать и тот предмет, о котором пишет. Но, повторяю, ведь это всё из вторых рук, Морицхен же – опасный друг. И у материалистического понимания истории имеется теперь множество таких друзей, для которых оно служит предлогом, чтобы не изучать историю. Дело обстоит совершенно так же, как тогда, когда Маркс говорил о французских "марксистах" конца 70-х годов:

«Я знаю только одно, что я не марксист».

Вот также в *Volks-Tribune* происходила дискуссия о распределении продуктов в будущем обществе – будет оно происходить соответственно количеству труда или иначе. К вопросу подошли тоже сугубо "материалистически" в противоположность известным идеалистическим фразам о справедливости. Но, как ни странно, никому не пришло в голову, что ведь способ распределения существенным образом зависит от того, какое количество продуктов подлежит распределению, и что это количество, конечно, меняется в зависимости от прогресса производства и организации общества, а следовательно, должен меняться и способ распределения. Но все участники дискуссии рассматривают "социалистическое общество" не как что-то постоянно меняющееся и прогрессирующее, а как нечто стабильное, раз навсегда установленное, что должно, следовательно, иметь также раз навсегда установленный способ распределения. Но если рассуждать здраво, то можно всё-таки: 1) попытаться отыскать способ распределения, с которого будет начато, и 2) постараться найти общую тенденцию дальнейшего развития. Но об этом я во всей дискуссии не нахожу ни слова.

1 - Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 37, стр. 370–372.
2 - Первопричиной.

Вообще для многих молодых писателей в Германии слово "материалистический" является простой фразой, которой называют всё, что угодно, не давая себе труда заняться дальнейшим изучением, то есть приклеивают этот ярлычок и считают, что этим вопрос решён. Однако наше понимание истории есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения. Сделано в этом отношении до сих пор немного, потому что очень немногие люди серьёзно этим занимались. В этом отношении нам нужна большая помощь, область бесконечно велика, и тот, кто хочет работать серьёзно, может многое сделать и отличиться. Но вместо этого у многих немцев из молодого поколения фразы об историческом материализме (ведь можно всё превратить в фразу) служат только для того, чтобы как можно скорее систематизировать и привести в порядок свои собственные, относительно весьма скудные исторические познания (экономическая история ведь ещё в пелёнках!) и затем возомнить себя великими. И тогда-то и может явиться какой-нибудь Барт и взяться за то, что в его среде, во всяком случае, сведено уже к пустой фразе.

[…] Одной из величайших услуг, оказанных нам законом против социалистов, было то, что он освободил нас от навязчивости немецкого студента с социалистическим налётом. […] Вы, действительно уже кое-что сделавший, сами, вероятно, заметили, как мало среди молодых литераторов, связанных с партией, таких, которые дают себе труд изучать политическую экономию, историю политической экономии, историю торговли, промышленности, земледелия, общественных формаций. […] Эти господа воображают, что для рабочих всё годится. Если бы они знали, что Маркс считал свои лучшие вещи всё ещё недостаточно хорошими для рабочих, что он считал преступлением предлагать рабочим что-нибудь не самое лучшее!

[…] им не избежать в ходе развития отдельных ошибок, возможно даже и больших. Массы учатся ведь только на последствиях своих собственных ошибок, приобретая опыт на своей собственной шкуре.

Фридрих Энгельс – Йозефу Блоху[3]
в Кёнигсберг
Лондон, 21[–22] сентября 1890 г.

[…] Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счёте* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение – это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* её различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и её результаты – государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счёте прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (то есть вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, считать, что её не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать простое уравнение первой степени.

Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем её при весьма определённых предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счёте решающими. Но и политические и т. п. условия, даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую. Прусское государство возникло и развивалось также благодаря историческим и в конечном счёте экономическим причи-

3 - Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 37, стр. 394–396.

нам. Но едва ли можно, не сделавшись педантом, утверждать, что среди множества мелких государств Северной Германии именно Бранденбург был предназначен для роли великой державы, в которой воплотились экономические, языковые, а со времени Реформации и религиозные различия между Севером и Югом, и что это было предопределено только экономической необходимостью, а другие моменты не оказывали также влияния (прежде всего то обстоятельство, что Бранденбург благодаря обладанию Пруссией был втянут в польские дела и через это в международные политические отношения, которые явились решающими также и при образовании владений Австрийского дома). Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись посмешищем, объяснить экономически существование каждого маленького немецкого государства в прошлом и в настоящее время или происхождение верхненемецкого передвижения согласных, превратившего географическое разделение, образованное горной цепью от Судет до Таунуса, в настоящую трещину, проходящую через всю Германию.

Во-вторых, история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных воль, причём каждая из этих воль становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и безвольно. Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения. Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, каждый из которых хочет того, к чему его влечёт физическая конституция и внешние, в конечном счёте экономические, обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, – из этого всё же не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в неё.

Далее, я прошу Вас изучать эту теорию по первоисточникам, а не из вторых рук, – право же, это гораздо легче. Маркс не написал ничего, в чём бы эта теория не играла роли. В особенности великолепным образцом её применения является “18 брюмера Луи Бонапарта”. Точно так же множество указаний есть и в “Капитале”. Затем я вправе, пожалуй, указать на мои сочинения: “Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом” и “Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии”, в которых я дал самое подробное, насколько мне известно, изложение исторического материализма из всех существующих.

Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодёжь иногда придаёт больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчёркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до анализа какого-либо исторического периода, то есть до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки. К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут её применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно. И в этом я могу упрекнуть многих из новых “марксистов”; ведь благодаря этому также возникала удивительная путаница. [...]

Фридрих Энгельс – Конраду Шмидту[4]
в Берлин
Лондон, 27 октября 1890 г.

[...] С экономическими, политическими и другими отражениями дело обстоит точно так же, как и с отражениями в человеческом глазу. Они проходят через собирательную линзу и поэтому представляются в перевёрнутом виде – вниз головой. Только отсутствует нервный аппарат, который для нашего представления поставил

4 - Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 37, стр. 414–421.

бы их снова на ноги. Биржевик видит движение промышленности и мирового рынка только в перевёрнутом отражении денежного рынка и рынка ценных бумаг, и поэтому следствие становится для него причиной. Это я наблюдал ещё в 40-х годах в Манчестере: лондонские биржевые отчёты были совершенно непригодны для того, чтобы составить по ним представление о ходе развития промышленности и её периодических максимумах и минимумах, потому что эти господа пытались объяснять все явления кризисами денежного рынка, которые ведь по большей части сами являлись всего лишь симптомами. Тогда речь шла о том, чтобы начисто отрицать происхождение промышленных кризисов из временного перепроизводства, и дело поэтому имело к тому же ещё и тенденциозную сторону, побуждающую прибегать к извращениям. Теперь этот пункт отпадает – для нас, по крайней мере, раз и навсегда, – и к тому же несомненным фактом является то обстоятельство, что денежный рынок также может иметь свои собственные кризисы, при которых прямые нарушения промышленного производства играют лишь подчинённую роль или даже не играют никакой роли. Здесь надо кое-что выявить ещё и исследовать, особенно в историческом плане за последние 20 лет.

Там, где существует разделение труда в общественном масштабе, отдельные процессы труда становятся самостоятельными по отношению друг к другу. Производство является в последнем счёте решающим. Но как только торговля продуктами обособляется от производства в собственном смысле слова, она следует своему собственному движению, над которым в общем и целом главенствует движение производства, но которое в отдельных частностях и внутри этой общей зависимости следует опять-таки своим собственным законам, присущим природе этого нового фактора. Это движение имеет свои собственные фазы и, в свою очередь, оказывает обратное действие на движение производства. Открытие Америки было вызвано жаждой золота, которая ещё до этого гнала португальцев в Африку [...], потому что столь сильно развившаяся в XIV и XV вв. европейская промышленность и соответствовавшая ей торговля требовали больше средств обмена, чего Германия – великая страна серебра в 1450–1550 гг. – не могла доставить. Завоевание Индии португальцами, голландцами, англичанами с 1500 по 1800 г. имело целью импорт из Индии. Об экспорте туда никто не помышлял. И всё же какое колоссальное обратное действие оказали на промышленность эти открытия и завоевания, вызванные чисто торговыми интересами: только потребность *экспорта* в эти страны создала и развила крупную промышленность.

Так и с денежным рынком. Как только торговля деньгами отделяется от торговли товарами, она приобретает – при известных условиях, определяемых производством и торговлей товарами, и в этих пределах – своё собственное развитие, имеет особые законы и фазы, которые определяются её собственной природой. Когда же вдобавок к этому торговля деньгами в своём дальнейшем развитии расширяется до торговли ценными бумагами – причём эти ценные бумаги состоят не только из государственных бумаг, но к ним присоединяются и акции промышленных и транспортных предприятий, и торговля деньгами завоёвывает, таким образом, прямое господство над частью производства, которое в общем и целом господствует над нею, – тогда обратное действие торговли деньгами на производство становится ещё сильнее и сложнее. Торговцы деньгами являются собственниками железных дорог, шахт, металлургических заводов и т. д. Эти средства производства приобретают двоякий характер: их работа должна приспособляться то к интересам непосредственного производства, то к потребностям акционеров, поскольку они же являются банкирами. Самый яркий пример этого – североамериканские железные дороги. Вся работа их зависит в данное время от биржевых операций какого-нибудь Джея Гулда, Вандербилта и т. д. – операций, совершенно чуждых деятельности отдельной дороги и её интересам как средства сообщения. И даже здесь, в Англии, мы наблюдали десятилетиями продолжавшуюся борьбу различных железнодорожных обществ из-за разграничения их территорий, борьбу, в которой растрачивались колоссальные деньги не в интересах производства и транспорта, а исключительно в силу соперничества, преследовавшего большей частью лишь цель облегчить биржевые операции торговцев деньгами, владеющих акциями.

В этих нескольких замечаниях о моём понимании отношения производства к торговле товарами и их обоих к торговле деньгами я в основном уже ответил на Ваши вопросы об историческом материализме вообще. Это легче всего понять с точки зрения разделения труда. Общество по-

рождает известные общие функции, без которых оно не может обойтись. Предназначенные для этого люди образуют новую отрасль разделения труда внутри общества. Тем самым они приобретают особые интересы также и по отношению к тем, кто их уполномочил; они становятся самостоятельными по отношению к ним, и – появляется государство. А затем происходит то же, что и при торговле товарами и позднее при торговле деньгами. Новая самостоятельная сила, правда, в общем и целом должна следовать за движением производства, но она, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на условия и ход производства в силу присущей ей или, вернее, однажды полученной ею и постепенно развивавшейся дальше относительной самостоятельности. Это есть взаимодействие двух неодинаковых сил: с одной стороны, экономического движения, а с другой – новой политической силы, которая стремится к возможно большей самостоятельности и, раз уже она введена в действие, обладает также и собственным движением. Экономическое движение в общем и целом проложит себе путь, но оно будет испытывать на себе также и обратное действие политического движения, которое оно само создало и которое обладает относительной самостоятельностью. На экономическое движение оказывает влияние, с одной стороны, движение государственной власти, а с другой – одновременно с нею порождённой оппозиции. Как на денежном рынке отражается в общем и целом и с указанными выше оговорками движение промышленного рынка, и, конечно, отражается *превратно*, так и в борьбе между правительством и оппозицией отражается борьба уже до этого существующих и борющихся классов, и точно так же превратно: уже не прямо, а косвенно, не как борьба классов, а как борьба за политические принципы, и притом так превратно, что потребовались тысячелетия для того, чтобы нам стало ясно, в чём суть.

Обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть троякого рода. Она может действовать в том же направлении – тогда развитие идёт быстрее; она может действовать против экономического развития – тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определённых направлениях преграды и толкать его в других направлениях. Этот случай сводится в конце концов к одному из предыдущих. Однако ясно, что во втором и третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может вызвать растрату сил и материала в массовом количестве.

Кроме того, имеется ещё случай завоевания и грубого уничтожения экономических ресурсов, вследствие чего прежде при известных обстоятельствах бесследно гибли все результаты экономического развития целой местности или нации. Теперь этот случай имеет по большей части противоположные последствия, по крайней мере у больших народов. Побеждённый в итоге выигрывает иногда и в экономическом, и в политическом, и в моральном отношениях больше, чем победитель.

С правом дело обстоит точно так же. Как только становится необходимым новое разделение труда, создающее профессиональных юристов, открывается опять-таки новая самостоятельная область, которая при всей своей общей зависимости от производства и торговли всё же обладает особой способностью обратно воздействовать на эти области. В современном государстве право должно не только соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть *внутренне согласованным* выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий. А для того чтобы этого достичь, точность отражения экономических отношений нарушается всё больше и больше. И это происходит тем чаще, чем реже случается, что кодекс законов представляет собой резкое, несмягчённое, неискажённое выражение господства одного класса: ведь это противоречило бы “понятию права”. Чистое, последовательное понятие права революционной буржуазии эпохи 1792–1796 гг. фальсифицировано во многих отношениях уже в Кодексе Наполеона, а в той мере, в какой это понятие права в нём воплощено, оно должно претерпевать ежедневно всяческие смягчения благодаря возрастающей силе пролетариата. Но это не мешает тому, что Кодекс Наполеона является тем сводом законов, который лежит в основе всех новых кодификаций во всех частях света. Таким образом, ход “правового развития” состоит по большей части только в том, что сначала пытаются устранить противоречия, вытекающие из непосредственного перевода экономических отношений в юридические принципы, и установить гармоническую право-

вую систему, а затем влияние и принудительная сила дальнейшего экономического развития опять постоянно ломают эту систему и втягивают её в новые противоречия. (Я здесь говорю пока только о гражданском праве.)

Отражение экономических отношений в виде правовых принципов точно так же необходимо ставит эти отношения на голову. Этот процесс отражения происходит помимо сознания действующего; юрист воображает, что оперирует априорными положениями, а это всего лишь отражения экономических отношений. Таким образом, всё стоит на голове. А что это извращение, представляющее собой, пока оно ещё не раскрыто, то, что мы называем *идеологическим воззрением*, в свою очередь, оказывает обратное действие на экономический базис и может его в известных пределах модифицировать, – это мне кажется само собой разумеющимся. Основа наследственного права – экономическая, если предположить одинаковую ступень развития семьи. Несмотря на это, будет очень трудно доказать, что, например, в Англии абсолютная свобода завещаний, а во Франции сильное её ограничение объясняются во всех частностях только экономическими причинами. Но и то и другое оказывает очень значительное обратное действие на экономику благодаря тому, что влияет на распределение имуществ.

Что же касается тех идеологических областей, которые ещё выше парят в воздухе – религия, философия и т. д., – то у них имеется предысторическое содержание, находимое и перенимаемое историческим периодом, содержание, которое мы теперь назвали бы бессмыслицей. Эти различные ложные представления о природе, о существе самого человека, о духах, волшебных силах и т. д. имеют по большей части экономическую основу лишь в отрицательном смысле; низкое экономическое развитие предысторического периода имеет в качестве дополнения, а порой в качестве условия и даже в качестве причины ложные представления о природе. И хотя экономическая потребность была и с течением времени всё более становилась главной пружиной прогресса в познании природы, всё же было бы педантизмом, если бы кто-нибудь попытался найти для всех этих первобытных бессмыслиц экономические причины. История наук есть история постепенного устранения этой бессмыслицы или замены её новой, но всё же менее нелепой бессмыслицей. Люди, которые этим занимаются, принадлежат опять-таки к особым областям разделения труда, и им кажется, что они разрабатывают независимую область. И поскольку они образуют самостоятельную группу внутри общественного разделения труда, постольку их произведения, включая и их ошибки, оказывают обратное влияние на всё общественное развитие, даже на экономическое. Но при всём том они сами опять-таки находятся под господствующим влиянием экономического развития. В философии, например, это можно легче всего доказать для буржуазного периода. Гоббс был первым современным материалистом (в духе XVIII века), но он жил в то время, когда абсолютная монархия во всей Европе переживала период своего расцвета, а в Англии вступила в борьбу с народом, и был сторонником абсолютизма. Локк был в религии, как и в политике, сыном классового компромисса 1688 года. Английские деисты и их более последовательные продолжатели – французские материалисты были настоящими философами буржуазии, французы – даже философами буржуазной революции. В немецкой философии от Канта до Гегеля отразился немецкий обыватель – то в позитивном, то в негативном смысле. Но, как особая область разделения труда, философия каждой эпохи располагает в качестве предпосылки определённым мыслительным материалом, который передан ей её предшественниками и из которого она исходит. Этим объясняется, что страны, экономически отсталые, в философии всё же могут играть первую скрипку: Франция в XVIII веке по отношению к Англии, на философию которой французы опирались, а затем Германия по отношению к первым двум. Но как во Франции, так и в Германии философия, как и всеобщий расцвет литературы в ту эпоху, была также результатом экономического подъёма. Преобладание экономического развития в конечном счёте также и над этими областями для меня неоспоримо, но оно имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью: в философии, например, воздействием экономических влияний (которые опять-таки оказывают действие по большей части только в своем политическом и т. п. выражении) на имеющийся налицо философский материал, доставленный предшественниками. Экономика здесь ничего не создаёт заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это

она производит по большей части косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения.

О религии я сказал самое необходимое в последней главе брошюры о Фейербахе.

Следовательно, если Барт полагает, что мы отрицали всякое обратное влияние политических и т. д. отражений экономического движения на само это движение, то он просто сражается с ветряными мельницами. Ему следует заглянуть лишь в "18 брюмера" Маркса, где речь и идёт почти только о той *особой* роли, которую играют политическая борьба и события, конечно, в рамках их *общей* зависимости от экономических условий; или посмотреть "Капитал", например, отдел о рабочем дне, где показано, какое решительное действие оказывает законодательство, которое ведь является политическим актом, или отдел, посвящённый истории буржуазии (24-я глава). К чему же мы тогда боремся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Насилие (то есть государственная власть) – это тоже экономическая сила!

[…] Чего всем этим господам не хватает, так это диалектики. Они постоянно видят только здесь причину, там – следствие. Они не видят, что это пустая абстракция, что в действительном мире такие метафизические полярные противоположности существуют только во время кризисов, что весь великий ход развития происходит в форме взаимодействия (хотя взаимодействующие силы очень неравны: экономическое движение среди них является самым сильным, первоначальным, решающим), что здесь нет ничего абсолютного, а всё относительно. Для них Гегеля не существовало. […]

Фридрих Энгельс – Францу Мерингу[5]
в Берлин
Лондон, 14 июля 1893 г.

[…] Только сегодня могу, наконец, поблагодарить Вас за любезно присланную мне "Легенду о Лессинге". Мне хотелось не просто послать Вам формальное подтверждение в получении книги, но в то же время сказать кое-что о ней самой – о её содержании. В этом причина задержки.

Я начинаю с конца – с приложения "Об историческом материализме", в котором существо дела Вы изложили превосходно и для всякого, кто свободен от предвзятого мнения, убедительно. Если у меня и возникают некоторые возражения, то лишь против того, что Вы приписываете мне бóльшие заслуги, чем следует, даже если считать всё то, до чего я, быть может, додумался бы – со временем – самостоятельно, но что Маркс, обладая более проницательным глазом и более широким кругозором, открыл намного раньше.

[…] Кроме этого, упущен ещё только один момент, который, правда, и в работах Маркса, и моих, как правило, недостаточно подчёркивался, и в этом отношении вина в равной мере ложится на всех нас. А именно – главный упор мы делали, и *должны были делать*, сначала на *выведении* политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических фактов, лежащих в их основе. При этом из-за содержания мы тогда пренебрегали вопросом о форме: какими путями идёт образование этих представлений и т. п. Это дало нашим противникам желанный повод для кривотолков, а также для искажений […].

Идеология – это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создаёт себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идёт о мыслительном процессе, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления – или из своего собственного, или из мышления своих предшественников. Он имеет дело исключительно с материалом мыслительным; без дальнейших околичностей он считает, что этот материал порождён мышлением, и вообще не занимается исследованием никакого другого, более отдалённого и от мышления независимого источника. Такой подход к делу кажется ему само собой разумеющимся, так как для него всякое действие кажется *основанным* в последнем счёте на мышлении, потому что совершается *при посредстве* мышления.

Исторический идеолог (исторический означает здесь просто собирательный термин

5 - Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 39 стр. 82–84.

для понятий: политический, юридический, философский, теологический, – словом, для всех областей, относящихся к *обществу*, а не просто к природе) располагает в области каждой науки известным материалом, который образовался самостоятельно из мышления прежних поколений и прошёл самостоятельный, свой собственный путь развития в мозгу этих следовавших одно за другим поколений. Конечно, на это развитие могут воздействовать в качестве сопутствующих причин и внешние факты, относящиеся к этой или иной области, но факты эти, как молчаливо предполагается, представляют собой опять-таки просто плоды мыслительного процесса, и таким образом мы всё время продолжаем оставаться в сфере чистой мысли, которая как будто благополучно переваривала даже самые упрямые факты.

Именно эта видимость самостоятельной истории форм государственного устройства, правовых систем, идеологических представлений в любой области прежде всего и ослепляет большинство людей. Если Лютер и Кальвин "преодолевают" официальную католическую религию, а Гегель – Канта и Фихте, если Руссо своим республиканским общественным договором косвенно "преодолевает" конституционалиста Монтескьё, то это – процесс, который остаётся внутри теологии, философии, государствоведения, представляет собой этап в развитии этих областей мышления и вовсе не выходит за пределы мышления. А с тех пор как к этому прибавилась буржуазная иллюзия о вечности и абсолютном совершенстве капиталистического производства, – с этих пор даже "преодоление" меркантилистов физиократами и А. Смитом рассматривается как чистая победа мысли, не как отражение в области мышления изменившихся экономических фактов, а как достигнутое, наконец, истинное понимание неизменно и повсюду существующих фактических условий. Выходит, что если бы Ричард Львиное Сердце и Филипп Август ввели свободу торговли, вместо того, чтобы впутываться в крестовые походы, то можно было бы избежать 500 лет нищеты и невежества.

На эту сторону дела, которой я здесь смог коснуться лишь слегка, мне думается, все мы обратили внимания меньше, чем она того заслуживает. Это старая история: вначале всегда из-за содержания не обращают внимания на форму. Повторяю, я сам это делал, и эта ошибка всегда бросалась мне в глаза уже *post festum*[6].

[…] В связи с этим находится также нелепое представление идеологов: не признавая самостоятельного исторического развития различных идеологических областей, играющих роль в истории, мы отрицаем и всякую возможность их *воздействия на историю*. В основе этого лежит шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии как о двух неизменно противостоящих друг другу полюсах, и абсолютно упускается из виду взаимодействие. Эти господа часто почти намеренно забывают о том, что историческое явление, коль скоро оно вызвано к жизни причинами другого порядка, в конечном итоге экономическими, тут же в свою очередь становится активным фактором, может оказывать обратное воздействие на окружающую среду и даже на породившие его причины. […]

Фридрих Энгельс – В. Боргиусу[7]
в Бреславль
Лондон, 25 января 1894 г.

[…] 1. Под экономическими отношениями, которые мы считаем определяющим базисом истории общества, мы понимаем тот способ, каким люди определённого общества производят средства к жизни и обменивают между собой продукты (поскольку существует разделение труда). Таким образом, сюда входит *вся техника* производства и транспорта. Эта техника, согласно нашим взглядам, определяет также и способ обмена, затем способ распределения продуктов и тем самым после разложения родового строя также и разделение на классы, отношения господства и подчинения, государство, политику, право и т. д. В понятие экономических отношений включается далее и *географическая основа*, на которой эти отношения развиваются, и фактически перешедшие от прошлого остатки прежних ступеней экономического развития, которые продолжают сохраняться зачастую только по традиции или благодаря *vis inertiae*[8], а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму.

6 - буквально: после праздника, то есть с запозданием.
7 - Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 3, т. 39, стр. 174–176.
8 - силе инерции.

Если, как Вы утверждаете, техника в значительной степени зависит от состояния науки, то в гораздо большей мере наука зависит от *состояния* и *потребностей* техники. Если у общества появляется техническая потребность, то это продвигает науку вперёд больше, чем десяток университетов. Вся гидростатика (Торричелли и т. д.) была вызвана к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII веках. Об электричестве мы узнали кое-что разумное только с тех пор, как была открыта его техническая применимость. В Германии, к сожалению, привыкли писать историю наук так, как будто бы науки свалились с неба.

2. Мы считаем, что экономические условия в конечном счёте обусловливают историческое развитие. Раса же сама является экономическим фактором. Здесь, однако, не следует забывать о двух моментах:

a) Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является причиной, что только оно является *активным*, а всё остальное – лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, *в конечном счёте* всегда прокладывающей себе путь. Государство, например, оказывает влияние при помощи покровительственных пошлин, свободы торговли, хорошей или дурной фискальной политики. Даже смертельная усталость и бессилие немецкого мещанина, обусловленные жалким экономическим положением Германии в период с 1648 по 1830 г. и выразившиеся сначала в пиетизме, затем в сентиментальности и в рабском пресмыкательстве перед князьями и дворянством, не остались без влияния на экономику. Это было одним из величайших препятствий для нового подъёма, и препятствие это было поколеблено только благодаря тому, что революционные и наполеоновские войны сделали хроническую нищету острой. Следовательно, экономическое положение не оказывает своего воздействия автоматически, как это для удобства кое-кто себе представляет, а люди сами делают свою историю, однако в данной, их обусловливающей среде, на основе уже существующих действительных отношений, среди которых экономические условия, как бы сильно ни влияли на них прочие – политические и идеологические, – являются в конечном счёте всё же решающими и образуют ту красную нить, которая пронизывает всё развитие и одна приводит к его пониманию.

b) Люди сами делают свою историю, но до сих пор они делали её, не руководствуясь общей волей, по единому общему плану, и даже не в рамках определённым образом ограниченного, данного общества. Их стремления перекрещиваются, и во всех таких обществах господствует поэтому *необходимость*, дополнением и формой проявления которой является *случайность*. Необходимость, пробивающаяся здесь сквозь все случайности, – опять-таки в конечном счёте экономическая. Здесь мы подходим к вопросу о так называемых великих людях. То обстоятельство, что такой и именно вот этот великий человек появляется в определённое время в данной стране, конечно, есть чистая случайность. Но если этого человека устранить, то появляется спрос на его замену, и такая замена находится – более или менее удачная, но с течением времени находится. Что Наполеон, именно этот корсиканец, был тем военным диктатором, который стал необходим Французской республике, истощённой войной, – это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой. Это доказывается тем, что всегда, когда такой человек был нужен, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т. д. Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. служат доказательством того, что дело шло к этому, а открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого созрело и это открытие должно было быть сделано.

Точно так же обстоит дело со всеми другими случайностями и кажущимися случайностями в истории. Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в её развитии случайностей, тем более зигзагообразной является её кривая. Если Вы начертите среднюю ось кривой, то найдёте, что чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идёт. [...]

“Коммунистический Прометей” – это группа революционных марксистов, рассматривающих свою деятельность как часть всемирного движения рабочего класса за преодоление капитализма. Мы опираемся на программное ядро “Манифеста Коммунистической партии” и исходим из того, что коммунизм – не утопия и не абстрактный идеал, а историческая необходимость, вырастающая из самого развития современного общества.

Мы убеждены, что капитализм выполнил свою историческую роль. Создав мировой рынок и гигантские производительные силы, он одновременно обострил противоречия до глобального масштаба – от экономических кризисов до империалистических войн. Современная эпоха ставит человечество перед альтернативой: либо сохранение системы, порождающей эксплуатацию, неравенство и разрушение, либо её революционное преодоление **– коммунизм или варварство.**

Мы разделяем фундаментальное положение марксизма: **освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса.** Ни реформы, ни смена правящих групп, ни расширение “социального государства” не устраняют основы эксплуатации. Уничтожение частной собственности и товарного производства невозможно заменить национализациями, государственным регулированием или поиском “третьего пути” между капитализмом и коммунизмом. Либо общество остаётся в рамках капиталистической системы, либо переходит к непосредственно общественной организации труда.

Мы отвергаем все формы так называемого “реального социализма”, поскольку они сохраняли товарное производство, наёмный труд, деньги и государственный аппарат – то есть основы капиталистического способа производства. Сталинизм, маоизм и подобные идеологии представляли собой варианты государственного управления капиталом и сопровождали модернизацию отсталых стран, а не переход к коммунизму. Подмена уничтожения частной собственности её огосударствлением дезориентировала рабочий класс и скомпрометировала идею социализма.

Современный рабочий класс составляет большинство общества, но лишён политической самостоятельности, поскольку господствующими идеями остаются идеи буржуазии. Через медиа, образование, культуру и повседневные практики капитализм воспроизводит себя как “естественный” порядок, формируя у наёмных работников иллюзии национального единства, социального партнёрства и индивидуального успеха. Поэтому необходимо способствовать превращению стихийного недовольства в осознанную классовую позицию, направленную против самого капиталистического способа производства. Мы должны участвовать во всех проявлениях борьбы наёмных работников, обобщать их опыт, связывать частные конфликты с революционной перспективой.

Мы не считаем себя уже существующей мировой коммунистической партией и не претендуем на роль её единственного зародыша. Наша задача – способствовать её формированию как политической организации мирового пролетариата. При этом партия не должна заменить собой класс – она должна расти вместе с ним, обобщать его опыт, связывать разрозненные формы борьбы и придавать им сознательное направление. Освобождение возможно только как коллективное действие самого рабочего класса; партия лишь придаёт этому действию более организованный и целостный характер, не отделяя себя от исторического движения, частью которого она является.

Капитализм неизбежно порождает войны. Конкуренция капиталов и государств, борьба за рынки и ресурсы – это не отклонения, а логика системы. В нынешнюю эпоху большинство межгосударственных конфликтов носит империалистический характер, независимо от того, какие лозунги используются для их оправдания.

Перед лицом войн современного империализма коммунисты не выбирают “меньшее зло” и не становятся на сторону ни одной из воюющих буржуазий. Независимо от того, кто первым начал боевые действия, каждая из сторон защищает интересы капитала, делит рынки и сферы влияния. Поэтому нашей позицией остаётся **революционное пораженчество:** превращение империалистической войны в борьбу против собственного правящего класса. Поэтому мы сохраняем верность лозунгу немецких спартакистов: **“Враг в собственном доме”.** Главный противник рабочего находится не по другую сторону фронта, а в собственной столице, в собственном государстве, в собственном правительстве.

Мы живём в период вызревания условий будущих социальных потрясений. При всей слабости революционного движения в мировых центрах капитала объективные противоречия системы нарастают. Это требует не сектантского замыкания, а последовательной, терпеливой работы: распространения марксистской теории, участия в реальной борьбе, формирования кадров, способных соединить революционную теорию и практику.

Настоящее освобождение возможно лишь как коллективный акт мирового класса наёмных работников. После капитализма не будет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых – только свободное объединение людей, организующих производство и общественную жизнь на основе общих потребностей.